

Таир Киримов

**ГЕНЕЗИС И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ТРАДИЦИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

**в контексте национально-демократического
движения в Крыму (1917-1920)**

1

The Genesis, Ideology and Artistic Traditions
of Crimean Tatar Literature Through the Context of the
Crimean National and Democratic Movement (1917-1920)

ГБОУВО РК «КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ФЕВЗИ ЯКУБОВА»
НИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ, ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ ЭТНОСОВ КРЫМА

Киримов Таир Нуридинович

**Генезис и идейно-художественные традиции
крымскотатарской литературы в контексте национально-
демократического движения в Крыму (1917–1920)**

**The Genesis, Ideology and Artistic Traditions of Crimean
Tatar Literature Through the Context of the Crimean National
and Democratic Movement (1917–1920)**

МОНОГРАФИЯ

КНИГА I

Саратов
2025

УДК 821.512.2-1(477.9)
ББК 83.3(Крымтат)6
К 431

*Печатается по решению Ученого совета Научно-исследовательского
института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов
Крыма при ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова.
Протокол №11 от 28.11.2024 г.*

Рецензенты:

Керимов И.А. – доктор филологических наук,
профессор ГБОУВО РК «КИПУ им. Ф. Якубова».
Гуменюк В.И. – доктор филологических наук,
профессор ФГАОУ ВО «КФУ им. В. Вернадского».
Закирзянов А.М. – доктор филологических наук,
профессор, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Киримов Т.Н.

К 431 Генезис и идейно-художественные традиции крымскотатарской литературы в контексте национально-демократического движения в Крыму (1917–1920 гг.). Монография. Книга I / Ред.: В.И. Гуменюк. – Саратов : Амирит, 2025. – 308 с.
ISBN 978-5-00207-762-5

Kirimov T.N.

К 431 The Genesis, Ideology and Artistic Traditions of Crimean Tatar Literature Through the Context of the Crimean National and Democratic Movement (1917–1920). Monograph. Book I / Editor: V.I. Gumenyuk. – Saratov : Amirit, 2025. – 308 p.
ISBN 978-5-00207-762-5

В монографии рассматриваются истоки, условия формирования, а также традиции модернизированной крымскотатарской литературы в контексте исторических и культурных событий 1917–1920 гг. Особое внимание уделяется анализу литературного наследия таких выдающихся писателей этого периода, как Я. Байбуртлы, А. Кадризаде, А. Айвазов, М. Ниязый, А. Чергеев, Н. Челебиджихан, М. Нузет, А. Одабаш, Дж. Керменчикли, Б. Чобанзаде, А. Гирайбай. Автор исследования выявляет художественные особенности, лексико-стилистические приемы и жанровое разнообразие их литературных произведений, раскрывая творческие принципы и литературные традиции в условиях революционных и военных потрясений нач. XX в. В приложении представлены поэтические произведения, опубликованные в 1917–1920 годах в газ. «Миллет» («Нация»), одном из ключевых печатных органов национально-демократического движения крымских татар. Эти произведения транслитерированы с арабской графики на латинскую и снабжены глоссариями, что делает их доступными для широкого круга читателей, включая специалистов и всех, кто интересуется культурным наследием крымскотатарского народа.

This monograph examines the origins, formative conditions, and traditions of modernized Crimean Tatar literature within the historical and cultural context of 1917–1920. Particular attention is paid to analyzing the literary legacy of prominent writers from this period, including Yahya Baiburtly, Abdurahman Kadri-zadeh, Asan Aivazov, Memet Niyazi, Asan Chergeyev, Noman Chelebidzhikhan, Memet Nuzet, Abibulla Odabash, Jemil Keremchikli, Bekir Chobanzadeh, and Amdi Girabay. The author identifies the artistic features, lexical-stylistic devices, and genre diversity of their literary works, revealing their creative principles and literary traditions amidst the revolutionary and wartime upheavals of the early 20th century. An appendix to the monograph presents poetic works published in 1917–1920 in the newspaper “Millet” (“Nation”), a key print organ of the Crimean Tatar national-democratic movement. These works are transliterated from the Arabic script into Latin and provided with glossaries, making them accessible to a wider audience, including specialists and anyone interested in the cultural heritage of the Crimean Tatar people.

УДК 821.512.2-1(477.9)
ББК 83.3(Крымтат)6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Раздел I. Семиотические и коммуникативные стратегии в творчестве М. Нузета, А. Чергеева, Дж. Керменчикли	9
1.1. Опыт семиотического и лингвостилистического анализа поэм Асана Чергеева «Услышь, о чем говорит покойник!», «Судьба».	10
1.2. Художественный психологизм произведений Мемета Нузета.....	33
1.3. Структура и семантика поэтических заглавий Джемиля Керменчикли	47
Раздел II. Метафизика крымскотатарской национальной идеи в контексте литературных произведений А. Гирайбая, М. Ниязия, Б. Чобанзаде	61
2.1. Национальный колорит в любовной лирике Амди Гирайбая.....	62
2.2. Концепт «Родина» в творчестве Мемета Ниязия: генезис и поэтика.....	77
2.3. Мотивы смерти в лирико-публицистическом цикле Бекира Чобанзаде «Песнь свирели» и его место в контексте творческих исканий автора	96
Раздел III. Лингвоэстетическое сознание крымской писательской элиты первой половины XX в. (на примере произведений А. Айвазова, А. Одабаша, А. Кадризаде)	117
3.1. К вопросу об истории и причинах дискуссий вокруг языка Асана Айвазова и его идеологических соратников.....	118
3.2. Концепция индивидуально-авторской лексики в произведениях Абибуллы Одабаша (по материалам газеты «Millet» (1917–1920)).....	138

3.3. Социально-политическая сатира Абдурахмана Кадризаде: язык, стиль и проблематика	155
---	-----

**Раздел IV. Духовно-просветительские ценности
и традиции: исторические источники и судьбы .....** 177

4.1. Культурно-просветительская миссия крымскотатарской периодической печати в Крыму (1883–1944).....	178
4.2. Проблемы утверждения принципов толерантной педагогике в произведениях Абибуллы Одабаша и Номана Челебиджихана	187
4.3. Историография жизни и творчества подвижника крымскотатарской литературы и просвещения Яхьи Байбуртлы	197

Приложение №1: 207

*Поэтический дискурс крымскотатарского национально-
демократического движения в газете «Millet» (1917–1920) ...* 207

Abdülmennanzade Çelebi. «Tatar milletine bir hatıra»	207
Altuq Fevzi. «Celiliñ serguzeşti».....	208
Amele. «Ötmek öpeyim, kerçek!».....	209
Balıqçıyev Hafız-Bekir. «Kün doğmadan neler doğar?», «Tatarlıq»	210
Baybörü Noman. «Açuv», «Sünnet»	212
Bektöre Şevqi. «Esirik», «Hasret türküsü», «Qanlı insan», «Taşmaqlav», «Tüp oy!».....	213
Bolatukov Hüseyin. «Tatar askerine»	218
Cahit Hüseyin. «Ana tilim», «Hayrige», «Qırım», «Şevqi Bektöreye»	219
Çelebizade Abdürreşit. «Fen ve sanat marşı», «Hüner ve sanat mektebine».....	224
Çobanzade Bekir. «Ah, tabılsam!..», «Anam», «Bugün», «Çorabatır», «Ezan sesi», «Oy, suvuq şu ğurbet!», «Özen bolsam», «Peçel-Aziz», «Tuvğan til», «Tuvdım bir üyde...», «Ulu Tañırım»	226
Çoñarlı Ebubekir. «Birlik»	245

Fevzi Ümer. «Tatarğa».....	247
Hafiz Osman-Nuri. «Mektep»	248
İpçi Ümer. «İster edim», «Kimden yardım?»	249
Kerimzade Halil. «Ne ola?».....	251
Kermençikli Cemil. «Ben bir türküm!», «Büyük bayram şerefine», «Büyük yangın», «Cenk meydanı», «Esami cedveli yerine şiiir», «Öz dilimiz», «Sen ölme, doğ!», «Soñ söz», «Şairiñ göñlü», «Tatarım», «Uçurumiñ başındayız», «Vatan hainlerine qarğışlarım!», «Vatanımdan çıq!».....	252
Qadrizade Abdurrahman. «Doktor Rıza Tevfik beke nazire», «Kermençikliye nazire», «Qurultayın açılması için tarih», «Soñ ğayret».....	269
Qurtiyev Mustafa. «Şiir»	274
Lütfi Abdulâtif. «Milliy Qurultay açılacağı münasebetiyle»	274
Meñliğayev B. «Tuvğanlarıma!»	275
Meñliğazi Şeyhmehmet. «Şiir».....	277
Muallim. «Sevgili Qırım için»	277
Muqabil İhsan. «Şehitleri añarken!».....	278
Niyaziy Mehmet. «Dobrucadan sizge selâm ketirdim», «İsmail bek darülmualimatı»nıñ resmiy küşadı münasebetiyle», «Yolculuq hatıralarından».....	279
Nüzhet Mehmet. «Ağladım!..», «Bir sarhuşın ağzından», «Bir tatarın fiğanı», «Çoraniñ peşmanlığı», «Ökünç», «Yeter artıq!»	282
Odabaş Habibulla. «Ana», «Qurultay qurulsın!».....	290
Recep-Hayri. «Asker qardaş!»	293
Şakiraliyev Yaqup. «Qavğa sahnası»	294
Şerefeddin Ğaffar. «Göñülsizge!».....	295
Şeyhzade İbrahim. «Darulmuallimatqa»	297
Zekki Osman. «Seniñ için!..».....	298

Приложение № 2:	300
<i>Глоссарии</i>	300
Основные источники	303

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем монографическом исследовании рассматриваются истоки и условия формирования модернизированной крымскотатарской литературы в контексте культурных и политических событий 1917–1920 годов в Крыму. Особое внимание уделяется анализу литературного наследия выдающихся писателей этого периода, таких как Я. Байбуртлы, А. Кадризаде, А. Айвазов, М. Ниязий, А. Чергеев, Н. Челебиджихан, М. Нузет, А. Одабаш, Дж. Керменчикли, Б. Чобанзаде, А. Гирайбай. В их литературно-публицистических произведениях освещаются идеи культурного сближения тюрко-татарских народов, эмансипации женщин-мусульманок, реформирования народного образования, урегулирования земельных (вакуфных) вопросов, преодоления сословных различий в обществе, отказа от консервативно-клерикальных взглядов в пользу интеграции в европейскую цивилизацию.

Автор книги выявляет художественные особенности, лексико-стилистические приёмы и жанровое разнообразие произведений указанных писателей, таким образом раскрывая общие творческие принципы, преемственность и прогрессивные тенденции в крымскотатарской литературе в условиях революций и войн начала XX века. Рассматриваемый период представляет собой поворотный этап в истории и судьбе крымских татар. Прежде всего, он связан с политической активизацией крымскотатарского национально-демократического движения, выразившегося в деятельности Курултая (Парламента), его органов самоуправления и печати, что явилось важным фактором консолидации народа вокруг идеи создания Крымской демократической республики.

Содержание монографии состоит из четырёх разделов, охватывающих широкий спектр аспектов – от анализа поэтики и коммуникативных стратегий до философских основ национальной идеи и духовно-просветительских традиций в творчестве исследуемых авторов. Первый раздел посвящён исследованию семиотических и коммуникативных особенностей поэзии Мемета Нузета, Асана Чергеева и Джемиля Керменчикли. В рамках раздела проводится анализ лингвостилистических приемов и коммуникативных стратегий авторов, что позволяет выявить уникальные черты их творческого метода. Особое внимание уделяется аспектам художественного психологизма и семантике поэтических заголовков.

Во втором разделе рассматриваются метафизические основы крымскотатарской национальной идеи единства на примере гражданской поэзии Амди Гирайбая, Мемета Ниязия и Бекира Чобанзаде. Исследуются духовные истоки формирования крымскотатарской идентичности, отраженные в их лирико-патриотических стихотворениях. Для более глубокого осмысления творческой индивидуальности авторов анализируются философско-эстетические аспекты их произведений.

Третий раздел сосредоточен на исследовании лингво-патриотического сознания в творчестве Асана Айвазова, Абибуллы Одабаша и Абдурахмана Кадризаде. Анализ художественного слова и его роли в формировании патриотического восприятия мира позволяет выявить особенности художественного мышления авторов и их значимый вклад в развитие крымскотатарского языка и литературы.

В заключительной части монографии рассматриваются духовно-просветительские ценности и традиции крымскотатарской культуры. Анализ малоизвестных фактов о жизни и творчестве крымскотатарской писательской элиты начала XX века позволяет проследить эволюцию их духовных ориентиров в исторической перспективе. В частности, исследуются идеи ненасилия в творчестве Абибуллы Одабаша и Номана

Челебиджихана, а также освещаются малоизученные аспекты жизни и просветительской деятельности Яхьи Байбуртлы.

В качестве приложения к монографии представлены малоизученные тексты поэтических произведений, опубликованных в газете «Millet» («Нация»), что позволяет дополнить и расширить представление о развитии крымскотатарской культуры начала XX века.

Автор выражает благодарность Центральному религиозному объединению «Духовное управление мусульман Крыма и города Севастополь» (ЦРО ДУМК) за содействие в подготовке и издании монографии. Особую признательность автор выражает муфтию хаджи Эмиралю Аблаеву, заместителю муфтия Ремзи Куртдеде и начальнику отдела религиозных мероприятий Зенифе Аблаевой.

Искренние слова признательности автор адресует меценатам крымскотатарской науки за щедрую финансовую поддержку: Мухамеду Али Сулайманову, Сейтасану Адаманову, Эрвину Мустафаеву, Ризе Эреджепову, Тимуру Идрисову, Асану Умерову, Сафету Эюпову, Эрвину Сейт-Джелиль, Акиму Касымову, Эльзаре Смаиловой, фирме «El Lezzet» и другим благодетелям, пожелавшим сохранить анонимность.

РАЗДЕЛ I

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. НУЗЕТА, А. ЧЕРГЕЕВА,
ДЖ. КЕРМЕНЧИКЛИ**

**The Place of Semiotics and Communicative Strategies in the
works of M. Nuzet, A. Chergeyev and J. Kermenchikli**

1.1. Опыт семиотического и лингвостилистического анализа поэм Асана Чергеева «Услышь, о чем говорит покойник!», «Судьба»

**The Experience of the Semiotic and Linguostylistic
Analysis of the Poems by A. Chergeyev’s «Hear,
What the Deceased is Saying!», «Fate»**

***Summary:** A. Chergeyev is considered one of the influential poets of Crimea during the “Awakening era.” His poetic cycle is distinguished by its literary originality and unconventionality, and his methods of engaging readers are driven by his unconventional thinking. Of particular interest are his poems in Crimean Tatar; “Eşit, mevta ne sevleyur!” (“Hear, what the deceased is saying!”, 1909, 1917) and “Tağdir” (“Fate”, 1917). In the first poem, readers encounter a Crimean Tatar Muslim, experiencing the harsh realities of Tsarist rule in Crimea, he is depicted as a revived deceased man. The poem’s narrative explores the shift in national moral and ethical values within Crimean Tatar society under the influence of newly arrived settlers. Fearing censorship by the Tsarist authorities, the author deliberately uses the pseudonym “Belgisiz” (“Unknown”) and the Russian alphabet instead of the commonly used Arabic script of that period.*

To address the reader’s curiosity sparked by the title “Hear, what the deceased is saying!”, the poet immediately draws attention to the deceased’s sneeze at the poem’s outset, thus signifying his revival. Sneezing, therefore, becomes a literary device that allows the poet to seamlessly transition characters between states. The story recounted by the “deceased”, named Omer, transports us to a moonlit, rocky valley. From its depths, emanating from a forgotten ancient cemetery, heart-wrenching cries and groans come. Omer’s mission is to warn his compatriots about the threat of ethnic assimilation. The deceased’s very appearance and teachings hold the potential to become prophetic for the common people, who remain largely unaware of the danger.

In the poem "Fate" the central heroine is the Crimean Tatar girl Esma. She is the daughter of a wealthy peasant who, at the risk of her life, dares to challenge national traditions that debase the human dignity of Muslim women. Forced into a marriage with an old man, she confronts a difficult choice: to passively accept her misfortune to live without love or to end her life, committing a suicide. Recognizing the spiritual and moral significance of his work, the poet unveils Esma's inner world through her plea to the Almighty. The young girl implores God to take her soul, otherwise, she will take her own life. On that quiet evening, her pleas and bitter tears remain confined within the walls of her house, unheard by her father or relatives. Only the agitated birds in the garden, with their nocturnal cries, foreshadow the impending storm. This tense psychological atmosphere is masterfully conveyed from the poem's outset through figurative parallelism — the juxtaposition of the natural world and the human condition. Through Esma's psychological portrait, the poet illuminates the darker aspects of Crimean life during that period. He analyzes the roots of the cultural crisis and potential avenues for overcoming it. This period is also marked by the emergence of a feminist movement among Crimean Muslim women in 1917, who fought for their political and social rights.

In A. Chergeyev's poetry, lyrical and journalistic elements are organically interwoven, creating a profound impact on the reader. The tragic fates of the heroines in his works reveal the acute problems facing the entire society. Gender inequality and low levels of education pose a threat to the nation's survival. The interplay of motifs related to death, visions, fog, and sleep in the poems "Fate" and "Hear, what the deceased is saying!" reflects the author's ongoing search for the meaning of life. Chergeyev's literary work is a significant intellectual endeavor. The careful selection and diverse methods of artistic representation of life's material transform his works into vivid, living canvases. They reflect the depth of the characters' emotional experiences, reveal the richness of the national language, and convey the energy and power of the author's voice.

Асан Чергеев считается одним из влиятельных поэтов-народников в Крыму «Периода пробуждения». Его цикл стихотворений отличается литературной креативностью и неординарностью, а способы привлечения внимания читателей определяют латеральностью мышления. Особый интерес представляют его поэмы на крымскотатарском наречии «Услышь, о чем говорит покойник!» и «Судьба»¹. В разное время творчество и жизнь А. Чергеева рассматривались в литературно-критических работах авторитетных исследователей. Например, это «Крымские книгоиздатели» (1919) А. Одабаша; «Доклад А. Лятифзаде по поводу крымскотатарской литературы новейшего периода» (1928); «Парламентство и национализм в крымскотатарской литературе» (1929) Б. Чобанзаде; «Студии из Крыма» (1930) А. Крымского; «Шамиль Тохтаргазы и Чергеев» (1935–1936) А. Алтанлы; «Наши знаменитый публицист и детский поэт» (1968) Э. Шемьязаде; «Беседы» (1980) З. Джавтобели, «Крымские татары: прошлое, настоящее, будущее» М. Улькусала (1980) и др.² Вносит весомый вклад в интерпретацию литературного процесса в довоенном Крыму И. Керимов. На протяжении многих лет профессор опубликовал серию монографий, в которых разносторонне освещаются судьбы плеяды крымскотатарских писателей конца XIX и начала XX века. Асану Чергееву отведено особое место. Малоизвестные архив-

¹ *Бельгисиз*. Эшит, мевта не севлеюр! Поэма. Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. 12 с.; *Çerğiyev H. Taqdir. Şiir / Yaş tatar yazıları / haz. Yaş tatar yazğıçları cıymı*. İstanbul: Bab-ı Ali qarşusunda tavsi-i tabaat matbaası, 1912. 50 s. S. 31–34.

² *Джавтобели З. Субетлер // Ыылдыз*. 1980. № 2. С. 126–132; Керимский А. Литература крымских татар / у поряд. О.И. Губар. Симферополь: Доля, 2003. 200 с. С. 170; *Шемьязаде Э. Мешур публицист ве бала шаиримиз Асан Чергеев // Ленин байрагы*. 1968. Январь 20; *Çobanzade B. Qırım tatar edebiyatında qurultaycılıq ve milletçilik*. Bakı: Azərbaycan ilmi tədqiq institutu nəşriyatı, 1929. 38 s. S. 18–22; *Millet cevherleri*: N. Çelebicihan, C. Seydahmet, H. Ayvazov, H. Odabaş, O. Murasov, C. Kermeçikli, A. Qadrizade: 1917–1920 ss. «Millet» gazetasında basılğan edebiy-publitsistik eserler / haz. T. Kırımov. Simferopol: QCI «Qırımdevoquvpedneşir» neşriyatı, 2012. 716 s. S. 453–458; *Qırım tatar edebiyatının soñki devri haqqında A. Latifzade arqadaşın maruzası // Oquv işleri*. 1928. No. 4–5 (24–25). S. 29–44; *Ülküsal M. Kırım Türk-Tatarları: Dünü. Bugünü. Yarını*. İstanbul: Baha Matbaası, 1980. 366 s. S. 266; *Altañlı A. Şamil Tohtarğazi ve Çerğiyev // Edebiyat ve Kultura*. 1936. No. 1. S. 37–40; № 2. S. 29–32.

ные факты из поэтического наследия поэта восстанавливаются ученым буквально по частицам¹. Поэтому, сегодня мы более или менее ознакомлены с историей издания в 1909 году книги «Услышь, о чем говорит покойник!» и ее прямом влиянии на трагическую судьбу поэта. Не так давно в архивах государственных библиотек Берлина и Крыма были обнаружены оригиналы этих поэм. Прежде чем перейти к их обсуждению стоит осветить важные вехи творческой жизни деятеля литературы.

Асан Чергеев родился в 1879 году в деревне Аджикеч (Харитоновка, Симферопольский р-н). В местной школе получил начальное образование. Успешно окончив Симферопольскую татарскую учительскую семинарию (1899) возвращается преподавать в родную начальную школу. 1909 год для Чергеева оказался годом переезда в Симферополь и издания поэмы «*Eşit, mevta ne sevleyur!*» («Услышь, о чем говорит покойник!»). За её содержание, открыто противоречащее политической идеологии царского правления в 1912 г. поэта арестовывают, но скоро в честь 300-летия династии Романовых – амнистируют. После военной службы в чине поручика он продолжает учительское дело в разных селениях Крыма (1914–1920). В период сталинского режима в 1930 году репрессивно-карательными органами НКВД был приговорён к 5 годам лагерей. В 1944 г. вместе с семьёй выслан на Урал. В 1946 г. получив разрешение, едет к депортиро-

¹ Киримов И. “Эшит, mevta не сёйлюёр” (А. Чергеевнинь поэмасына даир базы кьайдлар ве шу эсерден парчалар) // Йылдыз. 1996. № 6. С. 158–167; Киримов И. 1938 сенеси, апрель 17. Репрессиягъа огъратылган зиялыларымыз (У. Ипчи, И. Леманов, А. Озенбашлы, Ш. Бекторе, А. Ильмий, Дж. Керменчикли, А. Къадризаде, А. Чергеев ве Я. Кемал акъкъында) // Янъы дюнъя. 1998. № 32. Апрель 25; Киримов И. Асан Чергеев // Голос Крыма. 1996. Октябрь 25; Киримов И. Гъарбий Европанын архив ве кутлопханелеринде кырымтатар мевзуаты. Монография. Белгород: Константа, 2017. 176 с.; Киримов И. Кырымтатар эдебиятынын инкишаф ёллары (1850–1917). Монография. Белгород: Константа, 2018. 312 с.; Киримов И. Мужде. “Ветан хадими” газетасынын булунмасы (А. Чергеев ве А.С. Айвазов акъкъында янъы малюматлар) // Янъы дюнъя. 1991. № 39. Сентябрь 25; Киримов И. Теренлик: Умер Ипчининь эдебий омюри. Монография. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санат нешрияты, 1988. 144 с.; Киримов И. XIX асырнын сонъу ве XX асырнын башында кырымтатар бедий сёзюнинь эврими. Монография. Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 1998. 184 с.

ванном родным, но по дороге серьёзно заболевает и скоропостижно умирает в больнице г. Андижана Узбекской АССР¹.

По информации «Крымскотатарской энциклопедии» проф. Р. Музафарова литературное наследие поэта включает около 30 пьес и поэм, 15 поэтических сборников². Правда, в уникальном «Библиографическом указателе печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке (1618–1944)» И. Керимова число изданий поэта значительно отличается в меньшую сторону³. Тем не менее, А. Лятифзаде отмечает что, в архиве Чергеева оставались ещё неопубликованными многие стихотворения, пьесы и рассказы⁴.

Большей частью произведения писателя, посвящены вопросам просвещения, национальной самоидентификации, женского равноправия, межклассовых отношений, традиций, веры и нравственности. Вместе с тем, автор проявил себя знатоком детской психологии. Сегодня в наших руках его иллюстрированные сборники детских стихов, пьес и сказок 1928 года издания: «*Hayvanlar ne aytar?*» («О чём говорят животные?»), «*Tilki ve qoyan*» («Лисица и заяц»), «*Tilki ve köylü*» («Лисица и крестьянин»), «*Yıl dönümü*» («Новый год»: драма для детей)⁵.

Опыт написания пьес и внутренняя харизма помогают драматургу работать с аматорской театральной труппой (1917)⁶. В октябре 1923 г. Наркомпрос Крыма с целью возобновления работы крымскотатарского театра также организывает собрание руководителей районных и городских творческих круж-

¹ Керимов И. Эки асыр арасында XIX–XX – На стыке веков. Акьмесджит: Кырымдевокъувпеднешир, 1997. 21 портрет.

² Крымскотатарская энциклопедия / сост. Р. Музафаров. В двух томах. Т. II. Акьмесджит: Ватан, 1991. 835 с. С. 785–786.

³ Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. / сост. И. Керимов. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.

⁴ Qırımtatar edebiyatınıñ soñki devri haqqında A. Latifzade arqadaşın maruzası // Oquv işleri. 1928. No. 4–5 (24–25). S. 41.

⁵ Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. / сост. И. Керимов. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с. С. 134.

⁶ Там же, 2009. 324 с. С. 134, 295.

ков. В повестке дня собрания основным вопросом являлось открытие татарского сектора при русской Драмстудии. Были озвучены имена претендентов в рабочий состав труппы. Это известные деятели искусства, как Умер Ипчи, Халит Куркчи, Эмине Челебиева, Айше Тайганская, Ава Кылычева, Асан Чергеев и др.¹ Позже, сектор получил статус Крымскотатарского государственного драматического театра. Из мемуарных статей директора крымскотатарского театра Э. Грабова известно, что в первое время артисты театра из-за плохого финансирования были вынуждены в летний сезон ездить на гастроли в дальние села и районы Крыма. Репертуар театра состоял из специально подобранных для отображения местного быта пьес крымскотатарских, татарских, турецких, азербайджанских, немецких, английских драматургов².

Наряду с авторскими книгами Чергеев публикуется в коллективных сборниках: «*Yaş tatar yazğıçları*» («Молодые крымские писатели», 1912)³, «*İnqilâbiy şiirler*» («Революционные стихи», 1925); в номерах газет и журналов: «*Vetan hadimi*» («Слуга народа», 1908), «*Gölcü tatar*» (1917), «*Yeşil ada*» («Зеленый остров», 1920), «*Yeñi dünya*» («Новый свет», 1924), «*Yañı Çolpan*» («Новая Венера», 1924), «*Azat Qırım*» («Освобожденный Крым», 1942)⁴.

¹ *Odabaş H.* Qırımtatarlarında teatro hayatı // *Yeni dünya*. 1923. No. 95 (315). Oktâbr 14.

² *Керимова С.* Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии. Монография. Симферополь: Доля, 2002. 192 с. С. 151–178; *Киримов Т.* Традиции крымскотатарской литературы и печати (период I Крымскотатарского Курултая). Монография. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 180 с. С. 67–80.

³ Сборник выпущен в Турции. Здесь, также можно ознакомиться с ранним творчеством таких классиков крымскотатарской литературы, как Б. Чобанзаде, Н. Челебиджихан, М. Ниязий, А. Одабаш. – Т.К.

⁴ *Х.Ч.* Крымскотатарский курултай и татарский Парламент // *Голос Татар*. 1917. № 16. Декабрь 20; *Çergeyev H.* Ey, Qırımñıñ yaş yigiti! Şiir // *Azat Qırım*. 1942. No. 31. Mayıs 8; *Çergeyev H.* Ey, Sen Qırım (Ural türküsü). Şiir // *Azat Qırım*. 1942. No. 19. Mart 27; *Çergeyev H.* Közyaş-Han çeşmesi. Şiir // *Vetan hadimi*. 1908. No. 21. İyün 7; *Çergeyev H.* Yıl dönümi. Bala draması // *Yañı Çolpan*. 1924. No. 4–5. S. 14–16; *Çergiyev H.* Ocalarğa. Şiir // *Yeñi dünya*. 1924. No. 112 (459). Avgust 9; *Çergiyev H.* Ömürnen küreş. Tiyatro – mektep. Şiirler // *İnqilâbiy şiirler mecmuası: Yaş Qırım şairleriniñ eserleri. Aqmescit: Qırım hükümet neşriyatı*, 1925. 102. s. S. 68–71, 90–91.

После смерти автора, под редакцией А. Алтанлы, Ш. Алядина, Ю. Болат и А. Дерменджи был выпущен сборник стихотворений «*Saadet için*» («За счастье», 1976). Здесь, вместе с поэмами и пьесой Чергеева опубликованы стихотворения его соратников по перу Усеина Тохтаргазы, Джемиля Керменчикли, Якуба Шакир-Али. Неоднократно переиздавались с переводами на русский, украинский, узбекский языки его детские книги «*Hayvanlar ne aytar?*» («О чем говорят животные?»), «*Quşlar ne aytalar?*» («О чем говорят птицы?»)¹.

В поэме «*Услышь, о чем говорит покойник!*» («*Eşit, mevta ne sevleyur!*») читатели в образе ожившего покойника узнают крымского мусульманина, переживающего тяжелое положение во времена царского правления в Крыму. Сюжет произведения повествует о трансформации национальных морально-этических устоев в крымскотатарском социуме под влиянием иноземных переселенцев. Увиденное приводит «покойника» в крайнее смятение. В отчаянии он решает навсегда вернуться в свою могилу.

Опасаясь быть уличённым царской цензурой, автор намерено использует в произведении псевдоним «Belgisiz» («Не известный») и русский алфавит вместо общепринятой на тот период арабской письменности. Ввиду того, что крымские татары полностью перешли на кириллическую графику лишь в 1938-ом, в поэтических текстах А. Чергеева встречается достаточно орфографических погрешностей. Естественно о новых, специально разработанных для русского алфавита правилах орфографии в

¹ Саадет ичюн. Эдебий эсерлер джыйынтыгы / аз. А. Алтанлы, Ш. Алядин, Ю. Болат, А. Дерменджи. Ташкент, 1976. 140 с. С. 67–70; Чергеев А. Айванлар не айталар. Жониворлар нима дер. Звери, птицы, насекомые. Шиирлер / пер. Е. Обидов, А. Канькин, Р. Фархади. Ташкент: Эдебият ве санъат нешр., 1986. 40 с.; Чергеев А. Айванлар не айталар. Про що розмовляють тварини. О чем говорят звери. Шиирлер / аз. А. Чергеев. Акъмесджит: Оджакъ, 2002. 18 с.; Чергеев А. Айванлар не айталар. Про що розмовляють тварини. О чем говорят звери. Поэзия / аз. А. Чергеев; тердж. А. Канькин. Симферополь: Къырымдевлстокъувпед. нешр., 2005. 20 с.; Чергеев А. Къушлар не айталар. Про що розмовляють птахи. О чем говорят птицы. Поэзия / аз. А. Чергеев; тердж. О. Тимохина. Акъмесджит: Оджакъ, 2002. 18 с.

крымскотатарском языке поэт не мог предполагать. Тем не менее, как отмечает академик А.Е. Крымский, благодаря тому, что поэма была написана русскими, а не арабскими буквами, она сохранила тонкие диалектные звуковые оттенки¹. Возможно, опыт использования кириллицы Чергеевым был перенят у известного лексикографа, выпускника Симферопольской татарской учительской школы О. Заатова. Он, в 1906 году с целью облегчения межкультурной коммуникации жителей и гостей Крыма выпустил «*Полный русско-татарский словарь*». Объем словаря составляет около 11 тыс. слов². В водном слове к читателю автор словаря поясняет свой выбор кириллической графики так: «В предлагаемом словаре в татарском тексте я употребил не арабские, а русские буквы, с той целью, чтобы ими могли пользоваться не только татары, но и русские, например, студенты Восточного факультета Петербургского университета, Лазаревского института и все, кто будет нуждаться в нем»³.

Рассматривая лингвистические особенности «*Eşit, mevta ne sevleyur!*» можно отметить, что в словаре поэта встречаются диалектные формы лексем типа *açeli* (лит.: acele – скоро), *taçır* (лит.: taacıp – изумление), *teçirbe* (лит.: tecirbe – знание, опыт), *çanı* (диал.: canı – новый), *çailik* (лит.: cahillik – невежество), *çamı* (лит.: samı – мечеть), *çümle* (лит.: cümle – вместе), *çeza* (лит.: ceza – расплата). В приведенных иллюстрациях можно отметить явление спондизации (замены) звуков «с» / «ç» в начале и середине слов. Данные слова могут оказать помощь в осмыслении особенностей старой крымскотатарской латинской графики. Уместно вспомнить знаменитую поэму писателя Н.В. Гоголя «*Мёртвые души*». В 1931 году по заказу Комитета

¹ Крымский А. Литература крымских татар / упряд. О.И. Губар. Симферополь: Доля, 2003. 200 с. С. 170.

² Сейдаметова Н. Полный русско-татарский словарь Османа Заатова как лексикографический источник для словообразовательного и лексического анализа // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Том 1. Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. С. 19–21.

³ Полный русско-татарский словарь / сост. О. Заатов. Симферополь: Типография Бр. Нутис, 1906. 118 с.

нового тюркского алфавита она была переведена У. Ипчи на крымскотатарский язык латинской графикой. Но, читатель, привыкший к современному турецкому алфавиту может оказаться в неудобной ситуации читая заголовок старой книги как «*Ölü canlar*» / «Олю *чанлар*» («Умершие колокола») вместо «*Ölü canlar*» / «Олю *джанлар*» («Мертвые души»). Не менее привлекательным видится глагол «*sevlemek*» («говорить») и его варианты спряжения в поэме Чергеева: «*seвле*», «*sevleme*», «*sevlene*», «*sevleyur*», «*sevler*», «*sevlep*», «*sevliyiz*»¹.

В фольклорно-диалектологических исследованиях А. Самойловича, Б. Фалева, Б. Эрджиласуна слово «*sevlemek*» классифицируется как разновидность древних кыпчакских говоров². Вместе с тем, в работах исследователей поэмы данное диалектное слово можно прочесть по-разному: «*söyleyur*», «*söylüyor*», «*söyleyor*». Разумеется, различение данного термина также ведет к размытию языкового колорита оригинала. В объявлении симферопольской газеты «Миллет» за 1917 год о выходе в свет поэмы «Судьба» («*Taqdir*») анонсируется переиздание известной нам книги, правда с некоторыми изменениями в названии «*Услышь, о чем говорит могила!*» («*Eşit, mezar ne sevleyur!*»)»³. Сюжет поэмы в общих чертах напоминает произведения «Воздушный корабль» М. Лермонтова и «Разговор с мумией» Э. По⁴. Поэтическое повествование о воскресшем страннике начинается следующими строками:

¹ *Киримов Т.* Традиции крымскотатарской литературы и печати (период I Крымскотатарского Курултая). Монография. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 180 с. С. 71–73.

² Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранных Боданинским, Мартино и Мурашовым / ред. А. Самойлович, П. Фалев // ИТУАК. 1915. № 52. С. 1–68; *Ercilasun A.* Başlangıcından Yirminci Yüzyıla: Türk Dili Tarihi. Ankara: Başer Matbaası, 2004. 476 s. S. 394.

³ *Taqdir. İân // Millet.* 1917. İyül 23.

⁴ *Лермонтов М.* Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. Москва: Худож. лит., 1984. 493 с. С. 105–106; *Poe E.* Bir mumya ile küçük bir hasbihal. İstanbul, 2002. 173 s.

«*Yuqlay idim, aqsurup uyandım*
Ben bir tatlı yuqudan,
Açtım közüüm, inan, ötiim
Patlayazdı qorqudan.
Ay üstümde, kündüz kibi
İde yerin aq-yaruq
Ey, ya Rabbim, ne yerdemen?!.
Aldum-artum qayaluq»¹.

(«[Громким] чихом был нарушен мой сон,
Сладостным и беззаботным был он.
Открывши глаза, трудно поверить,
Страх мой ничем не измерить.
Луна точно дневное светило,
Сияньем все вокруг ослепило.
Где я, дай знать о, Всевышний!
Скалы окружили меня пленивши»)².

Приведённые строки из поэмы простотой языка и размером сближаются с народным стихом. Бросаются в глаза элементы анжамбемана. Поэт, делая акцент на семантическую нагрузку поэтического пассажа делит предложения на части, то есть более детально рассматривает каждое событие. В итоге эта работа может расцениваться как большой интеллектуальный труд не только поэта, но и читателя. А. Чергеев, чтобы уменьшить сомнения читателя попавшего в ловушку заголовка «*Услышь, о чем говорит покойник!*» ещё в начале стихотворения выводит на первый план чихание усопшего, то есть его оживление. Как мы знаем из жизненной практики чьему-то чиханию всегда придаётся значение. Внезапное и громкое, бесконтрольное и привлекающее внимание окружающих чихание может восприниматься

¹ *Бельгисиз.* Эшит, мевта не севлеюр! Поэма. Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. 12 с. С. 1.

² Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

по-разному: со страхом и вздрагиванием; с пожеланием здоровья и долголетия; как повод подтверждения правды, правоты. Наконец, сюжет зачина стихотворения может оказаться аллюзией предания о сотворении первого человека – Адама. Таким способом, дух по велению Всевышнего сквозь голову проник в бездыханное тело, сотворённое из куска глины. Обрато дух вышел через нос при этом заставив Адама чихнуть, образно говоря – вдохнуть жизнь¹. В общей сложности, феномен чихания, являет собой литературный метод, с помощью которого поэт легко перемещает героев из одного состояния в другое.

Примечательно, что ожидаемый образ восставшего из могилы покойника по имени Омер мало соответствует традиции жанра мистики. Вместо приводящего в ужас сверхъестественного существа перед читателем предстаёт жалкий, перепуганный бедняга:

*«Çuqurdır em duran yerim,
Bitmiş qırtuş üstümde.
Ne olduğun eç añlamam:
Közler körmez kimerde.
Baqdum, dürbe üstümdesi
Tap yazısı qırulğan.
Añlaşıla, ben ölgenmen,
Oña vaqut çoq olğan.
Ağlayup ellerimnen,
Keñ eyledim mezarım.
Düşünemen – eger çıqsam,
Bo yanınan ne yasarım?..»².*

(«Лежу [навзничь] в могиле разрытой,
Слоями пыли и праха стан мой укрытый.
Что происходит никак не пойму:

¹ *Qoñurat K. Qissa-i Adem safiullah // Günsel. 1999. No. 1. S. 35–37.*

² *Бельгусиз. Эшит, мевта не севлеюр! Поэма. Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. 12 с. С. 1.*

Глаза порой не видят совсем.
На плите у изголовья могилы,
Надписи [давно] истёрлись и померкли.
Очевидно умер я, скончался,
С тех пор не мало времени прошло.
Я плачу, но руками [тревожно],
Прощупываю почву могилы вокруг.
Размышляю: вот, если выберусь,
Что буду дальше делать здесь я...»).

История, рассказанная «покойником», переносит нас в скалистую долину, ярко освещённую лунным сиянием. Здесь, можно услышать душераздирающие крики и стоны, доносящиеся из глубины забытого древнего кладбища. Впрочем, бытие между жизнью и смертью подвергается полемике и в экзистенциальных сюжетах произведений современников поэта – И. Гаспринского «*Беседа султанов*» («Mukâlemeyi selâtin»), Дж. Сейдамета «*Святые могилы*» («Nurlu qabirler»), Б. Чобанзаде «*Лучшая смерть*» («Yahşı ölüm»), Н. Челебиджихана «*Я поклялся!*» («Ant etkenmen»), Дж. Керменчикли «*Не умирай, возродись!*» («Sen ölme, doğ!»), М. Нузета «*Печаль моего разбитого сердца*» («Qırıq qalbimniñ qağışısı»), А. Гирайбая «*Ты*» («Sen»), М. Куртия «*Логово демонов*» («Cinler yatağı»)¹. Писатели к смерти или прошлому относятся как: способ сближения с предками для обсуждения будущего нации; повод освобождения от бремени устаревшего образа жизни народа под влиянием революционных лозунгов; избавление двух влюблённых сердец от преград бренного мира.

¹ Гирайбай А. Шиирлер / аз. У. Эдемова. Симферополь, 1997. 143 с. С. 68; Керменчикли Дж. Ма-бих-иль-ифтихарым – Къырымлыктыр меним гъурурым / аз. Т. Киримов. Акъмесджит, 2005. 135 с. С. 78; Мемет Нузет. Къырымнынъ чэль аятындан. сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтъягъя. Акъмеджит, 2003. 240 с. С. 98; Чобан-заде Б. Бир сарай къураджакъман. Шиирлер / аз. Н. Сейтъягъя. Симферополь, 2001. 192 с.; Çelebicihan N. Ant etkenmen. Şiir // Qırım mecmuası. 1918. No. 8. S. 147; Gasprah İ. Mukâlemeyi selâtin // Terciman. 1906. No. 144, 145; 1907. No. 3, 7; Kirimer C. Nurlu Kabirler. İstanbul, 1991. 111 s.

Возвращаясь к поэме Асана Чергеева, мы убеждаемся в том, что миссия Омера сводится к предостережению земляков о приближающейся опасности этнической ассимиляции. Само явление и поучения, наставления умершего могут оказаться пророческими для простого народа, пребывающего в глубоком сне невежества.

*«Dünya bağlı ahirete,
Çail olsa bir adam
Ölgende de çeker ceza
Eksilmez başı belâdan.
Birlik olmay kitseñiz şay,
İşiñiz ğayet çoq fena.
Ne dünyade, ne ahirette
Bulunmaz derde eç deva!..»¹.*

(«Миру предписан Судный день,
Если невежей жизнь прожил человек,
В мире усопших ему не избежать [божьей] кары,
Беды и страдания будут одолевать его [вечно].
Если забудете о мире и сплочённости,
[Тогда] ваши дела будут очень плохи.
[Нигде] не найдёте спасения
Ни в брэнном мире, ни в загробном!..»).

Здесь представляются разнообразные метаморфозы смысловых оттенков парадигмы сна. Верно понимая стратегию мышления поэта, ещё в заголовке можно увидеть философско-дидактическое начало произведения. В лирике поэта важное место уделяется мотивам смерти и разлуки, старости и безысходности, раненной птицы и клетки. Они отражают судьбу поэта.

Было сказано, что А. Чергеев подвергался политическому преследованию со стороны царской и советской властей.

¹ *Бельгисиз*. Эшит, мевта не севлеюр! Поэма. Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. 12 с. С. 1.

Несмотря на ужасающие условия в тюрьмах и лагерях он продолжал писать. Вот стихотворение «*Aqay*» («Мужчина»), написанное поэтом в заключении.

*«Qartayğanda, men ğarip yañğız qaldım,
Şu ecelsiz ölümi boynuma saldım.
Ah, desem, «Ah» der kimsem yoq, ölsem – cılar,
Açıq qalğan közümi kimler cumar..
Qavuşmağan, dünyadan «Ah» dep keter
Sıratlarda ödelgen ölümden beter...»¹.*

(«Состарившись остался совсем один,
Не даёт покоя мысль о смерти.
[Только] некому оплакивать если помру,
Некому прикрыть мне застывшие веки...
С тоской покидать этот мир не постигши,
Более страшнее, чем ожидать Судный день»).

Перечитывая эти душераздирающие строки, процарапанные иглой на стенках алюминиевого лагерного котелка в 1930 годы нам, представляются исколотые в кровь пальцы поэта. Перед нами возникает картина прощания с жизнью глядя в глаза проклятой им смерти. Отчаявшийся поэт больше испытывает тревогу из-за того, что после кончины некому будет закрыть ему глаза. Одинокий в этом мире и главный герой поэмы «*Услышь, о чем говорит покойник!*». Омер эфенди чувствует себя совершенно чужим на собственной родине. Скитаясь по земле предков в поиске близких, он встречает людей, враждебно настроенных против него:

*«Eles oldu köze bina,
Sandım – murza sarayı.
Sürüp kelsem, ne baqayım –
İçinde qazaq alayı.*

---

¹ Киримов И. Поэтический гений – Асан Чергеев (1879–1946). URL: <http://goloskrimanew.ru/poeticheskij-geniy-asana-chergeeva-1879-1946-2.html>

*Düştüm duşman qarqanuna,
Qaldım, sandım qabaatke.
Quvdılar beni, dediler: «Poşёл,
Татарске лопатке!»¹.*

(«Мне показалось, будто в дали дом,
Я подумал, что это дворец вельмож.
Еле добрел, но что я вижу –
Полон дом незнакомцев.
Подумал, вот попал в западню,
Что делать, ведь сам виноват.
Начали гнать меня словами:
Пошёл, татарская лопатка!»).

В крымскотатарском тексте привлекает внимание вкрапление русской речи в виде фразы, типа «*Пошел, татарская лопатка!*». Исследуя историю происхождения этого выражения, можно выйти на известные произведения М. Горького «*Жизнь Матвея Кожемякина*», В. Шишкова «*Угрюм река*», П. Знаменского «*Казанские татары*». Проясняется, что «татарской лопаткой» по преимуществу называли насильственно крещёных или колонизированных татар, черкес и других народов России. Необходимо отметить, что А. Чергеев на протяжении всего творчества создаёт коллекцию типов трагических судеб. Например, это стихотворения, как «*Közyaş-Han çeşmesi*» («Фонтан слез»), «*Ömür – çıraq*» («Жизнь – свеча»), «*Ömürnen küreş*» («Жизнь – это борьба»), «*Taqdir*» («Судьба»)²

Эпипоги в поэмах «*Taqdir*» и «*Eşit, mevta ne sevleyur!*» в некоторой степени имеют общие сходства:

«Yol yanına kömüldi o. Aq türbesi şindi tura, / Kelen kitüb, baqıp oña ete rahmet, qıla dua. / Azat olup uçan quşçuq, qonar başına türbe taşın. / Allah rahmet eylesin der, yırlap anda töker yaşın».

¹ Бельгисиз. Эшит, мевта не севлеюр! Поэма. Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. 12 с. С. 2.

² Çergeyev H. Ey, Sen Qırım (Ural türküsü). Şiir // Azat Qırım. 1942. No. 19. Mart 27; Çergiy H. Ocalağa. Şiir // Yeñi dünya. 1924. No. 112 (459). Avgust 9; Çergiyev H. Ömürnen küreş. Tiyatro – mektep. Şiirler // İñqilâbiy şiirler mecmuası: Yaş Qırım şairlerinin eserleri. Aqmescit: Qırım hükümet neşriyatı, 1925. 102. s. S. 68–71, 90–91.

(«Похоронена она на краю дороги. Там белая гробница сейчас, / Проходящие молитву читают. / Освобождённая [ею когда-то] птичка на мраморе могильном / Плачет, молит бога о прощении [грехов]. – («Судьба»)) или:

«*Örtüldi üstü topraqnen, / Kene bitti çöp-ölen. / Ufaq quşcuq yanına kelüp / Oldu onu tek kören; / Allah rahmet eylesin, dep / Dürbesinde bağırdı. / Kün doğğancıq baş ucunda / Faqırın ağladı!*»¹.

(«Могила вновь землёй покрылась, / Заросла травой и кустами. / Маленькая птичка / Оказалась с ним рядом; / Всевышнего молила о прощении / До самого рассвета / Оплакивала бедолагу. – («Услышь, о чем говорит покойник!»)).

В следующей поэме, о которой пойдёт речь, центральным героем является крымскотатарская девушка по имени Эсма. Это дочь зажиточного крестьянина, которая ценою жизни отважилась противостоять национальным устоям, унижающих человеческое достоинство мусульманской женщины.

Как упоминалось, поэма «*Taqdir*» дополнительно подвергалась авторской переработке и переизданию в 1917 году. Печать издания осуществлялась в типографии газеты «*Millet*» («Нация») – главном печатном органе первого крымскотатарского Парламента². О местонахождении книги ничего не известно, но с фрагментами произведения можно ознакомиться

¹ *Бельгисиз*. Эшит, мевта не севлеюр! Поэма. Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. 12 с. С. 12; *Çergiyev H. Ömürnen küreş. Tiyatro – mektep. Şiirler // İnqilâbîy şiirler mecmuası: Yaş Qırım şairleriniñ eserleri. Aqmescit: Qırım hükümet neşriyatı, 1925. 102. s. S. 34.*

² В типографии «Миллет» также были изданы произведения: *Озенбашилы Ахмета*: «Йыкынтылар астында» («Под развалинами» драма в пяти актах, 1917); *Болатукова Усейина*: «Яньы Кырым» («Новый Крым», 1917), «Теджрибелерим» («Опыты» сборник стихов, 1917); «Айше ханым» (Комедия в трех актах, 1918), «Фатма-шерфе» (Драма в трех актах, 1918); *Керменчикли Джемиля*: «Кучюк достларыма» («Моим маленьким друзьям» сборник стихов, 1917); *Байбуртлы Яхьи*: «Еньи кыраат–1, 2» («Новая книга для чтения», 1917–1918), «Сарф китабы» («Грамматика», 1919); *Одабаша Абибуллы*: «Ана тили» («Родной язык» книга для чтения, 1918), «Я тюшсе?» («Вдруг, выпадет», рассказы для детей, 1919) и другие / библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. / сост. И. Керимов. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.

в докладе Абдуллы Лятифзаде, опубликованном в журнале «*Oquv işleri*» («Дела просвещения») за 1928 год¹.

Текст поэмы «*Taqdir*» («Судьба»), рассматриваемый в работах А. Алтанлы и З. Джавтобели, судя по всему взят из поэтического сборника молодых крымских писателей 1913 года издания.

*«Babañ seni nişanladı, muradı zengine vermek,
Şimdi para iş bitiren, itmez çare, qarğış-dilek.
Benim işim degil qızım, söyliysiñ sen yañlış bütün!..
Bunu söylep uy içinde, tarqadı qart, olup tütün.
Şaştı Esmâ, qaltıradı, qorqtı, yüzü ağardı,
Diküp qaldı közüñ kökke soñra: «Haq!», dep ağladı.
İstemem, versin Haq belâsın, varmam ere, hiç zati!
Ey, ya Rabbim, al tez canım, itme halete tek müti...»².*

(«Тебя за богатого решил отдать замуж отец,
Сейчас все решают деньги, не поможет мольба.
Дело вовсе не во мне, заблуждаешься ты...
Сказавши это, растворился в тумане старик.
Эсма в испуге побледнела, рассудок потеряла,
К небесам глаза устремив, взмолилась в плаче.
Пусть покарает Бог, никогда не пойду за него,
Скорее душу забери, чтобы не наделала беды»).

Поэт продолжает повествование о тяжёлых душевных переживаниях дочери зажиточного крестьянина. Будучи насильно помолвленной со стариком, она стоит перед выбором: жить в несчастье без любви или умереть, покончив жизнь самоубийством. Эсма оказалась заложницей устаревших традиций и рискует совершить непростительный грех. В последних строках

¹ Qırım tatar edebiyatınıñ soñki devri haqqında A. Latifzade arqadaşın maruzası // *Oquv işleri*. 1928. No. 4–5 (24–25). S. 29–44.

² *Çerğiyev H. Taqdir. Şiir / Yaş tatar yazıları / haz. Yaş tatar yazğıçları cıyını. İstanbul: Bab-ı Ali qarşısında tavsi-i tabaat matbaası, 1912. 50 s. S. 32.*

второго четверостишия есть такие слова: «zati»), сокращённое от «zaten» (вовсе, вообще, совсем) и «itme halete tek muti») (дословно: не оставляй только меня в безвыходном положении). У А. Алтанлы и З. Джавтобели те же строки заключаются словами: «zaten» и «halqqa etme mutiğ sen») (дословно: не надо привязывать меня к людям). В слове «mutiğ» буква «ğ» провидимому возникла из-за ошибочного прочтения арабской буквы «айн» как «гъайн». В связи с этим меняется смысл, и рифма данного четверостишия¹.

Хорошо осознавая духовно-назидательную значимость стихотворения, поэт обнаруживает внутренний облик Эсмы в её воззвании, мольбе к Всевышнему. Молодая девушка заклинает бога, чтобы он поскорее забрал ее душу, иначе сама лишит себя жизни. В тот тихий вечер мольбу и горький плач за стеной в доме не слышали ни отец, ни родные. Лишь взволнованные птицы в саду ночными криками предвещали надвигающуюся бурю. Эта психологически напряжённая обстановка мастерски описывается ещё в самом зачине поэмы посредством образного параллелизма, то есть сращения природы и человека.

*«Yüksek saray töpesinden qara bulutlar gider tez-tez...
Söndi ateş, gece köyde, yuqlamaya yattı her kes.
Yürmaz aynıñ şevqı yere, vira bulutlar olur siya,
Bağçada quşlar bağırırlar, fena avasını duya.
Bir ağaynıñ yurtu bu yer, onı sarğan bütün hisar.
Anda canlar azaplana, öler; doğar bayğuş qullar.
Yattı saray yuqlamaya, tındı davuş, ses ayağı,
Baynıñ qızı, Esma yalñız, onıñ çıqa tek yarığı»².*

¹ Джавтобели З. Субетлер // Ыылдыз. 1980. № 2. С. 128; Саадет ичюн. Эдебий эсерлер джыйынтыгы / аз. А. Алтанлы, Ш. Алядин, Ю. Болат, А. Дерменджи. Ташкент, 1976. 140 с. С. 69.

² Çerğiyev H. Taqdir. Şiir / Yaş tatar yazıları / haz. Yaş tatar yazğıçları cıyını. İstanbul: Bab-ı Ali qarşusunda tavsi-i tabaat matbaası, 1912. 50 s. S. 31.

(«Над высоким чертогом скользят чёрные тучи,
 Погасли огни, в деревне ночь, все уснули давно.
 Больше не видно света луны, сгущаются тучи.
 В саду птицы кричат, предчувствуя невзгоду.
 Здесь живёт один господин, вокруг высокие стены,
 Тут мучатся души, несчастными рождаются и гибнут.
 Уснул дворец, утихли голоса, не слышно более шагов,
 Лишь дочь господина Эсма, в её окне не гаснет свет»).

Далее при рассмотрении «Судьбы», следует обратить внимание на другие интересные смысловые акценты, помогающие увидеть наиболее удачные авторские попытки изобразить исторический образ мусульманской женщины своей эпохи. Матери, сестры и дочери испокон веков не имеющие право на слово, безвольно ропщут на судьбу. Они не смея требовать, лишь тихо со слезами на глазах молят о свете во мгле: «*Etmez fayda altın-kümüş, bizge tiyaran yarıq kerek!..*» («Ни к чему золотые браслеты, нам хоть бы чуточку света!»). В небезупречной транслитерации текста поэмы с арабской графики на кириллицу, сделанной З. Джавтобели, А. Алтанлы мы замечаем несколько иной смысловой оттенок: «*Etmez fayda altın-kümüş, bizge teren yarıq kerek!..*» («Ни к чему золотые браслеты, нам нужен яркий свет!»). Подобным способом, перед нами появляется тип властной, нежели задуманной автором образ не уверенной в себе, ущемлённой в правах женщины¹.

*«Esir kibiullanırlar, kimisi söyler: «Sus kade!»,
 Kimisi tışta ne yapsa da, körsetir evde soy zade.
 Bu caillik belâsıdır, olmaq kerek biz ziyade
 Sanki ğarip qısqayaqlı millet yaşı bu dünyade.
 Añlamazlar, nafle sözler... Çapalanma ğarip yürek,*

¹ Джавтобели З. Субетлер // Ёылдыз. 1980. № 2. С. 128; Саадет ичюн. Эдебий эсерлер джыйынтыгы / аз. А. Алтанлы, Ш. Алядин, Ю. Болат, А. Дерменджи. Ташкент, 1976. 140 с. С. 68.

*Etmez fayda altın-kümüş, bizge tiyaran yarıq kerek!..
Açıl, hisar, ögümden tez!.. Yere batsun aq taşları!..
Bizge buni yapan taqdir... Belâsın versin közyaşları!»¹.*

(«Обращаются как с рабами, твердят: «– Молчи сестрица!»,
Похотливы и грешны в народе, дома – заносчивы не в меру.
Невежество – наша беда, нам бы всем объединиться,
Неужели женщины рождены, чтобы страдать в этом мире.
Не услышат, напрасны слова... сердцу больно в груди,
Ни к чему золотые браслеты, нам хоть бы чуточку света!
Разберите высокую крепость предо мною скорее, люди,
Что делает с нами судьба... клянём слезы до рассвета»).

Нарастающий эмоциональный фон стихотворения поддерживается смежной рифмой. Данный тип рифмы придаёт тексту подвижность, приближает к живой разговорной речи. Особенно это чувствуется в стихах для детей: «*О чём говорят животные?*», «*Лисица и заяц*», «*Лисица и крестьянин*». Если объединить поделённые на части строки поэмы «*Услышь, о чем говорит покойник!*», то получим похожую схему парной рифмы: aabb. Бытовая обстановка, непринуждённость диалога мастером слова достигается также при помощи инверсий. Любопытно наблюдать за эволюцией взглядов Асана Чергеева. Если сравнивать варианты поэмы, опубликованные при жизни автора, то можно проследить как он подбирает интересные, эффективные формы освещения духовной стороны персонажа.

В дополненном издании поэмы «*Такъдир*» за 1917 год Эсма выражает чувства и мысли более конкретно.

*«Kimi sifilis – çürme hasta:
Ketirirler bize elden.*

---

² Çerçiyev H. Taqdir. Şiir / Yaş tatar yazıları / haz. Yaş tatar yazğıçları cıyını. İstanbul: Bab-ı Ali qarşısında tavsî-i tabaat matbaası, 1912. 50 s. S. 32.

*Mezar körmey darqar vira
Künden küнге sağlam beden».*

***

*«Açıl divar ögümden tez,
Batsın aq taşları!
Zülüm vergen taqdiriniñ
Virsin belâ(sın) köz yaşları!»¹.*

(«Сифилисом – болезнью гнилости
Заражают, но к нам нет милости.
Ещё до смерти изо дня в день,
Живые тела превращаются в тень».

***

*«Раскройте стены, скорее бы
Сгинули во тьме белые глыбы!
Слезы проклинаят пролитые
Судьбу породившую насилие!»).*

Дополняя психологический портрет Эсмы, поэт освещает тёмные стороны жизни Крыма. Он анализирует причины культурного кризиса и пути выхода из него. Данный период также примечателен активизировавшимся в 1917 году феминистским движением крымских мусульманок, которые боролись за реализацию религиозных, политических, социальных прав женщин. В рамках организованных женских комитетов функционировали различные творческие кружки, курсы рукоделия и шитья, читальни. Делегаты женских комитетов принимали участие в съездах, посвящённых общественно-политическим и эконо-

---

¹ Qırımtatar edebiyatınıñ soñki devri haqqında A. Latifzade arqadaşın maruzası // Oquv işleri. 1928. No. 4–5 (24–25). S. 42.

мическим вопросам в Крыму и за его пределами. Известны имена ярких представителей движения, это Ш. Гаспринская, И. Тохтарова, Д. Булгакова, А. Боданинская, А. Исхакова, А. Куртиева, Х. Авджи и др. Среди них были и те, кто принимал участие в I Крымскотатарском Парламенте¹.

В следующем отрывке поэт предостерегает женщин от влияния чуждой моды, которая может оказаться пагубной для нации в плане утраты родного языка.

*«Çıqsan eger sen yarıqqa
Ondan da ömür çoq beter,
Avrupanıñ tış modası
Qızçığım, başına yeter:
Pek çoqsu ana dilin
Yoq itmege çalışa
Cahilliginen çıqmış yoldan
Bir birinen talaşa»².*

(«Если вдруг выйдешь в свет
Тебя ожидает более худшая жизнь,
Внешняя мода Европы
Может погубить, доченька:
Больше всего стараются
Родной язык уничтожить.
Невежество сбило их с пути,
Живут в войне с друг другом»).

Переплетение лирики и публицистики в поэзии Асана Чергеева призвано оказывать глубокое впечатление на читателя. Реципиент, становится свидетелем жизненной драмы. По сути,

---

¹ Киримов Т. Традиции крымскотатарской литературы и печати (период I Крымскотатарского Курултая). Монография. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 180 с. С. 67–80.

² Qırım tatar edebiyatınıñ soñki devri haqqında A. Latifzade arqadaşın maruzası // Oquv işleri. 1928. No. 4–5 (24–25). S. 42.

трагическая судьба бедной девушки в произведении, раскрывает проблемы всего общества. Гендерное неравенство, бытовая тирания, культурная апроприация, необразованность оказались угрозой жизни нации. Поэт, совсем не случайно упоминает об уничтожении родного языка. Поскольку язык крымского народа оказался незащищенным в условиях глобализации общества и этнического неравенства. Перекликающиеся между собой мотивы смерти, видения, тумана, сна в поэмах «Судьба» и «Услышь, о чем говорит покойник!», сообщают о непрерывных поисках поэтом смысла жизни в бренном и замогильном мире. Сильное желание овладеть сакральными знаниями сопровождается и в творчестве единомышленников поэта. Например, смысловым стержнем стихотворения Н. Челебиджихана «Я поклялся» являются строки: «Я поклялся, дал слово погибнуть чтобы познать, / Боль и страдания народа моего» («Ант эткенмен, сёз бергенмен бильмек ичюн ольмеге, / Билюп корюп миллетимнинъ козь яшыны сильмеге»)¹. Литературное творчество Чергеева можно оценить, как большой интеллектуальный труд. Подбор и различные способы репрезентации жизненного материала превращают произведения поэта в живые полотна. В них отображается глубина эмоциональных переживаний персонажей, раскрывается глубина национального языка, ощущается энергия и сила пера.

Малоисследованной остаётся публицистическая деятельность А. Чергеева. Перед исследователями предстоит работа по выявлению и изучению утерянных рукописных материалов, а также литературно-публицистических произведений, опубликованных в довоенной крымскотатарской печати. Важно учитывать то, что писатель использовал псевдонимы. В этом случае необходимо будет прибегнуть к рассмотрению текстологических, стилистических особенностей текстов.

---

¹ Киримов Т. Традиции крымскотатарской литературы и печати (период I Крымскотатарского Курултая). Монография. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 180 с. С. 167.

1.2. Художественный психологизм произведений Мемета Нузета

Features of the Artistic Thinking of M. Nuzet

Summary: *The life and literary legacy of M. Nuzet continue to attract the attention of Crimean Tatar literary scholars, linguists, biographers, and art historians. His first poems were published in the renowned newspaper “Terciman” (“Translator”) by I. Gasprinsky in 1912. M. Nuzet’s most prolific creative period falls within the 1920s. He frequently published under the pseudonyms Tuyrevich, Chelebizadeh, and Haydar Ghazy in national newspapers and journals such as “Millet” (“Nation”), “Yeñi Dünya” (“New World”), “İleri” (“Forward”), and “Közaydın” (“Good Tidings”). Between 1928 and 1930, as part of a national program initiated by the Crimean Committee for the transition to a new Turkic alphabet, M. Nuzet translated and published works by famous Russian writers in Crimean Tatar.*

This classic of Crimean Tatar literature worked productively in various genres of poetry and prose. His works are full of subtle, profound emotions expressed through elegant artistic devices. The author creates memorable literary characters and demonstrates how their personalities unfold in complex and often harsh life circumstances.

Seeking to comprehensively understand reality, the poet employs diverse narrative strategies. To enhance authenticity, he may speak through the voice of his character, assuming the role of an observer of significant events. This unique approach allows M. Nuzet’s to avoid appearing as a preachy moralist in the eyes of his readers. Examples include the poems “Ökünc” (“Repentance”), “Bir sarhoşnıñ agzından” (“Confessions of a Drunkard”), and “Bir tatarnıñ fığanı” (“Lament of a Tatar”). In his didactic poems, the poet seems to take upon himself the sins and misfortunes of his people, and with bitter tears of repentance, he strives to draw the reader’s attention to the lyrical hero. Unfortunately, these poetic lines have not lost their

relevance and value even today. The condition of Muslims has changed little since the author's lifetime. Seeking to draw the attention of his co-religionists to a global ideological crisis, the poet resorts to the ritual of lament and elegy (ağıt, mersiye). Addressing his people, he speaks of the values of faith and morality, warning against the detrimental effects of ignorance and base passions.

The author's short life was filled with tragic events. The early death of his mother, the loss of his first wife and a child, and persecution by the Soviet authorities for his loyalty to the national cause shaped him into a poet-fighter and a philosopher of life. The multifaceted creative legacy of Memet Nuzet is a significant phenomenon in classical Crimean Tatar literature of the first half of the 20th century. His literary works reveal the sharpness and originality of his poetic thought.

Striving for a multifaceted understanding of the true reality of existence, he employs various literary strategies. To draw the reader's attention to issues related to the search for the nation's cultural and national identity, the poet uses stylistic and semantic figures, as well as literary and epistolary genres – lament, fairy tale, anecdote, and letter. The language of M. Nuzet's poetry, not surprisingly, combines several functional styles of speech: journalistic, elevated, and folk. Through his works, characters, and images, the writer seeks to persuade, enlighten the reader, and awaken in him noble feelings. Feelings lie at the core of the writer's entire oeuvre. Previously, researchers paid little attention to this aspect. Today, using psychological and semiotic approaches to the study of the classic's literary texts, it has become possible to examine M. Nuzet's moral and ethical image in greater detail and understand his philosophy of life.

М. Нузет родился в 1888 году в селе Хайдаргазы близ древнего города Кезлев (Евпатория) в Крыму. Его первые стихи были опубликованы в известной газете И. Гаспринского «*Terciman*» («Переводчик») в 1912 году. Наиболее плодотворный период творчества М. Нузета приходится на 1920-е годы. В национальных газетах и журналах, как «*Millet*» («Нация»), «*Yeñi dünya*»

(«Новый мир»), «*İleri*» («Вперед»), «*Közüydin*» («Благая весть») он часто печатается под псевдонимами – Тьюревич и Челебизаде Хайдаргазы. В 1928–1930 гг. по национальной программе Крымского комитета нового тюркского алфавита М. Нузет переводит на крымскотатарский язык и издаёт отдельными книжками произведения известных русских писателей. В последние же годы своей жизни работал учителем в дер. Коклуз (совр. название – Богатое Ущелье). В последствии тяжёлой болезнью скончался в 1934 году.

Судьба и творческое наследие Мемета Нузета всегда остаются в центре внимания крымскотатарских литературоведов, лингвистов, биографов, искусствоведов. Например, в трудах У. Ипчи, Э. Шемизаде, Дж. Бекирова, А. Алтанлы, Ю. Темиркая, И. Керимова, Ю. Кандымова рассматриваются культурно-исторические, политические процессы в Крыму, повлиявшие на формирование личности писателя; обсуждаются стратегии поиска утраченных после его смерти рукописей¹. Таким способом, в 2003 году издаётся сборник избранных произведений М. Нузета под названием «*Qırımñ çöl hayatından*» («Из жизни крымской степи»), составленный Н. Сейтягьяевым². Под редакцией К. Саядинова свет увидела книга воспоминаний дочери Ниаль об отце «*Babaçığımı hatırlap*» («Вспоминая папочку»)³. Их дополняет ряд тематических статей и заметок, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях. Здесь, читатели могут ознакомиться с блоком интересной информации о жизни, писательской и просветительской деятельности автора. Вместе

¹ *Бекиров Дж.* Несиллерден несиллерге мирас. Акъмесджит: Лемешко К.А., 2012. 160 с.; *İrçi Ü.* Men de şaştım, арақай // *Yeñi dünya.* 1925. Oktâbr 29; *Керимов И.* XIX ас. сонъу ве XX ас. башында кырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. Акъмесджит: Кырымдевокъувпеднешир, 1998. 184 с.; *Кандым Ю.* Юкъу ёкътыр козьлерде. Симферополь: Тарпан, 2009. 192 с.; *Шемизаде Э.* Эдебий ве тенкъидий макъалелер. Симферополь: Доля, 2000. 248 с.

² *Мемет Нузет.* Кырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягьяев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.

³ *Хайрединова Н.* Бабачыгъымны хатырлап / аз. Къ. Саядинов. Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 2015. 120 с.

с тем в довоенной национальной периодике, как «*Yeñi dünýa*» («Новый мир»), «*Közaydın*» («Благая весть»), «*Yañı Çolpan*» («Новая Венера»), «*Millet*» («Нация»), «*İleri*» («Вперёд») можно встретить и малоизвестные стихотворения Мемета Нузета, подписанные псевдонимами Тюйревич, Челебизаде Айдар Газы¹. Не менее примечательной является переводческая деятельность писателя. В 1929–1930 годах им были переведены на крымскотатарский язык произведения А. Чехова – «*Агафья*», Е. Бывалова – «*Реджи*», Б. Житкова – «*Плотник*», А. Мирской – «*Смелая*»². Классик крымскотатарской литературы Мемет Нузет плодотворно работал в различных жанрах поэзии и прозы. В его произведениях оживают тонкие, проникновенные чувства, облекаясь в изящные речевые фигуры. Автор создаёт образы запоминающихся литературных героев, прослеживает, как проявляются их характера в весьма сложных, часто суровых жизненных условиях. В случае, если нужно уточнить определённые национальные черты, мировоззрения народа – прибегает к психологическому анализу взаимоотношений людей в том или ином социуме.

Вот, например, на первый взгляд кажущееся простым, комическим драматическое по сюжету произведение М. Нузета «*Selim sohta*» («Учащийся Селим»). Здесь изображён преимущественно в серых, негативных, сардонических тонах ученик медресе – бородатый мужчина в самом рассвете сил. С Селимом случаются различные нелепые приключения. Эти приключения обусловлены, прежде всего, его мечтой связать свою судьбу

¹ Кырымтатар тили, эдебияты, тарихи ве медениети иле багълы библиографик сечмелер (1832–1941); Эдебий макъале ве малюматлар библиографиясы (1957–1987) / аз. И. Керимов. Акъмесджит: Кырымдевокувпеднешир, 1994. 62 с.; Кырымтатар тили, эдебияты, фольклоры, тасили, тарихи, медениети ве техник илимлери иле багълы библиографик косьтергич (1618–1944) / аз. И. Керимов. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.

² *Bivalov Ye. Recı / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet neşriyatı. 1929. 32 s.; Vaşentsev S. Bütünrusiye imperatriçesi / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet neşriyatı. 1929. 32 s.; Jitkov B. Dülger / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet neşriyatı. 1930. 32 s.; Mirskaya A. Cesaretili qız / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet neşriyatı. 1930. 22 s.; Stefanik V. Yaqıcalar / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet neşriyatı. 1929. 40 s.; Çehov A. Agafya / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet neşriyatı. 1929. 20 s.*

с Момине, нежной и добродушной дочерью зажиточного крестьянина. Но только на протяжении многих лет Селим, в силу то ли необъяснимых психологических трудностей, то ли своего тяжёлого экономического положения, никак не решится раскрыть свои чувства понравившейся девушке. Однажды, когда до него дошла весть о помолвке девушки с Куртмуратом – сыном богача Аджемета Кыпчаклы – влюбленный ничего не смог предпринять, кроме как похоронить огонь любви в своем сердце. Впрочем, спустя некоторое время слух о смерти супруга Момине в русско-японской войне возродил утраченные надежды. На этот раз, стараясь не упустить прекрасный случай сблизиться с любимой, Селим не обращает особого внимания на то, что у нее на руках двое маленьких детей. В конце концов, во время подготовки к женитьбе неожиданно для всех с войны приходит роковое письмо, которое кардинально переворачивает всю жизнь главного героя. Примечательно, что М. Нузет с помощью письма также меняет ход событий и в другом рассказе – «*Bahtsız horanta*» («Несчастливая семья»). Не менее интересно и то, что проницательный читатель, дойдя до самого драматического накала сюжета, может увидеть в, казалось бы, неизменном облике персонажа, черты нежного, глубоко ранимого человека. Селим предстаёт перед нами в совершенно ином амплуа. В тот момент, когда предельно накаляется ситуация, более отчётливо в нарративной структуре рассказа обозначается фигура автора. Он берет на себя ответственность прочесть содержание упомянутого письма:

«Gece düşümde, kündüz esimde, başımniñ tacı, göñlümniñ ilâcı, derdimniñ dermanı, quvançımniñ fermanı, bağçamniñ güli, dalımniñ bülbüli, derde izim, kökte yıldızım... Momine hanıma çoq-çoq selâmlar idup, hatır-ı şerifni istifsar iderim. Ve yene, kürpe qozularım Ayšemen Esmanıñ közçüklerinden öpüp, benim bu qavğadan sağ-selâmet üyge qaytup barmaqlığım için Tañriden gece-kündüz dua idup istemeñizni irca etemen. (Men ölsem de, qalsam da eger) bu kişi sizge barğanday bosa eger, benim bir qabat urbamnı oğa kiydiriñiz, biz onuñman bek

*yaqin dost bolğanımızdan, birbirimizge resimlerimizni de beriştik. Baqiy selâm, qara yazılı Qurtmurat...»*¹.

(«Той, которая ночью является во сне, а днем в воспоминаниях; короне власти надо мной; фирману счастья, целителю сердца моего, соловью на ветви, розе в саду моем, отпечатку ступни на земле, отблеску звезды на небесах. Моей Момине ханум передаю низкий поклон и спешу справиться о её здоровье. Вновь целуя в глазки маленьких, словно росинки, моих козочек Айше и Эсму, прошу вас не забывать в молитвах Богу о моем благополучном возвращении с войны. Будь я мёртвым или живым, переоденьте в мою одежду человека, пришедшего от меня. Мы стали близкими друзьями и обменялись на память фотографиями. С почтением, горемычный Куртмурат...»)².

Основной текст рассматриваемого произведения и вышеприведённый текст письма заметно отличаются друг от друга языком и стилем. Посредством функционально-стилевых расщеплений лексики, в частности, своеобразным сочетанием прозы и поэзии, писатель ищет способы передачи возвышенных чувств. Притом это не единственный случай смешения жанров в его творчестве. Достаточно вспомнить поэтический рассказ под названием «*Feride apte*» («Тетя Фериде»)³. Риторические градации, экспрессивные интонационные повторения, используемые в приведённом тексте письма, выражают большую воодушевленность литературного героя, мы как бы слышим его учащённое дыхание и ощущаем романтическое головокружение от любви к супруге. Эта стилистическая фигура, именуемая полисиндетонном, помогает читателю с особой яркостью представить чувства персонажа.

¹ *Мемет Нузет*. Къырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 152; Сектор рукописей ГБУК РК Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. Фонд М. Нузета. Д. 1. С. 156–157.

² Здесь и далее *перевод наш*. – Т.К.

³ *Мемет Нузет*. Къырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 98.

Подобное воссоздание возвышенного любовного состояния мы встречаем и в лирике автора, в частности, в стихотворении, раскрывающего трагическую судьбу поэта. Это стихотворение в жанровом отношении близко к плачу (*агыта*), здесь лирический герой оплакивает смерть любимой супруги:

*«Altundayım, elmazım, açqan gülüm,
Benlik, barlıq, bağımda bir bülbülüm...»¹.*

(«Я спустился [в могилу], мой алмаз, раскрывшаяся роза,
Я это ты, жизнь моя, соловушка в розарии...»).

Эти первые строки стихотворения «Печаль моего разбитого сердца», в котором воссоздаётся картина последнего прощания с любимой, проникнуты горестными чувствами, исполнены глубокого драматизма. Мы видим, как под молитву мулл «*Bismillâhi ve alâ milletî Resûlillâh*» («Именем Аллаха, перед единоверцами Пророка погребаем тебя») спускается в могилу супруг и, вытянув руки вверх, в тоже время с нежным трепетом удерживает тело умершей, пытаясь его не уронить. Грустные слова, которые в последний раз говорит муж своей жене, крайне трогательны и проникновенны. Это первоначальное двустипшие, которое почему-то отсутствует в публикациях Э. Шемизаде, биографа М. Нузета, находим в новом издании избранных произведений автора, подготовленном на материале рукописей. Рассматриваемое стихотворение входит в поэтический цикл «*Qırımñiñ çöl hayatından*» («Из жизни степного Крыма»). Продолжение стихотворения не менее эмоционально и тревожно:

*«Tabut tartıp teniñni topraq tuttı,
Caş canıñni cutuq cer calmap cuttı.
Uçtıñ artuq, elimden ölim aldı,*

¹ Мемет Нузет. Къырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 159–164.

*Qırıq qalbim qararup, qarap qaldı.
Köz körmegen keçede, köñül kirli,
Tüşiünceler, tasalar türlü-türli.
Mezariña mingenler miyavquşlar,
Tek, tik tenge tuyula tik tavuşlar...»¹.*

(«Вырвав ноши [из рук], тебя схватила земля,
Проглотила и зажевала молодую душу могила.
Ты улетела, вырвала тебя из рук моих смерть,
Моё разбитое сердце, потемнев от горя, обезумело.
Моё сердце темнее беспросветной ночи,
Меня терзают всевозможные думы, скорби.
На могиле твоей только совы сидят,
Изредка лишь доносятся их (страшный) вопль...»).

В оригинальном тексте весьма ощутима экспрессивная звукопись. Это помогает ярче представить переживания лирического героя. Мы словно видим его пересохшие, посиневшие губы, из которых вырываются сгустки безмерной печали, порывы гнева и отчаяния. Аллитерации, ассонансы согласуются с передачей состояния человека, читатель ощущает содрогание тела, возгласы, крики, застрявшие комом в горле, но доносящиеся из самых недр души:

*«Talpinaman tentirep, ten tarlıqta,
Mırıldanup, moñsirep mezarlıqta.
Qabiriñni qarmalap qaltırayman,
Canğa cetti canğızlıq, dep cılayman»².*

(«Я, содрогаясь, пытаюсь вырваться из телесного плена,
Скитаюсь по кладбищу в стенаниях и скорби.

¹ Мемет Нузет. Къырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 98.

² Мемет Нузет. Къырымнынъ чёль аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 98.

Содрогаюсь, увидев могилу твою,
От одиночества устав, не таю слез»).

Подобной экспрессивности, эмоциональной насыщенности способствуют красноречивые фонетические повторы, используемые поэтом Джемилем Керменчикли на фоне анафоры. В его исполненном революционного пафоса стихотворении «*Sevin, ey, şanlı millet!*» («Ликуй, эй, славный народ!») так изображаются люди, желающие незамедлительно расквитаться с изменниками родины

*«Bıraq! Biraz damarında dolaşan qan qurusun.
Bıraq! Biraz zindanlarda kemikleri çürüsün.
Bıraq! Biraz sürgünlerde bizim kibi yürüsün.
Bıraq! Biraz közlerinde hasret qanı bürüsün»*¹.

(«Брось! Пусть немного и в их жилах попортится кровь.
Брось! Пусть немного погниют и их кости в темницах.
Брось! Пусть немного, как и мы, поскитаются по чужбине.
Брось! Пусть немного и в их глазах отобразится тоски печаль»).

В этих патетических строках впечатлительный читатель может услышать страшный рык стаи разъярённых волков, готовых наброситься на свою жертву.

Обоих авторов объединяют глубокие переживания за судьбу народа, который они представляют и традиции которого развиваются в их творчестве. Не случайно жанры, формы, драматические и анекдотические эпизоды в творчестве М. Нузета черпаются из народной жизни. Это и схожие по форме с национальными песнями пятистишья, двустишья – «*İçki qurbanı*» («Жертва зелья»), «*Batır cigit*» («Смелый джигит»), «*Qarılğaç*» («Ласточка»), и притчи, во многом близкие к народной сказке – «*Tilenci qart*» («Старый нищий»), «*Kirpi ve turna*» («Еж и журавль»), «*Oñmaz bike*» («Непутевая хозяйка»). Таковы также басни, в которых

¹ *Kermençikli C. Sevin, ey şanlı millet! // Terciman. 1917. Mart 16.*

высмеиваются устаревшие моральные принципы, – «*Qışta neler añılır?*» («О чем вспоминается зимой»), «*Haq rahmet eylesin!*» («Пусть земля будет пухом!»), «*Vaaz*» («Проповедь»).

Вот характерные поэтические строки:

*«Bir zamanda bek aytuvli bir bayniñ
Olğan büyük taqdirinen Hudayniñ,
Dar-dünyada mal degenden bir qızı,
Lâkin soqur eken oniñ bir közü.
Hoca, mektep, oquv, yazı körmegen,
Bay olğan soñ, oquyım dep, yürmege...»*¹.

(«Когда-то у одного очень известного бая,
По великой божьей воле была
Единственная в этом тесном свете дочь,
Вот только на один глаз она была слепа.
Не ведала она ни о школе, ни о грамоте,
Ибо, будучи богатой, не видела в этом нужды...»).

Это строки из стихотворения «*Soqur közden saadet*» («Счастье от слепого глаза»). Здесь можно усмотреть продолжение сюжета сватовства с интригами того самого учащегося (сохты) Селима. Начиная своё стихотворение в стиле сказки, поэт повествует о беспечной жизни малограмотной девушки. Здесь он проявляет сострадание к невежественным из-за бедности крестьянам, выражает презрение богачам, игнорирующим учёбу в школе. Таким образом, поэт сравнивает малограмотность «старой девы» с неприглядным слепым глазом. Уродливая слепота (невежество) привлекает лишь невезучего, беззаботного студента медресе Сефера, мечтающего о светлом будущем.

Этот момент из жизни М. Нузет, как мастер создания анекдотических сюжетов удачно использует дальнейшем поэтическом повествовании:

¹ *Мемет Нузет. Къырымнынъ чёль аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 39.*

*«Kiyev etip ketirgenler Seferni,
Seadetke tez qavuşqan bu «erni».
Qapağanlar aqşam qızniñ evine,
Kirgen kiyev, pek sevine-sevine.
İzin almay, qızıñ sorap özünden,
Pek yürekten öpe soqur közünden.
– Vay! Sav soyun öpseñiz, ev! – degen qız.
Sohta degen: «Bu benimçün bir yıldız!
Olmağaydı eger seniñ bu közüñ,
Aram ediñ ep bir mağa sen özüñ...»¹.*

(«Вот, привели жениха Сефера,
«Мужа», быстро достигшего счастья.
Заперли вечером в комнатке с нареченной,
Входит наречённый с отрадой чрезмерной.
Без позволения девицы той,
От сердца целует глаз незрячий.
– Не лучше ли вам здоровый глаз поцеловать – возмутилась та.
В ответ студент: «Он для меня точно светило!
Если бы не глаз твой этот,
Противна ты была бы мне на самом деле...»).

В последних строках стихотворения обращает на себя внимание неординарность, острота мысли поэта. Можно полагать, что на фоне контраста эстетических и этических ценностей проявляется прискорбная «проза жизни».

Как отмечалось, поэт, проявляет большой интерес к чувствам и формам их выражения. Так, с целью близкого знакомства с обликами невежества он выслушивает поникшего, тоскливо спрятавшего голову в плечи нищего старца чабана. Он подставляет плечо ослабевшему от вина, отчаявшемуся в будничной безысходности земледельцу, дабы тот не околел ночью в зимнюю стужу.

¹ *Мемет Нузет. Къырымнынъ чёль аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 39.*

Из-за этого вступает в перепалку с толстобрюхим и толстошеим лицемером муллой.

Эти особенности творчества автора тонко ощущает современная художница Зарема Трасинова, искусный мастера книжной графики. В её работах живо представлены многие художественные типажи, описанные в таких произведениях писателя, как «*Noğaynıñ adağı*» («Обещания ногайца»), «*Şairniñ uyqusı*» («Сон поэта»), «*Aman, şu aqaylar!*» («Айда мужики!»), «*Bastırıqqa*» («В тюрьме»), «*Tilenci qart*» («Нищий старик»), «*Öşek*» («Клевета»), «*Bahtsız horanta*» («Обездоленная семья»). Её иллюстрации помогают нам по-новому взглянуть на клеветницу Фатиму, несчастную Сафие, двуличного Менсеита. Помогают вновь пережить горечь за тщетно прожитую жизнь нищего чабана, услышать, как сбивается с ритма сердцебиение поэта в камере узников.

Поэт, стремясь разносторонне осмыслить действительность, прибегает к различным повествовательным стратегиям. С целью повышения жизненной убедительности он может говорить устами своего героя, выступать в роли свидетеля важных событий. Такой оригинальный подход помогает М. Нузету не выглядеть в обществе читателей назойливым моралистом. Примером могут послужить стихотворения, опубликованные в крымскотатарской газете «*Millet*» за 1917–1918 годы: «*Ökünç*» («Раскаяние»), «*Bir sarhoşnıñ ağzından*» («Исповедь пьячуги»), «*Bir tatarnıñ fiğanı*» («Стенания татарина») и др. В назидательных стихах поэт как бы перенимает грехи и беды народа и горькими слезами раскаяния пытается привлечь к лирическому герою особое внимание окружающих.

Стихотворение «*Ağladım*» («Расплакался») написано в такой манере:

*«Alem-i islâmi baştan başa seyran iderken,
Ey-vah! Sürü-sürü mazlumları körüp ağladım!
Saireler marifette cihani hayran iderken,*

*Közleri bağı müslümanları körüp ağladım.
Emlâki ğaşp idilmiş, huququı payimal olmuş,
Haqsız çiyenmiş masüm canları körüp ağladım!
Mesut aileler şerr aduve duçar olup,
Suv kibi tökülmiş al qanları körüp ağladım!
Vücutlar berbat olmuş, qalmamış hayattan eser,
Çehreleri solmuş insanları körüp ağladım!
Nedir dostluq, nedir düşmanlıq bilen pek az qalmış,
Kör nefesine qurban olanları körüp ağladım!
Qardaşımın müthiş derdine dermanlar arayup,
Hucumlara maruz qalanları körüp ağladım!
Bu hal felâket iştimalden ibret almayan,
İnsan şeklindeki hayvanları körüp ağladım!»¹.*

(«Долго скитаясь по всему мусульманскому миру,
О горе! Наблюдая за толпами угнетённых, я плакал!
Когда все восхищались достижениями вселенной,
Глядя на мусульман с завязанными глазами, я плакал!
Их лишили имущества, растоптали волю и честь,
Глядя на эти подавленные невинные души, я плакал!
О, те счастливые семьи, оказавшиеся в руках заклятого врага,
Глядя, как их кровь проливалась рекой, я плакал!
Изнеможённые тела, не подающие признаков жизни,
Глядя в блёклые лица этих людей, я плакал!
О, те, кто перестал отличать друзей от врагов,
Глядя на этих жертв слепых желаний и сует, я плакал!
О, те разыскивающие эликсир от ужасных недугов собрата,
Глядя на то, как они подвергаются нападкам, я плакал!
О, те, кто не научился извлекать урок из бедствий бесконечных,
Глядя на вас, тварей в облике человека, я плакал!»).

Эти поэтические строки, к сожалению, и сегодня не потеряли своей актуальности, ценности. Состояние мусульман мало из-

---

¹ Çelebizade Mehmet Nüzhet. Ağladım! // Millet. 1917. No. 56. Sentâbr 4.

менилось со времён жизни и деятельности автора. С целью привлечения внимания единоверцев к глобальному идеологическому кризису поэт прибегает к обряду плача, причитания. Таким образом, обращаясь к окружившему его народу, он говорит о ценностях веры и нравственности, предупреждает о пагубности невежественности и низменных страстей. Вероятно, подобной психологической стратегии воздействия на людей поэт научился на занятиях по теологической риторике в медресе. Известно, что Мемет Нузет учился в известных духовных учебных заведениях Крыма и Казани.

Короткая жизнь автора (1988–1934) наполнена трагическими событиями. Ранняя смерть матери, гибель первой жены с ребёнком, а вместе с тем и преследования со стороны советской власти за верность национальной идее сформировали в нем поэта-борца, философа. Многогранное творческое наследие Мемета Нузета – это значительное явление классической крымскотатарской литературы первой половины XX века. В художественных произведениях автора чувствуется острота, неординарность поэтической мысли. Стремясь разносторонне осмыслить истинную реальность бытия, он прибегает к различным литературным стратегиям. С целью привлечь внимание читателя к проблемам, связанных с поисками национальной и культурной идентичности народа, поэт использует стилистические и смысловые фигуры, а также литературные и эпистолярные жанры – плач, сказ, анекдот, письмо. Вместе с тем язык поэзии М. Нузета совершенно неслучайно сочетает в себе несколько функциональных стилей речи, как публицистический, возвышенный и народный. Посредством своих произведений, персонажей, образов писатель стремится убеждать, просвещать читателя, пробуждать в нем возвышенные чувства. Собственно, на чувствах выстроено все творчество художника слова. Ранее исследователи мало обращали внимание на это. Сегодня применяя психологический и семиотический подходы к изучению художественных текстов классика удалось более детально рассмотреть морально-этический облик М. Нузета. Понять его философию жизни.

1.3. Структура и семантика поэтических заглавий Джемиля Керменчикли

Structure and Semantics of Jemil Kermenchikli's Poetic Titles

Summary: *Choosing a title for a work is a demanding task for any writer. The first thing that captures a reader's attention when encountering a book, collection, or individual text is its title. Readers are drawn to unusual and original titles, which may be supplemented by subtitles, dedications, epigraphs, the text itself, and the author's initials. Seeking to engage the reader's psychology, the writer strives to create a title structure that is both simple and perfect.*

An analysis of Kermenchikli's work reveals a diversity of titles in structure and function. Particularly noteworthy are his poetic titles that function as slogans: "Sen ölme, doğ!" ("Don't die, be reborn!"), "Vatanımdan çıq!" ("Out of my homeland!"), "Çalışmamaq ayıp" ("It's shameful not to work"). The author calls upon the people for rebirth, highlighting the negative processes of moral and ideological degradation among peasants and workers. The pathos inherent in these titles sets a specific psychological tone for the reader, facilitating a deeper engagement with the work's underlying ideas.

Examining the structural features of these titles reveals their communicative significance in expressing the author's ideas. Kermenchikli's work employs various methods of poetic communication with the reader. Some titles define dialogical and monological forms of communication; others incorporate the recipient into the circle of interlocutors; still others anticipate a didactic dialogue between characters within the work itself. These forms of verbal contact between poet and reader reveal the peculiarities of his creative thinking. Thus, questions, exclamations, or narratives, as elements of intonational universals, determine the meaning and significance of the author's thought process. As the analysis shows, the intonational organization of Kermenchikli's titles is expressed, in particular, through the use of exclamatory sentences. The author achieves emotional richness in the titles of his poems through the use of semantic accents.

Kermenchikli's titles simultaneously fulfill genre and cycle-forming functions: "Mektep şarkısı" ("School song"), "Ekinici mektep şarkısı" ("Second school song"), "Üçüncü mektep şarkısı" ("Third school song"). His work also contains unique instances where the title includes a genre specification: "Esami cedveli yerine şiir" ("Poem instead of a nominal list"). This poem was published in the newspaper "Millet" ("Nation") on September 11, 1917, during the pre-election campaign for the Crimean Tatar Kurultay (Parliament). The poet invites the reader to look at the reverse side of the candidate lists that filled the newspaper pages. Replacing the dry list of names with the lines of his poem, the author reflects on the loss of patriotism among Crimean Tatars. This poem likely belonged to his book "Küçük dostlarıma" ("To my little friends"). This is suggested by newspaper announcements from 1917 mentioning its contents. Some literary critics, based on the title, mistakenly classify this book as children's literature. However, newspaper announcements make it clear that the poet's poems have a publicistic focus. According to some sources, the NKVD showed interest in the book in 1937.

Kermenchikli takes the selection of titles for his works seriously. The titles of his works reflect the poet's ideological thinking and have a significant nominative-communicative impact on the reader. Researchers face questions related to developing a special methodology for analyzing the history of the development, formation, emergence, and disappearance of titling traditions in Crimean Tatar literature.

Присвоение произведению названия является трудоёмкой задачей, над выполнением которой писателю приходится немало потрудиться. Ведь, это первое, на чем концентрирует внимание реципиент, приступая к прочтению книги, сборника или отдельного текста. Его привлекают необычные, оригинальные заглавия, как в отдельности, так и в комплексе с подзаголовком, посвящением, эпиграфом, основным текстом, инициалами автора¹. В связи с

¹ Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под. ред. Л.В. Чернеца. М.: Высшая школа, 2000. 556 с. С. 94.

этим писатель, обращаясь к психологии читательской аудитории, стремится построить максимально упрощённую, но в то же время совершенную конструкцию заглавия. Иногда не сразу удаётся достигнуть желаемого результата. Приходится вносить новые коррективы. Так как длинные и замысловатые формулировки, по сравнению с краткими и простыми ненадолго закрепляются в памяти реципиента¹. Обратимся к двум типам заглавий:

1. Длинные: «*Qalay etip sırımnı sağa açayım?*» («Как же мне поведать свою тайну тебе?»), «*Gençlikniñ bir daqıqalıq zevqı*» («Сиюминутное блаженство молодости»)², «*Qaydan çıqqan şı aslı?*» («Откуда возникло это обыкновение?»)³, «*Köy hozyastvosı aletleri şay aytı*» («Сельскохозяйственные инструменты так говорят»)⁴;

2. Короткие: «*Ant etkenmen!*» («Поклялся я!»)⁵, «*Tatarım!*» («Татарин я!»)⁶, «*Taqdirge*» («Судьбе»)⁷, «*Naleyı Qırım*» («Стоны Крыма»)⁸, «*Yañı saz*» («Новый саз»)⁹, «*Hicret*» («Эмиграция»)¹⁰, «*Türküli namaz*» («Намаз под песнопения»)¹¹.

Заглавия, приведённые во втором пункте, ассоциируются с поэтическим наследием таких крымскотатарских классиков, как: Н. Челебиджихан, Дж. Керменчикли, Б. Чобанзаде, У. Тохтаргазы, А. Ляtifзаде, А. Гирайбай, М. Нузет и являются

¹ *Кржижановский С.* Собрание сочинений в 5 томах. Том 4. Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре. СПб.: Симпозиум, 2006. 848 с. С. 205–216.

² *Гирайбай А.* Шиирлер / аз. У. Эдемова. Акъмесджит: Таврия, 1997. 143 с. С. 33, 60.

³ *Мемет Нузет.* Къырымнынъ чель аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягья. Акъмесджит: Доля, 2003. 240 с. С. 67.

⁴ *Kence C.* Bala şiiirleri. Aqmescit: Qırım merkezıy yeñi elifbe komitesi neşri, 1927. 33 s. S. 29.

⁵ *Çelebicihan N.* Ant etkenmen! // Qırım mecmuası. 1918. No. 8. S. 148.

⁶ *Керменчикли Дж.* Ма-бих-иль ифтихарым – къырымлыкътыр меним гъурурым / аз. Т. Киримов. Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. 136 с. С. 84.

⁷ *Чобан-заде Б.* Бир сарай къураджакъман. Шиирлер / аз. Н. Сейтягья. Симферополь, 2001. 192 с. С. 39.

⁸ *Tohtarğazı U.* Naleyı Qırım. Qarasubazar: Z.O. Ruşannıñ matbaası, 1910. 18 s. S. 18.

⁹ *Lâtifzade A.* Yañı saz. Aqmescit: Qırım merkezıy yeñi elifbe komitesi neşri, 1928. 54 s.

¹⁰ *Анди Гирайбай.* Джигитке / терт. И. Керимов. Акъмесджит: Тарпан, 2009. 112 с. С. 86.

¹¹ *Мемет Нузет.* Къырымнынъ чель аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягья. Акъмесджит: Доля, 2003. 240 с. С. 127.

примечательными образцами их творчества. Впрочем, это вовсе не означает, что многосложные, более трёх-четырёх слов, названия из-за громоздкости уступают названиям с минимальным содержанием слов. Некоторые из них броскостью, аксиоматическим содержанием, своеобразностью стилистической окраски и даже провокационностью служат приманкой для читателя. Это явление в литературоведении обозначается английским термином «*kicker*»¹. Можно представить, какой эффект производило на крестьянина мистическое заглавие поэмы А. Чергеева «*Eşit, mevta ne sevleyur!*» («Услышь, что говорит покойник!», 1909). В произведении просматривается социально-политический контекст трансформации национальной идентичности крымскотатарского народа. К *kickeru* можно отнести и небольшие заголовки. Например, стихотворение М. Нузета «*Türküli namaz*» («Намаз под песнопения»). В заголовке отражается ироническое отношение художника к необычной для мусульман форме совершения обряда поклонения Богу. Заинтригованный ирреальным эпизодом из жизни верующих, читатель с большим интересом принимается за прочтение стиха. Такой заголовок открыто предвещает сюжет произведения, в котором изобличается небрежное отношение проповедника и прихожан к религиозным предписаниям. Неординарностью поэтического названия поэт стремится привлечь реципиента к актуальной проблеме отдаления мусульманина от истинной веры.

Изучение поэтики заглавия берет начало в трудах известного советского писателя, театрального критика С.Д. Кржижановского. Изданная в 1931 году, его монография «*Поэтика заглавий*» по сей день не утратила своей актуальности и остаётся востребованной исследователями. Основным материалом в книге является проза. Но исследовательница творческого наследия учёного А.А. Колганова утверждает, что контекст, на который была ориентирована теория Кржижановского, гораздо шире представленного в работе материала: сохранились архивные документы, в которых

¹ Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / сост. Ю. Боров. М.: Астрель, 2003. 575 с. С. 182.

зафиксированы многолетние наблюдения учёного над природой названий книг, в частности драматургических произведений¹.

В последнее время данная тема привлекает интерес исследователей различных гуманитарных дисциплин. Например, Т.В. Филат, А.А. Колганова, Н.А. Веселова, С.В. Иванова, Е.А. Соловьева рассматривают проблемы разработки методики исследования поэтики заглавия. В их работах сквозь призму литературного, лингвистического и психолингвистического анализа описываются эстетические, функциональные и структурные особенности авторских названий. В качестве материала используются как славяноязычные, так и англоязычные тексты разножанровых произведений².

Вопросы поэтики художественного заглавия мало-помалу обретают популярность и в крымскотатарской науке. Можно отметить работы, в которых предпринимаются попытки освещения отдельных аспектов заголовочного комплекса. Например, «Опыт словаря псевдонимов крымскотатарских писателей» отражает многолетние искания И.А. Керимова в области довоенной и современной крымскотатарской печати. В процессе изучения заголовочного комплекса художественного текста, словарь может оказать помощь при идентификации личности, определении специфики эволюции мышления национальных писателей³.

---

¹ *Кржижановский С.* Собрание сочинений в 5 томах. Том 4. Статьи. Заметки. Размышления о литературе и театре. СПб.: симпозиум, 2006. 848 с.; *Кржижановский С.:* доклад 1939 / вступительная статья и комментарии А.А. Колгановой // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 205–216.

² *Филат Т.* Поэтика заглавий прозы И. Шмелева (своеобразие семантики и структуры) // Вісник дніпропетровського університету економіки та права ім. Альфреда Нобеля: Серія «Філологічні науки». 2011. С. 112–118; *Кржижановский С.:* доклад 1939 / вступительная статья и комментарии А.А. Колгановой // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 205–216; Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дис. ... к.филол.н. Тверь, 1998. 24 с.; Иванова С. Языковые особенности поэтического заголовка (на материале русского и английского яз.): автореф. дис. ... к.филол.н. Ульяновск, 2006. 24 с.; Соловьева Е. Диалогические основы англоязычного поэтического текста в аспекте его категориальных свойств: автореф. дис. ... к.филол.н. Саранск, 2007. 19 с.

³ *Керимов И.* Къырымтатарджа къыйын сёзлер. Тахаллослер лугъаты. Акъмесджит: Таврия, 2006. 176 с.

Ш.Э. Юнусов в монографии «Крымскотатарская поэзия 1920-х годов XX века», обращаясь к творческому наследию Ш. Бекторе, указывает на взаимную подчинённость заглавий и текстов стихотворений поэта. Заголовок, утверждает исследователь, играет важную роль в раскрытии идейно-художественного замысла стихотворений, в обнаружении биографических сведений об авторе¹.

Прежде, чем перейти к изучению творчества Дж. Керменчикли, в краткой форме осветим его творческую и жизненную судьбу. Поэт родился в 1891 году в дер. Керменчик Бахчисарайского уезда в семье учителя. Начальное образование получил в местной школе Абдуль-Алима. Продолжил учёбу в бахчисарайском медресе «Зынджырлы». Затем усовершенствовал знания в стамбульском (1908–1909 гг.), оренбургском медресе (1909–1910 гг.). Вернувшись в Крым, полностью посвятил себя учительскому делу. Таким образом, на протяжении с 1910 – по 1927 гг. Дж. Керменчикли работает в разных национальных школах Крыма. Публикуется в крымскотатарской прессе: «*Terciman*» («Переводчик»), «*Qırım ocağı*» («Крымский очаг»), «*Millet*» («Народ»), «*Yeñi dünya*» («Новый свет»), «*Qırım mecmuası*» («Крымский журнал»), «*Yeşil ada*» («Зелёный остров»). Здесь, можно встретить его рецензии на крымскотатарские учебники; отзывы на выступления высокопоставленных политических деятелей, статьи, фельетоны, стихотворения, в которых обсуждаются проблемы истории, культуры, социально-экономической жизни Крыма.

В 1917 г. Дж. Керменчикли издал поэтический сборник «*Küçük dostlarım*» («Моим маленьким друзьям»). По данным газеты «*Millet*», известно, что в 1917 году в печать готовились вторая и третья части упомянутого сборника, а также книга «*Milliy hikâyeler*» («Народные рассказы»). Керменчикли черпает творческое вдохновение преимущественно в историческом прошлом простого народа. Различные стилистические приёмы (экспрес-

---

¹ Юнусов Ш. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века: традиционное мировоззрение и меняющийся мир. Симферополь: Доля, 2004. 168 с. С. 39–40.

сивные лексические средства, насыщенная гиперболизация, филиппическая речь и пр.) в публицистических произведениях поэта были призваны служить воплощению эстетической категории порочного и идеального.

Дж. Керменчикли по обвинению в «национализме» был арестован 27 июля 1937 года. Спустя год, 14 августа 1938 года приговорен к 8 годам лагерей. Погиб в 1942 году. Реабилитирован посмертно.

Чтобы ближе рассмотреть традиции озаглавливания в крымскотатарской литературе, обратимся к поэтическим текстам Дж. Керменчикли и его соратников М. Нузета, А. Кадризаде, М. Ниязия, Н. Челебиджихана и др. Наблюдения над творчеством Керменчикли выявляют различные по структуре и функциональной предназначенности заголовки. Примечательны заголовки-лозунги. С широким развитием печатного дела изначально размещающиеся на полотнах транспарантов, флагов, плакатов агитационные тексты получили высокую силу влияния на общественное сознание. Закрепившийся на столбцах многотиражных газет и журналов лозунг претерпевает значительные изменения. Мы находим его трансформации из сугубо политического в производственный, бытовой, рекламный и непосредственно в литературный лозунг. В поэтических текстах лозунг проявляется по-разному: в форме реминисценции, аллюзии на известные в определённых социальных кругах идеологические воззвания. В нем могут присутствовать элементы эллипсиса, то есть исключения отдельных частей предложения, фразы. Процесс эволюции печатного слова не затронул основное предназначение лозунга: отстаивать, требовать, констатировать и вызывать.

Разберём заголовки революционных стихотворений Керменчикли: «*Sen ölme, doğ!*» («Ты не умирай, возродись!»), «*Vatanımdan çıq!*» («Прочь из Родины моей!»), «*Çalışmaq ayıp*» («Стыдно не работать»), «*Sevin, ey, şanlı millet!*» («Ликуй, эй, славный народ!»). «*Vatan hainlerine qarğışlarım!*» («Мои проклятия врагам отчизны!»). Автор выступает с ультимативным требованием к мур-

зам-изменникам Родины покинуть Крым, призывает народ к возрождению, констатирует негативное явление разложения морально-идеологических ценностей крестьян и рабочих. Посредством патетики, заключённой в рамках заголовочного текста, поэт задаёт читательской аудитории психологическую установку, которая способствует наиболее глубокому проникновению в идейный замысел произведения. Преимущество лозунговых традиций также наблюдается в творчестве Б. Чобанзаде: «*Bir izin beriñiz!..*» («Дайте право!...»), «*Tañğa doğru!..*» («Вперёд к рассвету!...»), «*Keleler!..*» («Идут!...»)¹; А. Лятифзаде: «*Qurtarıñız aç ölümden!*» («Спасите от голодной смерти!»)²; А. Гирайбая: «*Hoş keldiñiz*» («Добро пожаловали»), «*Uyanıñız, tatarlar!*» («Пробудитесь, татары!»)³; У. Тохтаргазы: «*Bize para kerek!*» («Нам нужны деньги!»)⁴. Апеллируя к общественному сознанию, писатели поднимают назревшие вопросы, касающиеся культурного возрождения, определения участи политических оппозиционеров, анализируют проблемы последствий голода в Крыму. Несмотря на общность социально-политических воззрений, их отличает манера обращения. В частности, Дж. Керменчикли в отличие от единомышленников более отчётливо обозначает адресата, к которому обращается персонально.

Анализ структурных особенностей заголовков, позволяет обнаружить их общую коммуникативную значимость для выражения авторских интенций. Можно выделить различные способы внутритекстового поэтического общения. В творчестве Керменчикли встречаются заголовки, определяющие:

– диалогическую «*Sen ölme, doğ!*» («Ты не умирай, возродись!»), «*Sevin, ey, şanlı millet!*» («Ликуй, эй, славный народ!»),

¹ Чобан-заде Б. Бир сарай къураджакъман. Шиирлер / аз. Н. Сейтъягъя. Симферополь, 2001. 192 с. С. 13, 15, 73.

² Lâtifzade A. Qurtarıñız aç ölümden! Şiir // Yeñi dünya. 1922. Yanvar 27.

³ Гирайбай А. Шиирлер / аз. У. Эдемова. Акъмесджит: Таврия, 1997. 143 с. С. 66, 130.

⁴ Tohtarğazi H. Naleyı Qırım. Qarasubazar: Z.O. Ruşanıñ matbaası, 1910. 18 s. S. 16.

«*Çalışmataq ауыр*» («Стыдно не работать»), «*Vatanımdan çıq!*» («Прочь из Родины моей!»);

– монологическую формы общения «*Tatarım!*» («Татарин я!»)¹, «*Ben bir türküm*» («Тюрок я»)², «*Soñ sözüm*» («Мое окончательное слово»)³;

– заголовки, включающие реципиента в круг собеседников «*Bizim bağça*» («Наш сад»), «*Öz tilimiz*» («Наш язык»), «*Uçurımın başındayız*» («Мы на склоне обрыва»)⁴;

– заголовки, предвещающие назидательный диалог непосредственно персонажей в поэтическом произведении «*Hakimîñ maslahatı*» («Советы мудреца»)⁵.

Названные формы вербального контакта поэта с реципиентом раскрывают сущность творческого мышления художника. Так, вопрошание, восклицание или повествование как элементы интонационных универсалий, определяют смысл и значение фундаментальных операций мыследействия автора⁶. Интонационная организация заголовочного текстопостроения Дж. Керменчикли выражается, как показывает материал, предложением с восклицательным знаком. Эмоциональной насыщенности в названиях к стихотворениям автор достигает и с помощью смысловых акцентов. Тем не менее не все формы таких заголовков Керменчикли, поддаются чёткой интерпретации. Например, при первом прочтении таких заголовков, как: «*Soñ söz*» («Последнее слово»), «*Ben bir türküm*» («Тюрок я») читатель испытывает затруднения при их осмыслении, так как в значении этих словосочетаний нет

¹ Керменчикли Дж. Ма-бих-иль ифтихарым – кырымлыктыр меним гъурурым / аз. Т. Киримов. Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. 136 с. С. 68, 78, 84.

² *Qırımlı. Ben bir türküm. Şiir // Millet*. 1918. Ağustos 19.

³ Керменчикли С. Soñ sözüm. Şiir // *Qırım mecmuası*. 1918. No. 6. S. 105–106.

⁴ Керменчикли Дж. Ма-бих-иль ифтихарым – кырымлыктыр меним гъурурым / аз. Т. Киримов. Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. 136 с. С. 56, 70, 88.

⁵ Саадет ичюн. У. Токътаргъазы ве диг. Шиирлер, поэмалар, пьеса / аз. А. Алтанлы ве диг. Ташкент: Эдебият ве санъат нешр., 1976. 138 с. С. 85.

⁶ Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / сост. Ю. Борев. М.: Астрель, 2003. 575 с. С. 166–169.

той безоговорочности, что присутствует в заголовках с восклицательным знаком: «*Sen ölme, doğ!*» («Ты не умирай, возродись!»), «*Sevin, ey, şanlı millet!*» («Ликуй, эй, славный народ!»), «*Vatanımdan çık!*» («Прочь из Родины моей!»). Читатель может воспринимать их по-разному: положительно, отрицательно, с прискорбием, радостью или нейтрально.

Как упоминалось выше, авторскую позицию формирует цельный заголовочно-финальный комплекс, состоящий в основном из таких частей, как: заголовок, подзаголовок, эпитафия, текст произведения, подпись писателя, дата. Немного остановимся на подписи автора. Сюда могут входить личные инициалы, псевдоним, криптонимы. В крымскотатарской литературе встречаются такие криптонимы, как: *М.Къ.* (Мустафа Куртиев); *УМБИ* (Умер-Бекир Ипчи). Примечательно, что некоторые, произнесённые вслух криптонимы, обретают неожиданный смысл. Например, *М.Къ.* слышится как слово «*мыкъ*», и в переводе на русский язык означает «*звездь*». Впрочем, колкие, сатирические сюжеты произведений М. Куртиева целиком соответствуют его подписи.

Можно перечислить некоторые псевдонимы и развёрнутые конструкции инициалов современников Дж. Керменчикли. Это *Муфтий Челебиджихан* = *Челебиджихан* = *Н. Челебиджихан*; *Солдат* = *Осман-Нури Акчокраклы* = *О. Акчокраклы*; *Чатыртавлы* = *Темурджан* = *Темурджан Одабаи* = *Х. Одабаи*; *Керчли М.* = *Керчли Мебсюсе* = *Махмут Недим*; *Тюйревич* = *Челебизаде Мехмет Нузхэт* = *Мехмет Нузхэт* = *М. Нузхэт*; *Берке* = *Мустафа Курти* = *Мустафа Куртиев*; *Эски Кырымлы* = *А.Р. Кадризаде* = *А. Рехми Кадризаде* = *А. Кадризаде*. Они могут многое поведать о характере, деятельности их владельца. Как видно из примеров, для данных писателей присуще неоднократное переосмысление индивидуального имени. Это зависит от самооценки автора и специфики содержания произведения. Литературное имя так же может отражать ценности, убеждения поэта. Например, псевдоним Керменчикли: «*Qırımli*» («Крымец»). Рассмотрим его связь с заголовком и текстом стихотворения:

«Ben bir türküm

*Ekseriyet türklüğe atar can,
Qardaşlilar tatar ve türk birdir qan.
Bugün onuñ ayağında yoq arqan.
Ben bir türküm, türklüğe qurbanım,
Meslegimden vazgeçersem, uryanım
Ben bir türküm, añlaşılır sözümden,
Türklügin qanı fırlar yüzümden,
Hasret yaşı aqıp turar közümden,
Ben bir türküm, ğayıp etmem lisanı,
Çatırtavlı, sıqma böyle insanı.
Kerek degil dilimizi bölmeye,
«Türk», diyerek halqımızı kesmeye.
O, hazırdır bu maqsatta ölmeye,
Ben bir türküm, pek severim bu dili,
Añlar bunu Qurım, Kavkaz, Rum ili.*

Qurımlı»¹.

(«Тюрок я

Страстью вожделеет к тюркизму народ,
Тюрок и татарин – братья по крови.
Легки от пут ноги их ныне.
Тюрок я, тюркизма ради жизни не жаль,
Позор мне в случае измены убеждению.
Тюрок я, в свидетельство слог мой,
Пламенем рдеет тюркизма лик,
Слеза тоски глаза мои томит,
Тюрок я, наречием дорожу,
Чатыртавлы, за это не вини человека.
Не стоит разделять язык наш,
Делить народ укорами: «– Ты тюрок».

---

¹ *Qurımlı*. Ben bir türküm. Şiir // Millet. 1918. Ağustos 19.

За это он готов погибнуть,
 Тюрюк я, люблю язык очень этот,
 Со мной согласны Крым, Кавказ и земли Рума.
Крымец»)¹.

Повторения словосочетаний и слов: «*Ben bir türküm*» («Тюрюк я»), «*Türk*» («Тюрюк»), «*Türklük*» («Тюркство») являются ключевыми в идеологии поборников тюркизма. Вдохновленный величием и родством тюркских языков, поэт посредством тавтологии повышает эффективность, на первый взгляд, мало информативного заголовка. В стихотворении автор стремится эмотивными средствами интерпретировать суть избранной миссии, проповедующей языковую коалицию тюркского мира². В связи с этим он обращается к идеологическому оппоненту Чатыртавлы (А. Одабашу) с просьбой не разобщать крымскотатарский народ. Дж. Керменчикли больше склоняется к идее сплочения всех тюркских народов.

Заголовки Керменчикли одновременно выполняют жанрово-и циклообразующую функции: «*Mektep şarqısı*» («Школьная песня»), «*Ekinci millet*» («Вторая школьная песня»), «*Üçüncü mektep şarqısı*» («Третья школьная песня»)³. В творчестве поэта встречаются оригинальные эпизоды, когда в текст заголовка вносится уточнение рода произведения: «*Esami cedveli yerine şiir*» («Стих вместо поимённого списка»). Стихотворение опубликовано в газ. «Millet» («Нация») за 11 сентября 1917 года. Это время предвыборных агитаций в первый крымскотатарский Курултай. Таким способом, поэт выражает личное отношение к бюрократизму предвыборной кампании. Он предлагает взглянуть на обратную сторону не сходящих с полос газеты длинных списков кандидатов

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

² *Киримов Т.* Творческое наследие Дж. Керменчикли. Симферополь: Оджакъ, 2007. 164 с. С. 136.

³ Саадет ичюн. Эдебий эсерлер джыйынтыгы / аз. А. Алтанълы, Ш. Алядин, Ю. Болат, А. Дерменджи. Ташкент, 1976. 140 с. С. 94–97.

в Курултай. Замещая сухой перечень имён строками стихотворения, автор погружается в собственные раздумья об утраченном чувстве патриотизма крымских татар. Возможно, это стихотворение вошло в один из его малоизученных сборников произведений. О них сообщается в газетных объявлениях под общим названием «*Yeñi kitap*» («Новая книга», 1917). Речь идёт о содержании вышедшей первой из трёх частей книги «*Küçük dostlarım*» («Моим маленьким друзьям»). Какое-то время литературные обозреватели, судя по заглавию, ошибочно считали ее детской. Но из тех же газетных анонсов о содержании книги видно, что стихотворения поэта имеют философско-публицистическую направленность: «*Soñ söz*» («Последнее слово»), «*Rastkele bir körüşiv*» («Как-то раз встретившись»), «*Hatibe*» («Хатипу»), «*Muqaddes emelimiz olurken*» («Когда осуществляется наша сокровенная мечта»), «*Çelebicihana*» («Челебиджихану»), «*Bir fahişe ağzından*» («Из уст путаны»), «*Cenk meydanı*» («Поле боя») и др.¹ Из воспоминаний сына Дж. Керменчikli известно, что в 1937 г. вышеупомянутым изданием основательно интересовались сотрудники НКВД. Тогда перевод книги с крымскотатарского языка на русский был поручен литературоведу А. Фетислямову².

В заключение отметим, что поэт серьезно подходит к выбору названий для своих сочинений. Иногда он вносит поправки в заголовки. Отчасти это объясняется тем, что значение отдельных названий, из-за размытости интонационно-экспрессивных акцентов мало поддается точной интерпретации. Так, название «*Soñ söz*» («Последнее слово») поэт заменяет более интонационно оформленным «*Soñ sözüm*» («Мое окончательное слово»).

Заголовки Керменчikli являются доминантами идейного мышления поэта, оказывают номинативно-коммуникативное воздействие на читателя. Перед исследователем возникают вопросы,

¹ Киримов Т. Творческое наследие Дж. Керменчikli. Симферополь: Оджакъ, 2007. 164 с. С. 23–37.

² Керменчikli Э. Дешетли кечмишини хатырлап // Ылдыз. 1996. № 4. С. 51–53.

связанные с всеобъемлющим изучением заголовков к прозаическим и публицистическим произведениям автора; разработкой специальной методики анализа истории развития, формирования, возникновения или исчезновения тех или иных традиций озаглавливания в крымскотатарской литературе. Творчество Керменчикли свидетельствует о необходимости исследования поэтики заглавий в контексте комплексного изучения макро- и микропоэтики художественных текстов.

РАЗДЕЛ II

МЕТАФИЗИКА КРЫМСКОТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ГИРАЙБАЯ, М. НИЯЗИЯ, Б. ЧОБАНЗАДЕ

**The Crimean Tatar National Idea and Metaphysics
Highlighted in the Context of A. Giraibay, M. Niyazi
and B. Chobanzadeh's Literary Works**

2.1. Национальный колорит в любовной лирике
Амди Гирайбая

***National Color in the Love Lyrics
of Amdi Giraibay***

Summary: *The ideological and aesthetic code of the poetry of Amdi Giraibay, a classic of Crimean Tatar literature, due to the complexity of his metaphorical language and grotesque manner of depicting inner experiences, remains insufficiently studied. His lyrical-philosophical poems reveal a continuity of folk traditions and a genuine national spirit. The themes of the poet's works are diverse. He addresses the historical memory of the people, touching upon topics such as the tragic emigration of Crimean Tatars, the peculiarities of the military service of Muslims in Tsarist Russia, the detrimental effects of outdated education, the consequences of famine in Crimea, the heroic past of his homeland, and the unity of Turkic peoples.*

Love lyrics most fully reveal the inner world of A. Giraibay. Here, love and romantic motifs are harmoniously intertwined with national-patriotic ones. His vernacular lexicon, combined with the depth of thought and feeling, compels the reader to reconsider traditional aesthetic categories. The poet's poems attract with their ability to awaken a sense of spiritual delight. The genre of dedication is also interesting in his work. Among the addressees are figures of culture and education, as well as women. The poet is inspired by the images of a wise mother, a young student from an intelligent family, and a secret beloved.

The poet's sincere feelings primarily contain a call to fight against the enslavement and illiteracy of Muslim women. The motifs of Giraibay's lyrics from the 1920s resonate with the ideology of Soviet power. As a result, his poetic texts acquire a tinge of political polemics, in which the enemies of the working class are denounced. The lyricist cannot imagine life without struggle.

A. Giraibay's work also includes sonnets, although formally they do not always correspond to the canons of the classical genre. However, the poet, in contrast to canonical rules, pays more attention to the ideological and aesthetic values of his works. For example, the tender feelings and sweet memories celebrated in the poem "Senmi ediñ?" ("Was it you?") significantly reflect the reality of the poet's spiritual life at a subconscious level. His creative search for ways to verbalize inner experiences related to love victories and failures gives rise to curious metaphorical images of his beloved. In an ordinary village girl, Giraibay sees otherworldly mythological beauty and the sinfulness of Eve, who tempted Adam. In this regard, any of her (the village girl's) words, gestures, glances, barely perceptible movements, cause him mental and physical suffering. The contradiction between beauty and ugliness (from a medical point of view), sincerity and pretense in the image of two dimples on her rosy cheeks, reminiscent of a pomegranate, the fruit of paradise, ultimately throws the poet off balance in the poem "Öpkelev" ("Accusations").

As mentioned earlier, the poet uses vernacular vocabulary to express complex moral and psychological experiences. It is noteworthy that, reflecting on the meaning of love, the lyricist leans towards the idea of self-destruction. Similar phenomena can be traced in the work of his contemporaries. For example, N. Chelebidzhikhan vows to die on the path to self-knowledge, and the poet B. Chobanzadeh describes death as the best means of knowing the essence of human existence. Some of A. Giraibay's love poems are undoubtedly intertwined with Soviet ideological views. However, the image of an intelligent Crimean Tatar woman fighting for her rights occupies an important place in his creative legacy. However, the change in political ideologies does not diminish the scientific interest in the poet's personality. On the contrary, the high pathos and elegance of his style, the diversity of themes and images define his originality.

Идейно-эстетический код поэзии классика крымскотатарской литературы А. Гирайбая ввиду сложности метафорического языка, гротескной манеры отображения внутренних переживаний остаётся мало расшифрованным. В его лирико-философских стихотворениях ощущается преемственность фольклорных традиций, подлинный народный дух. Из числа исследователей жизни и творчества автора следует упомянуть Дж. Сейдамета, И. Керимова, З. Юксель, Ш. Юнусова, П. Кадризаде. В их работах затрагиваются вопросы реконструкции биографии, поиска утерянных рукописей, оценки масштаба творческой личности. На основе материалов довоенной периодики опубликованы сборники художественных произведений, отдельные разделы монографии писателя «*Qırım edebiyatına bir baqış*» («Короткий взгляд на крымскую литературу», 1935). Значимыми изданиями исследователей, освещающих веки творчества Гирайбая считаются «*Qırım şiirleri*» («Поэзия Крыма», 1935), «*Yaş tatarlarğa*» («Юным татарам», 1994), «*Hamdi Giraybay: şiirler*» («Поэзия А. Гирайбая», 1997), «*Cigitke*» («Джигиту»), «*Qırımtatar şairi H. Giraybay*» («Крымскотатарский поэт А. Гирайбай», 2009)¹.

Видится уместным вкратце осветить условия и этапы формирования поэта. Дата и место рождения А. Гирайбая (наст. имя: Абдильхат Лятифов) в различных источниках несколько отличаются. Например, Дж. Сейдахмет и последующие исследователи утверждают, что писатель родился в 1901 г. в деревне Енисала Феодосийского уезда. Тем временем, Г. Мурат в статье «*Zulüm qurbanı*» («Жертва геноцида») склоняется к версии о том, что Гирайбай родился в 1898 году в селении Ыылдырым Карасубазарского уезда (Карасубазар – назв. г. Белогорска, Крым до 1944 г.). Подробно изучавший рассекреченные следственные

¹ *Амди Гирайбай. Джигитке / терт. И. Керимов. Симферополь: Тарпан, 2009. 112 с.; Амди Гирайбай. Шиирлер / терт. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с.; Giraybay H. Yaş tatarlarğa. Manzumeler / haz. L. Azim. Bukureşti: Şansa, 1994. 136 с.; Qırım şiirleri. Qırımnıñ tanılmiş şairlerniñ seçilmiş şiirleri / haz. C. Seydahmet Köstence: Emel matbaası, 1935. 96 с.; Yüksel Z. Kırım Tatar Şairi Hamdi Giraybay. Ankara, 2012. 256 s.*

материалы ГПУ о репрессированной крымскотатарской элите И. Керимов, обращает внимание на интересный факт. Заполняя бланк биографических данных поэт, в графе дата рождения примерно указывает 1900 и 1901 годы. И далее поясняет: «Отец был муллой. В 1902–1903-м из Енисала мы переехали в дер. Беш-Куртка Андреевской волости того же уезда. Когда в 1906-м умер отец, мне было около 6 лет»¹.

После смерти отца Гирайбай с семьёй перебирается в Карасубазар (1906). Получив начальное образование, продолжает учебу в Симферопольской средней школе-рушдие (1917). Некоторое время учится на рабфаке Крымского университета (1921). Работает в Наркомнаце, девятилетней крымскотатарской образцово-показательной школе². При содействии первого лица правительства Крымской АССР В. Ибраимова, Гирайбай отправляется в Турцию, где поступает на филологический факультет Стамбульского университета³. Встречается с видными крымскотатарскими политическими деятелями в изгнании. Так, под влиянием именитого публициста, бывшего министра иностранных дел Крымской народной республики (1917) Дж. Сейдамета пишет вышеупомянутый монографический труд, посвящённый истории культуры и литературы крымских татар. Не смотря на уговоры Дж. Сейдамета остаться в Турции и продолжать заниматься наукой, воодушевленный идеей служить народу, А. Гирайбай возвращается в Крым (1926)⁴. Продолжает общественную и преподавательскую деятельность, публикуется в газетах и журналах: «*Yaş quvvet*» («Молодая сила»), «*Yeñi dünya*» («Новый мир»), «*Bilgi*» («Знание»), «*Yañı Çolpan*» («Новая Венера»), «*Oquv işleri*» («Дела просвещения»).

¹ Амди Гирайбай. Джигитке / терг. И. Керимов. Симферополь: Тарпан, 2009. 112 с. С. 14–15.

² Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / сост. Н. Абдульвап. Белгород: Константа, 2018. 392 с. С. 134.

³ Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): биобиблиографический словарь / сост. Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. С. 76–78.

⁴ *Giraybay H. Yaş Tatarlarğa: manzumeler / haz. L. Azim. Bukureşti: Şansa, 1994. 136 s. S. 4–14.*

Советской карательной системой обвинён в национализме, расстрелян в Бутырской тюрьме (1930). Реабилитирован в 1991 году. Место захоронения не известно.

По данным специалистов, расцвет творчества А. Гирайбая приходится на 1917–1927 гг. Тематика стихотворений поэта разнообразна. Как правило, он обращается к исторической памяти народа и затрагивает такие темы, как трагическая эмиграция крымских татар в кон. XVIII века («*Hicret*» / «Эмиграция», 1927); особенности воинской повинности мусульман в царской России («*Tintüv*» / «Облава», 1922; «*Набор*», 1923); пагубность старометодного образования («*Eski qurımtatar mektebi*» / «Старая татарская школа», 1923); последствия массового голода в Крыму («*Açlıq*» / «Голод», 1921); героическое прошлое родины («*Uyanıñız tatarlar!*» / «Пробудитесь татары!», 1920); единение тюркских народов («*Birlik*» / «Единство», 1921; «*Altaylığa*» / «Алтайцу», 1920). Поэт тяготеет к описанию личного творческого процесса («*Vesveseligim*» / «Неуверенность», 1920; «*Yañı defterge*» / «Новой тетради», 1920); изображению быта простого крестьянина, учителя («*Talaq*» / «Развод», 1921; «*Tatar hocasına*» / «Татарскому учителю, 1921»)¹. В любовной лирике наиболее полно раскрывается внутренний мир художника слова.

В лирике А. Гирайбая гармонично переплетаются любовно-романтические и национально-патриотические мотивы. Простонародная лексика, но в то же время глубина мысли и чувств его поэтических текстов заставляют читателя переосмысливать традиционные эстетические категории. Стихотворения поэта привлекают способностью возбуждать чувство духовного наслаждения. В его творчестве интересен жанр посвящения. Среди адресатов его посвящений встречаются обращения к деятелям культуры, просвещения. Особое

¹ *Амди Гирайбай. Джигитке* / терг. И. Керимов. Симферополь: Тарпан, 2009. 112 с. С. 14–15; *Юнусов Ш. Идеино-художественные особенности крымскотатарской поэзии 20-х годов XX века* // Культура Народов Причерноморья. 1997. № 2. С. 236–243.

внимание уделяется женщинам. Поэта вдохновляют образы мудрой матери, юной студентки из интеллигентной семьи, тайной возлюбленной. Например, приветственные послания, адресованные Зулейхе: «*Züleyha totay Çobanzadeniñ albomına*» («Для альбома Зулейхи Чобанзаде»), «*Qarasuv: Qarasuv haqqında bir şey yazmağam için öpkelegen Çoban qızı Züleyha totayğa*» («Карасув: Зулейхе Чобанзаде, сетующей на то, что не пишу о Карасувбазаре»). Доселе малоизвестная историческая персона рассматривается в обширной статье Н. Абдульвапова «Жизнь Зулейхи Чобанзаде». Здесь, описываются детство, юность, замужество сестры знаменитого учёного-тюрколога Бекира Чобанзаде. Автор статьи делится подробностями о судьбе упомянутого альбома. На закате жизни Зулейха-ханум со скорбью вспоминала день, когда немецко-фашистскими захватчиками был подожжён её дом вместе с сыном Субатаем. Тогда уцелели лишь фрагменты альбома со стихами и пожеланиями товарищей, учителей педагогического училища¹. Анализируя стихи Гирайбая и мемуары Зулейхи-ханум, можно представить силуэт 17–18 летней энергичной, пышноволосяй девушки среднего роста. Поэт с восхищением отзывается об этой юной красавице («Зулейха тотай Чобанзаденинъ альбомына» / «Для альбома Зулейхи Чобанзаде»):

*«Yüz biñ yaşa, qart çobanniñ qoşta tuvğan caş qızı!
Coluñ bolsun tuvğanıñniñ taptap ketken bir izi,
Astıñdaki bir cüyüginden ibret alsın cigitler,
Soğuşqanda utandırır, qız cigitni ögütler...»².*

(«Хвала отважной девице, выросшей в лачуге старого чабана!
Не сворачивай с пути, проложенного твоими предками,
Пусть не устают восхищаться скакуном твоим джигиты,
Не уступаешь на скачках, джигиты к тебе прислушиваются...»)³.

¹ Абдульвапов Н. Чобан кызы Зулейханьнъ омюри // Янғы донья. 2013. Октябрь 11.

² Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 85.

³ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

Перечитывая эти чувственные строки, убеждаемся, что автор отдаёт предпочтение смелым, волевым и деятельным крымским татаркам. Любопытны воспоминания З. Чобанзаде о том, как она вместе с заведующей женского педучилища Айше Исаковой путешествовала верхом по окрестностям Симферополя. Известно, что А. Исакова является представителем диаспоры татар Литвы. Активно занимаясь общественной деятельностью в Крыму, она организовала национальные дошкольные и женские учебно-воспитательные заведения. По сведениям газеты «Millet» («Нация») имя Исаковой значилось в списках делегатов I крымскотатарского Курултая 1917 года¹. Вместе с тем отметим, что студентами женского педучилища в 1922 году был налажен выпуск ежемесячного рукописного журнала «Ненкенджан»². Среди авторов издания можно встретить близких и знакомых Гирайбая. Например, это Гафуре Кучюк-Озенская, Асие Улу-Озенская. Отличающаяся смелостью Асиеханум сравнивается с национальной героиней Франции Жанной д'Арк («*Ulu Özenli Asiye totayğa*» / «Асие Улу-Озенской»):

*«İnqilâpçı, kötekçi bir Şarq qızı,
Tatar aydın köküniñ tañ yıldızı
Bolğanını körgende quvanırman,
«Qız içinde bir cigit! « – dep tanırman.
Tüfek köter, qılıç taq, «Ur» – dep bağır,
Şarqniñ kinli qızların safqa çağır,
Gönüllerge işleriñ temel salsın,
«Jan d'Ark» dayın tarihte adıñ qalsıñ!»³.*

¹ Küçük-Özen volostından Qurultaya namzetleri // Millet. 1917. No. 100. Noyabr 9; Milliyy qadın gimnaziyası // Millet. 1917. No. 83. Oktâbr 17.

² Юксель Г. Крымскотатарские рукописные издания // Ученые записки Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 2. С. 59–364.

³ Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 103–104.

(«Девушка-воин, революционер Востока,
В чистом небе татарском света исток.
Встречи с тобою блаженства напиток,
Нежная пери с сердцем джигита.
Где твои клинок и винтовка? К бою готовь,
Вдов Востока, вожделеющих вражеской крови.
Поступками храбрыми сердце народа скрепи,
Ты Жанна д'Арк, пусть по тебе потомки скорбят»).

В искренних чувствах поэта прежде всего кроется призыв к всеобщей борьбе с порабощением и неграмотностью мусульманок. Мотивы лирики Амди Гирайбая 1920 годов перекликаются с идеологией советской власти. Поэтому его поэтические тексты напоминают политическую арену, где изобличаются враги трудящегося класса. Лирик не представляет жизнь без борьбы. В стихотворении, адресованном «Молодежи» («Саşıққа») он призывает товарищей сплотить ряды борцов с работодателями Востока:

«Саһи дүнья, саһи күн, һалқ да саһи, / Ярықланды қартайған
Şarqıñı таһи. / Саş cürekler bizlerge: «Аydiñиз!», – diy, / «Yuqladıñиз,
yañlış күн saydıñиз» – diy; Arañızda һainler qalmağan soñ, / Halq
işine һиç аyaq çalmağan soñ, / «Qol tutuşıp, birliküp ketiñиз», – diy, /
«Mazlum Şarqıñı siz azat etiñиз» – diy»¹.

(«Новый мир, новый день, новые люди, / Озарился рассветным сияньем ветхий Восток, / Юные сердца вперёд зовут нас, / Пробудиться, отказаться от суеты призывают»; / Наконец, с врагом расквитавшись, / Некому тормозить народный прогресс, / Сплотившись в ряды возьмитесь за руки, / Высвободите угнетённый Восток!»).

Вместе с тем, когда, казалось бы, совсем не осталось места для нежных чувств, рождаются новые интимные строки («Sen» / «Ты»):

¹ Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 30–31.

«Men seni körgende al qanım qaynay,
 Pek küçük bir tamlı köne suvunday,
 Avzından öpmege al qanım qaynay
 Küç bere nefesiñ çeçek buvunday.
 Qol tutuşqanda biz, baş parmağımda,
 Qoluñni öpmege avzım bolğaydı...
 Şiirde, nesirde til parmağımda,
 Qız adı bir gülday açıp solğaydı»¹.

(«Как завизжу тебя в жилах кровь закипает,
 С силой мельчайшей капельки ртути.
 Стынет кровь лишь от мысли прижаться к губам,
 Медовым ароматом дыханья твоим я живу.
 Наши руки скреплены, но палец большой [руки моей],
 Целовал бы руку [нежную] твою имел бы уста.
 В моей поэзии, прозе и ритмике слова,
 Хоть на миг раскройся как розы бутон»).

Поэт сокрушается по поводу несовершенства своего тела перед возвышенной любовью. Он находится в крайнем состоянии. Так, сила желания страстно поцеловать возлюбленную образно измеряется им температурой кипения ртути – 357° по Цельсию. В стихотворении «Ты» («Sen») химический элемент таблицы Менделеева (hydrargyrum) обозначается как: «кёне суву». Продолжая в творчестве национальные литературные традиции, лирик свою любовь часто связывает с кончиной, гибелью. Для него смерть является больше честью, чем трагедией. Таким образом, усомнившись в возможности воссоединения с возлюбленной в мире брэнном, он мечтает умереть и быть погребенным в тени густых деревьев. Тогда на его могиле влюбленные смогли бы беспрепятственно встречаться, делиться чувствами. Так, стихотворения «Qalay etip sirimni sağa

¹ Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 56.

аҗауит» («Как поведать душевную тайну?»), «*Yañi defterge*» («Новой тетради»), «...ğа» («Ей...»), «*Mektüp*» («Послание»), «*Qarğış sağa*» («Клянц тебя»)¹ раскрывают экзистенциональные поиски Гирайбая.

В процессе изучения «теории любви» поэта, можно встретить работу Дж. Сулеймановой «*Hamdi Giraybaynıñ belli olmağan sonetleri*» («Не известные сонеты Амди Гирайбая»). Исследователь в общих чертах рассматривает историю, географию возникновения жанра сонет; степень влияния русской литературы на творчество крымскотатарского поэта². В связи с этим возникают вопросы, касающиеся условий появления в тюркских литературах данного лирического жанра. Например, с установлением советского режима в Азербайджане, Казани, Казахстане, Узбекистане и других граничащих с ними регионах, исповедующих Ислам, поэтические формы сонета также начали мало-помалу заинтересовывать национальные литературные круги. Турецкие ценители искусства еще раньше узнают о сонете из «*Ненаписанного стиха*» («*Şi'r-i Nâ-Nüvişte*») поэта-символиста Дж. Шехабеттина, сочиненное метром аруз. В свою очередь, крымские писатели находили интерес в прозаических взглядах мэтров турецкой литературы Т. Фикрета, М. Юрдакула, М. Эрсоя³. Их поэтические произведения включались в содержание авторских учебников для местных школ. Примером служит сохранившаяся до наших дней книга У.С. Арбатлы «*Çocuqlara arqadaş*» («Друг детей») 1914 года издания⁴. Следует уточнить, что ввиду сложившихся разных национальных литературных традиций, сонеты Гирайбая фор-

¹ Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 12, 33, 50, 55.

² Сулейманова Дж. Амди Гирайбайнынъ белли олмаған сонетлери // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2010. Т. 23 (62). № 3. С. 275–280.

³ Şuayib A. Servet-i fünün edebiyatının önemli sanatçıları. URL: http://www.edebibilgiler.com/documents/serveti_funun_edebiyatının_önemli_sanatçıları.

⁴ Arbatlı Ü. Çocuqlara arqadaş. Qırayet. Petrograd: M. Maqsudov matbahanesi, 1914. 87 s.

мально не совсем соответствуют нормам классического канонизированного жанра. Говоря о традициях, вспоминается книга «*Kriloľdan on qıssa*» («Десять басен Крылова»), изданная на крымскотатарском языке в 1901 году О. Акчокраклы. С целью передачи колорита, возвышенности стиля, автор перевода избирает средневековый дворцовый стиль поэтической лексики. В тексте изобилуют арабские и персидские термины, архаизмы благодаря которым речь персонажей произведений становится изысканной, глубокой по содержанию. В 1930 году, пытаясь повторить опыт побратима по перу, О. Амит, в погоне за идентичностью рифмы, размера стиха терпит неудачу¹. Таким способом, А. Гирайбай в противовес каноническим правилам написания сонета, больше заботится об идейно-эстетических ценностях поэтического сочинения. Заголовки его сонетов звучат так: «*Senmi ediñ?*» («Была ли это ты?»), «*Ölüge*» («Усопшему»), «*Yañı defterge*» («Новой тетради»), «*Yaş tatarğa*» («Татарской молодежи!»), «*Anama*» («Маме»), «*Namuslı qızğa II, III*» («Благопристойной девушке II, III»)². Попытаемся осветить идейно-эстетическую глубину стихотворения «*Senmi ediñ?*» («Была ли это ты?»).

*«Terekler tübünde, ay yarığında,
Güllerniñ içinde muñlı körüngen,
İstekli gönülniñ keñ arığında,
Dertlerni tazertüp qayğuğa büriüngen.
Köpürgen saçların cik arasından,
Çeñgeñe qol salup küliüp qarağan,
Añlağan hekimday qalp yarasından,
Sıcaq baqışlarman keyfimni arağan...»³.*

¹ Керимов И. Эволюция крымскотатарского художественного слова в конце XIX и начале XX вв. Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 184 с. С. 61–68.

² Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 11, 50, 53, 54, 57, 65, 68.

³ Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 11.

(«В свете луны под кровом древ одиноких,
Мрачной казалась средь цветов луговых,
В терпком томлении жаждущего сердца,
Тревожные думы пленили тебя изредка.
Сквозь пробор пышных волос еле заметно,
С шутивным укором пронизываешь взором,
Пытаешься постигнуть лекарю подобно
Хворобу сердца и страдания души моей»).

Отрывок из произведения передаёт редкую красоту крымских степей, их вечернее влажное дыхание, которое когда-то ощущал лирик. Но женская фигура, описываемая на фоне природы, занимает центральное место в общей картине его интимных переживаний. Отметим, что живопись определяет стержень многогранного поэтического творчества А. Гирайбая. Посредством ярких красок ему с лёгкостью удаётся оживлять старые портреты, пейзажи, интерьеры, более того, сновидения. Автор обыгрывает литературный приём сна в продолжении стихотворения «*Senmi ediň?*» («Была ли это ты?»):

*«Köksümniň üstünde qızıl ot yaqqan,
Hasretim qabarıp cılap cürgende,
Men gece tüşümde seni körgende,
«Sevdalıq» boynuma taqqanda,
Avuzı qıbirdap çaynağan saqız,
Qalbimni sızlatqan senmidiň, aqız?!»¹.*

(«Кто алым пламенем сердце в груди обжигал мне,
Когда я скитался от невыносимой тоски,
Когда бредил по тебе в объятиях ночи,
«Когда стяжал победные лавры любви,

---

¹ Амди Гирайбай. Шиирлер / терг. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с. С. 11.

Кто же та строптивая, что смолу жевала?
Кто же, если не ты сердце моё истязала?»).

Воспеваемые в поэтических строках нежные чувства, сладкие воспоминания по большей мере являются реальностью духовной жизни поэта на подсознательном уровне. Его творческие поиски путей вербализации внутренних переживаний любовных побед и неудач рождают любопытные метафорические образы возлюбленной. Не добившись взаимности, ранимый романтик несколько ослабляет самооценку («*Öpkelev*» / «Обвинения»):

*«Nar almaday kızıl güllü yanağı,
Közleriñday tıştan içke oyula.
Oymaq avzı – süygü, sevda çanağı, –
Qıbirdasa bütün qayğuiñ coyula.
Memeleri – asma yüzüm salqımı,
Bir aşarlı bala tüslü qıbirday,
Aq pamuqday beyaz, yımşaq alqımı
Qıbirday da, avzı ayta, şıbirday»¹.*

(«Алые ланиты не отличить от яблок граната,
Маленькие ямочки на них точно глазки твои.
Ротик с напёрсток – чаша любви и страсти экстракт, –
Лишь содрогнётся, как исчезают раны печали.
Грудь – винограда грузди мясистые,
Резвятся, все рвутся сбежать как детишки,
Трепетная веточка хлопка лучистого, –
Шея твоя дрожит от слов еле слышных»).

В обычной деревенской девушке А. Гирайбай высматривает неземную мифологическую красоту и порочность Евы, соблаз-

¹ *Giraybay H. Yaş tatarlarğa. Manzumeler / haz. L. Azim. Bukureşti: Şansa, 1994. 136 s. S. 130.*

нившей Адама плодом запрета. В связи с этим, любые её слова, жесты, взгляды, едва уловимые движения доставляет ему эмоциональные и физические страдания. Противоречивость красоты и уродства, искренности и притворства в образе двух ямочек на розовых щёчках окончательно выбивает из равновесия поэта («*Öpkelev*» / «Обвинения»).

*«Külümsirep qaşñ çatıp süzüle,
Soñ bir söziñ aytup artqa burula,
İçeklerim tüpten qopa üzüle,
Arada başqasiman lafqa qurula...
Hayırsızñ meni taşlap ketkeni,
Cüregim ura, qatıp qalaman,
Başqasiman oynap şaqa etkeni,
Canım sıqa, hata aytup salaman...»¹.*

(«Скрывая гнев улыбкой безразличной на лице,
Со мною говоришь, оглядываясь ищешь выход,
Нутром ощущаю что-то неладное и, в конце,
Появляется тот, кто пустым разговором тебя увлечёт.
Разрывается сердце, нервно цепенею от злобы,
Бессердечная, погубила, покинула скоро меня.
С другим веселишься и шутишь бесстыдно,
Потрясен, утратил речь в душевном смятении...»).

Современный читатель впервые смог ознакомиться со строками приведенного стихотворения в сборнике стихов «*Yaş tatarlarğa*» («Юным татарам», 1994). Книга издана в Бухаресте под редакцией П. Кадризаде, а в 1997 г. переиздана в Крыму У. Эдемовой. В общей сложности здесь собрано 82 произведения поэта, большая их часть датируется 1920–1921 гг. После ареста и конфискации тетрадей А. Гирайбая, восстановлением утраченных материалов занимался его брат Эзель. Сделанные

¹ *Giraybay H. Yaş tatarlarğa. Manzumeler / haz. L. Azim. Bukureşti: Şansa, 1994. 136 s. S. 130.*

им выписки из доступных национальных журналов, книги поэта «*Caşlarğa*» («Молодежи», 1922), а также приложенные листы А. Гирайбая на арабской графике хранились у родственников в Румынии. Наконец, оказавшись в руках Пирае Кадризаде, дочери классика крымскотатарской литературы Абдурамана Кадризаде, поэтические тексты были детально изучены, транслитерированы на крымскотатарскую латинскую графику и подкреплены ценными комментариями к творчеству автора. Профессор И. Керимов, констатирует, что многие стихотворения в упомянутом сборнике являются черновыми набросками. Об этом свидетельствуют и фотокопии, размещённые в том же румынском издании¹. Во всяком случае, тексты «*Обвинений*» не обнаружены в довоенной периодике. Возможно, оценивая уровень мусульманского менталитета соотечественников, автор не спешил публиковать свои эротические зарисовки. Любовные сцены, выходящие за пределы принятых норм того времени, присутствуют в пьесах драматурга: «*Oturşuv*» («Посиделки», 1921), «*Gençlikniñ bir daqiqalıq zevqi*» («Сиюминутное блаженство молодости», 1922). В них обнаруживается конфликт романтической личности с традиционными устоями крымских татар.

Подводя итоги отметим, что любовная лирика Гирайбая является отражением древних языковых и литературных традиций крымских татар. Поэт посредством простонародной лексики выражает сложные морально-психологические чувства. Примечателен факт, что лирик, размышляя о смысле любви, склоняется к саморазрушению. Подобные феномены прослеживаются и в творчестве его современников. В частности, Н. Челебиджихан в известном стихотворении «*Ant etkenmen!*» («Я поклялся!») клянётся умереть на пути к самопостижению. Поэт-народник Б. Чобанзаде описывает смерть как наилучшее средство познания сущности человеческого бытия «*Yahşı*

¹ *Giraybay H. Yaş tatarlarğa. Manzumeler / haz. L. Azim. Bukureşti: Şansa, 1994. 136 s. S. 6.*

ölim!» («Лучшая смерть!»). Вместе с тем, отдельные любовные стихи Гирайбая тесно переплетаются с советскими идеологическими воззрениями. Но сам образ интеллигентной, борющейся за свои права крымскотатарской женщины занимает важное место в творческом наследии поэта. Впрочем, смена политических идеологий нисколько не умаляет научный интерес к литературной персоне. Напротив, высокая патетичность и грациозность стиля, разнообразие тем и образов определяют самобытность Гирайбая.

2.2. Концепт «Родина» в творчестве Мемета Ниязья: генезис и поэтика

The Concept of “Homeland” in the Works of Memet Niyazi: Genesis and Poetics

Summary: *Memet Niyazi was a talented writer, educator, and active participant in the Crimean Tatar national movement within the Romanian diaspora. His works reflect the ideals of national education and Turkism as a sociocultural phenomenon. His writing is characterized by a fervent advocacy and patriotic idealism. One of the central motifs in Niyazi's poetry is the theme of returning to one's homeland. The poet connects his long and difficult life journey with the fate and aspirations of a people forced to leave their native land. By extolling the beauty of Crimean nature, Niyazi utilizes it as a symbol of national identity. The vast blue sky is associated with the unfurled national flag of the Crimean Tatars, while the towering mountains represent a free platform from which he preaches the ideas of national revival. In his works, Crimea is portrayed as a verdant paradise where the orphaned and disadvantaged find hope for a new life and come to understand the meaning of love for their fatherland. The recurring motif of orphanhood in the poet's work*

is imbued with the tragedy of losing one's homeland, a sense of helplessness, and the deprivation of maternal warmth.

The events surrounding the establishment of the First Kurultai and the proclamation of the Crimean People's Republic (1917) are perceived by the poet as a glimmer of hope for the people. However, internal contradictions within the Crimean Tatar political elite and clergy, as well as the people's indifference to the idea of national sovereignty and cultural revival, plunge the poet into a state of depression. This phenomenon is characteristic of many contemporary Crimean Tatar writers (B. Chobanzadeh, A. Latifzadeh, J. Kermenchikli, Sh. Bektore), who, seeking to escape the uncertainties of everyday life, favored a world of illusions and escapism in their works. Niyazi, on the contrary, strives to find common ground with the people but remains misunderstood. For example, in the poem "Öz curtumda ğaripmen!" ("A Stranger in My Own Land!"), he expresses a feeling of loneliness and alienation in his native land. In the image of the author of this poem, we see a poet-wanderer, an unheard prophet in his own fatherland. We are presented with the poet's inner conflict with his former ideals and hopes.

As mentioned earlier, Niyazi's work reflects the Crimean Tatar national democratic process. As the son of a Crimean émigré, the poet grew up in an atmosphere of love for his homeland, his native language, and folk poetry. His education in Turkey, his acquaintance with the literary works of prominent Turkish thinkers, and his interactions with Crimean Tatar political activists significantly influenced the formation of his personality. Thus, the idea of returning to one's homeland in his works takes on a sacred character. By describing the beauty and power of Crimean lakes and waterfalls, forests and mountain peaks, and the azure sky symbolizing the Crimean Tatar flag, Niyazi emphasizes their sacredness and close connection to the fate of the people. Crimea is associated in his works with a lost and rediscovered green paradise. In a creative context, the poet identifies himself with the image of

a national savior, a spiritual leader. He sees his primary mission in consolidating the nation and liberating the people from the complex of orphanhood. The significant image of orphanhood in the poet's work acquires a broader meaning: it symbolizes not only the loss of one's homeland but also the spiritual and patriotic crisis of the ethnic group. Due to his idealistic views, the poet is prone to melancholy. This feature of his psychological state is also reflected in the choice of motifs in his poems. For example, these include motifs of despondency ("Men qaydayman?" – "What's wrong with me?"), anxiety ("Telesuv" – "Anxiety"), death ("Tatar barmı?", dep sorağanlarğa" – "To those who ask: 'Are there any Tatars?'"), orphanhood ("Qışnıñ selâmı" – "Winter's Greeting"), heavy thoughts ("Oylav" – "Thoughts"), and others. The multifaceted nature of Niyazi's personality is reinforced by the colorfulness of his language and imagery.

Мемет Ниязий – талантливый крымскотатарский писатель, просветитель, активист национального движения. В своих произведениях он освещает идеи народного образования, тюркизма как социокультурного явления, национально-демократического движения. Агитационный пафос, патриотический идеализм определяют общий характер творчества автора.

Писатель родился в 1878 г. в поселении крымских эмигрантов Ашчылар, расположенного на окраине румынского города Мангалия. Здесь он обучается в школе. В 1889 г. с семьёй переезжает в Турцию. В 1899 г. поступив в Стамбульское мужское педучилище (дарульмуаллимин), занимается изучением творческого наследия турецких поэтов-модернистов периода Танзимата и Сервет-и Фунун¹. После окончания учебы неоднократно посещает Крым, занимается общественной и преподавательской деятельностью. Но под давлением царского режима каждый раз вынужден покидать Родину.

¹ Şahin İ. Kırım mecmuasında neşredilen Kırım konulu şiirler üzerine bir inceleme // Türk dünyası incelemeleri dergisi. 1997. No. 2. S. 173–190; Керимов И. Эки асыр арасында XIX–XX – На стыке веков. Симферополь: крымучпедгиз, 1997. Буклет.

Смерть отца, преследования по политическому мотиву агентами полиции турецкой власти заставляют М. Ниязия вернуться в Румынию (1904). Некоторое время он работает учителем, директором школы-рушдие в Констанце. В 1914 г. переселяется в г. Меджидия, где продолжает преподавать турецкий язык и литературу в мусульманской семинарии.

По случаю провозглашения I Курултаем Крымской Демократической Республики вместе с румынской делегацией вновь прибывает в Симферополь¹. Об этом историческом событии свидетельствуют опубликованные им в газете «*Millet*» («Народ») стихотворения: «*Dobrucadan sizge selâm ketirdim*» («Я привёз благословение из Добруджи»), «*Yolculuq hatıralarından*» («Путевые воспоминания»)². Известно, что Мемет Ниязий и его румынский соратник д-р М. Нури в то время назначаются членами редколлегии газеты «*Haq ses*» («Голос правды»)³. Сегодня в фондах Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского найдено 12 номеров упомянутой газеты за 1918–1919 гг. издания⁴. Это была оппозиционно-политическая, общественно-литературная газета, которая выходила три раза в неделю на крымскотатарском и русском языках. По информации проф. Н. Яблоновской, в состав организаторов и редколлегии «*Голоса правды*» входили представители влиятельных крымских мурз – С. Ширинский, А. Уланов, К. Крымтаев⁵. Помимо редакторской деятельности Мемет Ниязий занимает должность директора медресе «Зынджырлы» в Бахчисарае. В 1920 г. из-за политической нестабильности в Крыму, возвра-

¹ Керимов И. Ниязий Мемет / Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): библиографический словарь / сост. Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. С. 144–146.

² Niyaziy M. Dobrucadan sizge selâm ketirdim. Şiir // Millet. 1918. No. 126. Oktabr 18; Niyaziy M. Yolculuq hatıralarından // Millet. 1918. No. 134. Noyabr 28.

³ Feyzi E. “Haq ses” refiqımızdan bekledigimiz // Millet. 1918. No. 174. Dekabr 15.

⁴ Акъ сесь. Политическая и общественно-литературная газета. URL: <http://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0002159>

⁵ Яблоновська Н. Кримська журналістика: етнічні аспекти. Симферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2008. 290 с. С. 131.

щается в Меджидие, где до конца жизни остаётся преданным делу просвещения тюрок-мусульман.

Перед приходом в редакцию крымской газеты «*Haq ses*» М. Ниязий имел за плечами большой редакционно-издательский опыт. На протяжении 1910–1916 гг. он принимал участие в организации, издании газет и журналов на крымскотатарском языке: «*Dobruca sadası*» («Голос Добруджи»), «*Teşviq*» («Содействие»); «*Taň*» («Рассвет»), «*Mektep ve aile*» («Школа и семья»). Произведения М. Ниязиев встречаются и в других довоенных изданиях разных лет. Например, в газетах «*Işık*» («Луч»), «*Dobruca*» («Добруджа»), «*Emel*» («Стремление»), «*Haq söz*» («Слово истины»); в таком издании как «*Qırım tectuası*» («Крымский журнал»); в коллективных сборниках «*Yaş tatar yazıları*» («Произведения молодых татар»), «*Kök kitap*» («Голубая книга»). Большой интерес представляют его авторские поэтические сборники, такие как «*İthafat*» («Посвящения») и «*Sağış*» («Ностальгия»). В историографических материалах датой смерти М. Ниязиев значится 29 ноября 1931 г.¹

Изучению культурного феномена личности и творчества писателя посвящён целый корпус литературно-критических исследований. Соответствующие материалы сконцентрированы в зарубежных архивах. Ведущую позицию в изучении данной темы занимают учёные университетов Румынии и Турции. Важно отметить, что личность Мемета Ниязиев как влиятельного общественного деятеля имеет большую популярность в диаспоре. Об этом в частности, свидетельствуют мемуарные заметки, публицистические статьи видных ветеранов национально-демократического движения в эмиграции. Например, труды Дж. Сейдамета, М. Улькусала, Н. Фазыла, М. Юртсевера довольно ярко освещают культурную жизнь и борьбу крымских

¹ Киримов И. Ниязий Мемет / Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): библиографический словарь / сост. Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. С. 144–146.

татар за национальное объединение¹. Примечательно издание Мустеджиба Улькусала «*Kırım Türk Tatarları: Dünü, Bugünü, Yarını*» («Крымские татары: прошлое, настоящее, будущее»). В этой книге автор стремится максимально очертить линию зарождения и формирования крымскотатарского этноса, осветить причины эмиграции большей части его в Добруджу. Здесь, он также описывает политическую, литературно-пропагандистскую и издательскую деятельность крымскотатарской интеллигенции в Крыму и за рубежом. Уделяет внимание журналу «*Emel*» («Стремление»), основанному в 1930 году в местечке Пазарджик². Автор сам являлся главным редактором и соучредителем данного научно-литературного, социально-экономического и политического издания. За время издания с 1930 г. до наших дней журнал вырастил целые поколения видных писателей, деятелей культуры и стал идейной трибуной крымскотатарской диаспоры по всему миру. Известно, что редакцией журнала «*Emel*» был ранее организован выпуск серии литературно-публицистических сборников.

Важно отметить, что в 1931 году в арабской графике на крымскотатарском языке был издан сборник стихотворений М. Ниязия «*Sağış*» («Ностальгия»)³. В 1935 г. выпущена поэтическая антология «*Qırım şiiirleri*» («Поэзия Крыма»), посвященная памяти погибшего крымского поэта Амди Гирайбая. В содержании книги значатся: вводное слово Джафера Сейдамета; исторический очерк развития крымскотатарской литературы авторства А. Гирайбая; стихотворения М. Ниязия и его единомышленников – Н. Челебиджихана, Б. Чобанзаде, У. Ипчи, А. Къадризаде, М. Нузета, А. Лятифзаде, Ш. Бекторе, А. Одабаша, К. Джаманаклы, З. Джавтобели и др.⁴.

¹ Алиев Ю. Четэль кырым миллий эдебиятына бир назар. Симферополь: Кырымдевокъувпеднешир, 2007. 54 с.

² Ülküsal M. Kırım Türk-Tatarları: Dünü. Bugünü. Yarını. İstanbul: Baha Matbaası, 1980. 366 s.

³ Mehmet Niyazi. Sağış. Pazarçiq: Emel matbaası, 1931. 44 s.

⁴ Qırım şiiirleri. Qırımniñ tanılmuş şairlerniñ seçilmiş şiiirleri. Köstence: Emel matbaası, 1935. 96 s.

Современные румынские исследователи, писатели крымскотатарского происхождения, в частности, Н. Махмут, Э. Махмут, Ш. Вуап-Мокану, Г. Акмолла вносят неоценимый вклад в изучение истории эмигрантской крымскотатарской литературы, в том числе и творческого наследия Ниязия. Антология «Тюркотатарской литературы Румынии» в 3-х томах («*Romanya Türk-Tatar edebiyatı*»)¹, коллективный сборник статей и художественных произведений «К 75-летию кончины М. Ниязия» («*Ölüminiñ 75-nci senesinde Mehmet Niyazi*»)², сборник поэзий Ниязия «Бессмертные стихи» («*Ölümsüz Şiirler*»)³ являются результатом их многолетних исканий. Этот список можно продолжить «Словарем диалекта крымских татар Добруджи» в 3-х томах («*Dobruca Kırımatar Ağız Sözlüğü*») С. Карахана. Словарь уникален тем, что здесь на турецком и румынском языках истолковываются диалектные термины и тексты из литературного творчества М. Ниязия, Н. Челебиджихана, А. Гирайбая, М. Юртсевера и др. классиков, пишущих на северном крымском диалекте⁴. Им же в 2003 г. в Констанце была переиздана с некоторыми дополнениями книга М. Ниязия «*Sağış*» («*Ностальгия*»). О популярности упомянутой книги свидетельствует тот факт, что она переиздавалась крупным бухарестским издательством «*Kriterion*»⁵. В 1990-е гг. при поддержке Министерства культуры Румынии, в этом издательстве увидели свет тиражи многих книг и журналов на крымскотатарском языке. Благодаря этому широкому кругу крымских читателей открылось творчество М. Ниязия, Т. Ибраима, А. Айрантока, Э. Мамута, А. Бавбека, Э. Эмина, М. Яшара, А. Эмина, И. Зияэтдина, Г. Акмоллы, П. Кадризаде и других писателей в эмиграции⁶.

¹ Romanya Türk-Tatar edebiyatı. 3 ciltta / haz. N. Mahmut. Constanta: Editura Europolis. 2000; Editura Newline. 2009.

² Mahmut N. Ölümünün 75'nci senesinde Mehmet Niyazi. Köstence: Newline, 2006. 194 s.

³ Mehmet Niyazi. Ölümsüz şiirler / haz. G. Akmolla. Constanta: Newline, 2007. 110 s.

⁴ Dobruca kırimtatar ağız sözlüğü. 3 ciltta / haz. S. Karahan. Köstence: Expono, 2011.

⁵ Mehmet Niyazi. Sağış / haz. S. Karahan. Köstence: Europolis, 2003. 88 s.

⁶ Бекирова О. К вопросу изученности литературы крымскотатарской диаспоры румынии // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. № 5. С. 134–139.

В работах турецких исследователей детальному рассмотрению подвергаются аспекты истории периодической печати и литературы (М. Онал, Н. Озькан, И. Шахин, А. Аксу, Э. Ульген)¹; образования и социально-экономического положения тюрко-татарской диаспоры в Добрудже (Т. Кая, Дж. Карасу, С. Уйгур)². Например, И. Шахин, анализируя влияние западной литературы на турецких и крымскотатарских писателей, авторов «Крымского журнала», выходявшего в Турции в 1918–1919 гг., раскрывает основные тематические особенности их творчества. По словам учёного, произведении крымских авторов, стремящихся наряду с турецкими к романтическому описанию идиллических красот родного края, отличаются особой лирической проникновенностью, даже сентиментальностью. Трагические события и судьбы соотечественников на родине занимают важное место в художественных произведениях Ш. Бекторе, М. Ниязия, Н. Байборю, А. Одабаша, Дж. Керменчикли и многих других крымскотатарских поэтов³. А. Аксу, прослеживая историю национальной тюрко-татарской печати в Румынии после распада Османской империи, акцентирует внимание на журнале «*Mektep ve aile*» («Школа и семья»). Как говорилось выше, редактором и учредителем журнала был

¹ *Önal M.* Romanya türklerinin günümüz edebiyatı // Türk dünyası edebiyat dergisi. 1997. No. 4. S. 15–39; *Özkan N.* Kırım tatar türkçesinin yayılma alanları // Turkish studies. 2008. No. 3/7. S. 524–554; *Şahin İ.* Kırım mecmuasında neşredilen Kırım konulu şiirler üzerine bir inceleme // Türk dünyası incelemeleri dergisi. 1997. No. 2. S. 173–190; *Aksu A.* Osmanlının romanya'dan çekilişinden günümüze kadar Romanya türklerinde yayınlanan gazete-ve-dergiler ve Mektep ve aile mecmuası. URL: <http://docplayer.biz.tr/28810756-osmanlinin-romanya-dan-cekilisinden-gunumuze-kadar-romanya-turklerinince-yayinlanan-gazete-ve-dergiler-ve-mektep-ve-aile-mecmuasi.html>; Mektep ve aile mecmuası (1915–1916) / haz. E. Ülgen, A. Aksu. Constanta: Newline, 2003. 208 s.

² *Kaya T.* Kırım türklerinin 1944 sürgününün 70. Yılında kültür ve sanattaki ız düşümleri üzerine düşünceler // Atatürk üniversitesi türkiyat araştırmaları enstitüsü dergisi. 2014. No. 51. S. 357–378; *Karasu C.* Dobruca'daki Kırım tatar türklerinin önder şahsiyetlerinden Mehmet Niyazi bey (1878–1931) // Uluslararası Asiya ve Kuzey Afrika çalışmaları kongresi. Bildiriler. Iv cilt. Ankara: Kalkan matbaacılık san. Tic. Ltd. Şti., 2012. S. 1745–1761; *Uygur S.* Dobruca Tatar türklerinde abece ve yazım sorunu // Karadeniz araştırmaları. 2011. No. 30. S. 71–72.

³ *Şahin İ.* Kırım mecmuasında neşredilen Kırım konulu şiirler üzerine bir inceleme // Türk dünyası incelemeleri dergisi. 1997. No. 2. S. 173–190.

М. Ниязий. Журнал издавался два раза в месяц и просуществовал чуть более года, то есть с января 1915 г. по февраль 1916 г. Приоритетными для журнала являлись проблемы функционирования магометанских школ, культурное просвещение тюркоязычных этнических общностей, взаимодействие школы и семьи в процессе воспитания детей, медицинская грамотность населения¹. Продолжением этого исследования явилось репринтное издание, в котором были объединены номера журнала под общим названием «*Mektep ve Aile Mecmuası*» («Журнал для школы и семьи»). Здесь, мы находим цикл культурологических статей, а также патриотических стихов и коротких прозаических произведений М. Ниязия, посвященные детям и их родителям². Принимавший участие в подготовке к выпуску указанной книги-журнала Э. Ульген в 2012 г. переиздает ранний поэтический сборник поэта «*İthafat*» («Посвящения»). Сборник так же, как крымскотатарский «*Журнал для школы и семьи*» был транслирован с арабской графики на турецкую латиницу, дополнен вводной статьей исследователя и словарем трудных слов³. Это значительно облегчило изучение творческого наследия автора стихов.

Крымские исследователи в тандеме с зарубежными коллегами также достигли определённых успехов. Команда учёных во главе с проф. И. Керимовым, занимающаяся многолетним анализом, систематизированием материалов об эволюции крымскотатарского литературного процесса конца XIX и начала XX вв., подготовила учебные, справочные, репринтные и монографические издания. Среди них привлекают внимание такие

---

¹ Aksu A. Osmanlının romanya'dan çekilişinden günümüze kadar Romanya türklerinde yayınlanan gazete ve dergiler ve Mektep ve aile mecmuası. URL: <http://docplayer.biz.tr/28810756-osmanlinin-romanya-dan-cekilisinden-gunumuze-kadar-romanya-turklerince-yayinlanan-gazete-ve-dergiler-ve-mektep-ve-aile-mecmuasi.html>

² Mektep ve aile mecmuası (1915–1916) / haz. E. Ülgen, A. Aksu. Constanta: Newline, 2003. 208 s.

³ Mehmet Niyazi. İthafat / haz. E. Ülgen. İstanbul: Beşir kitabevi, 2012, 147 s.; Mehmet Niyazi. İthafat. İstanbul: Kader matbaası, 1912. 96 s.

книги, как: «*Qırımtatar hicret edebiyatı*» («Крымскотатарская эмиграционная литература»)¹; «*Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг.*»²; «*Çetel Qırım milliy edebiyatına bir nazar*» («Обзор национальной литературы крымского зарубежья»)³; «*Художественные искания в крымскотатарской литературе 1850–1917 гг.*»⁴. Они помогают читателю разглядеть в отечественной и зарубежной крымскотатарской литературе единые корни, традиции, ценности. Не менее важные исследования в области истории становления печати и журналистики крымскотатарской диаспоры представлены в научных работах Н. Яблоновской, Г. Юксель, Э. Кангиевой, О. Бекировой, М. Миреева и др.⁵. Авторы рассматривают М. Ниязия как крупную фигуру в периодической печати и литературе тюрко-татарской Румынии. Таким образом, результаты исследований, полученные предшественниками, могут использоваться нами для решения задач, обусловленных темой данной статьи.

Одним из ключевых мотивов в поэзии Ниязия можно назвать возвращение на родину. Свой долгий, трудный путь поэт связывает с судьбой и чаяниями народа, вынужденного поки-

¹ Алиев Ю. Четэль кырым миллий эдебиятына бир назар. Симферополь: Кырымдевокувпеднешир, 2007. 54 с.

² Керимов И. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.

³ Бекирова О. К вопросу изученности литературы крымскотатарской диаспоры румынии // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. № 5. С. 134–139.

⁴ Керимов И. Художественные искания в крымскотатарской литературе 1850–1917 гг. Монография. Белгород: Константа, 2018. 312 с.

⁵ Яблоновська Н. Кримська журналістика: етнічні аспекти. Симферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2008. 290 с. С. 131; Юксель Г. Журнал «Мектеп ве аиле» как тип издания // Культура народов причерноморья. 2014. № 273. С. 180–183; Кангиева Э. Крымведение на страницах тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры / под ред. А. Непомнящего. Киев; Симферополь: Симферопольская городская типография, 2007. 416 с.; Бекирова О. К вопросу изученности литературы крымскотатарской диаспоры Румынии // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. № 5. С. 134–139; Миреев М.В. О коллекции малоизвестных довоенных тюркоязычных периодических изданий в Румынии // Российская тюркология. 2012. № 2 (7). С. 72–82.

нуть родную землю. Воспевая красоты крымской природы, М. Ниязий обозначает культурные символы национальной идентичности. Широкое голубое небо у него ассоциируется с развёрнутым национальным флагом крымских татар. Высокие горы автору видятся свободной общественной трибуной, с которой проповедуются идеи возрождения нации. Крым – это зелёный райский остров, где осиротевшие, обездоленные обретают надежду на новую жизнь, постигают смысл любви к отчизне. Повторяющийся знаковый образ сиротства в творчестве лирика пронизан трагизмом лишения материнского тепла родины, беспомощности. Приведём отрывок из стихотворения «*Yeşil ada*» («Зелёный остров»):

*«Yüksek-yüksek minberlerday tavlarnıñ,
Üstlerinden kelgen sesni diñleyik.
Oh, bek tatlı, biz de şulay iñleyik,
Derdin ayta, ölülerge savların.
Hutbe oquy sanki Vatan perisi,
Bir cevherday sözünüñ her birisi.
Bu tatlı ses keçken künden bizlerge,
İbret bergen haqiqatlar añlata!
«Men»day zayıf qalplerge söz qata,
Dey ki, ğayret kerek endi sizlerge!
«Ğayret» qayday laqırdı?.. Añlamaymız...
Biz yarınını bugünden oylamaymız!..»¹.*

(«Возвышенные горы подобны минбарам,
Мы слышим призывы, снисходящие сверху.
Ох, как [они] блаженны, нам бы также,
Упомянуть усопшие души в громкой молитве.
И проповедь читает словно ангел [хранитель] отчизны,
И каждый слог его ценнее диаманта.

¹ Kök Kitap: Eserler toplamı. İstanbul: Tatar cemiyet-i hayriyesi neşri, 1920. 160 s. S. 101.

В назидательных словах о днях прошедших,
 Кроится истина всех наших бед:
 Сердцам, ослабленным подобно моему,
 Сил и храбрости пора набраться поскорее.
 Жаль, для нас ведь чуждо слово «Свобода»,
 Не в силах отличить сегодня от вчера!...»¹.

В этих строках видится яркий сакральный смысл, который заставляет реципиента задуматься о духовных ценностях, исторической памяти. В осмыслении поэта историческое сознание является формой репрезентации прошлого народа, движущей силой национальной самоидентификации. О том, как именно культурные традиции, фольклорные предания, ностальгические песни и воспоминания старшего поколения об «*оставленном рае*» во многом повлияли на формирование творческой личности писателя, свидетельствует также переход М. Ниязия от сложного османского языка к простонародному крымскому диалекту. Не случайно лирические сочинения в раннем сборнике «*İthafat*» («Посвящения», 1912) языковой, жанровой, стилиевой палитрой отличаются от стихов, опубликованных в последующие годы жизни автора. Некоторые из написанных народным языком стихотворений вошли в книгу «*Sağış*» («Ностальгия», 1931). Название и содержание книги отражают кризис татарского духа и мысли. В стихотворении «*Tatar barmı?*», *dep sorağanlarğa*» («Тем, кто спрашивает: «Есть ли татары?») Ниязий выступает в неоромантической ипостаси защитника, хранителя нации:

*«Sav bol, aruv millet, bugün yuqlasañ da,
 Köz yaşımman betiñ sıypap men yantarman.
 Talq bolsañ da, halq qatında şühretiñ bar,
 Kün körersiñ sen de halqday itibarman.
 Men körmesem savlığında bunday künler,*

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

*Mezarımda: «Tatar qayday? «, dep sorarman.
«Tatar qayday? «, dep sorarman mezarımdan.
Alalmasam yahşı cevap, ah, cılarman»¹.*

(«Славься, славная нация; ото сна тебя я,
Пробужу, лик твой окропив сокровенной слезою.
Разбитая [нация], но бывшее величие предков,
Придёт день, восстановлено будет тобою сполна.
Если [вдруг] не суждено мне увидеть тот день,
Из могилы тогда вопрошу: «Как же татарин?..».
«Как же татарин?» спрошу вновь у могилы,
И возрыдаю [от горя] не получив добрый ответ»).

Стихотворения М. Ниязия носят преимущественно публицистический характер. Автор акцентирует внимание на молодёжи, которой предстоит отстаивать демократические ценности народа. Он призывает её вооружиться знаниями, сорвать завесу невежества с лица татарства. Вместе с тем в произведениях М. Ниязия используются различные аллюзии, в том числе на знаменитые выступления председателя Крымского Мусисполкома (Мусульманского исполнительного комитета) Номана Челебиджихана перед народом в 1917 году. Например, в упомянутом стихотворении «*Yeşil ada*» («Зелёный остров») Крым сравнивается с букетом цветов.

Образ Крыма как букета цветов конкретизируется Н. Челебиджиханом так: «На земле крымской произрастает множество изящных, неповторимых цветов. Этими цветами являются татары, русские, армяне, евреи, урумы, немцы и многие другие народы полуострова. В главные задачи [ближайшего созыва] Курултая (Парламента) входит объединить эти народы в один прекрасный букет и образовать этнокультурное государство наподобие Швейцарии. Курултай печётся не только о

---

¹ Mehmet Niyazi. Sağış. Pazarçiq: Emel matbaası, 1931. 44 s. S. 34–35.

крымских татарах, но и обо всех народах, которые на протяжении веков по-братски живут вместе с ними; приглашает их плечом к плечу трудиться над общим делом. Крымские татары будут играть в этом деле не роль руководителя, но роль зачинателя, инициатора»¹. События, связанные с открытием I Курултая и провозглашением Крымской Народной Республики, воспринимаются поэтом как просветление судьбы народа-мученика:

*«Biz de Qırım balaları, halqımız!..
Bek az evvel ayrılğanımız Qırımdan.
Tozalmaymız, qaytacaqmız artıq biz,
Qurtarıñız, añlaşılısın bir Vatan –
Qardaşları bolğanımız kerçekten.
Birleşeyik, biz ölsek de ölmesin
«Tatar namı» eşitilsin yüksekten!
Saqın, bizni artıq düşman bölmesin!
Tatarlıqni yaşatacaq yaşlarğa
Dobrucadan biñ ihtiram ketirdim.
Curt qayğusın çekken qızlar, caşlarğa,
Aq yürekten taşqan selâm ketirdim...»².*

(«Мы также дети Крыма, крымская нация!..
Не так давно нас разлучили с Крымом,
Не распыляемся, [теперь] намерены вернуться,
Боритесь, пусть станет ясно наконец, что мы –
На самом деле братья с вами вместе.
Объединимся, [но] если погибнем, то пусть живет,
Гордо звучит имя [великое] наше – Крымский Татарин.
Остерегайтесь, чтобы враг не сломил наши ряды.

¹ Millet Cevherleri: N. Çelebicihan, C. Seydahmet, H. Ayvazov, H. Odabaş, O. Murasov, C. Kermeñçikli, A. Qadrizade: 1917–1920 ss. «Millet» gazetasında basılğan edebiy-publitsistik eserler / haz. T.N. Kirimov. Simferopol: QÇİ «Qırımdevoquvpedneşir» neşriyatı», 2012. 716 s. S. 78.

² Niyaziy M. Dobrucadan sizge selâm ketirdim. Şiir // Millet. 1918. No. 126. Oktabr 18.

Я привез из Добруджи благодарностей тысячу,
Для молодежи, решившей оживить татарство.
Я привез благословение от чистого сердца,
Для девушек и юношей, опекающих Родину...»).

Когда эйфория после приезда на родину прошла, М. Ниязий начал осознавать, что воспетый им в стихах райский остров на самом деле оказался серой, угнетающей реальностью. Внутренние распри крымскотатарской политической, культурной элиты и духовенства; индифферентность простого народа к идее национального суверенитета и культурного возрождения ввергают поэта в депрессию. Это тот типичный случай, из-за которого крымские писатели-современники М. Ниязия в лице Б. Чобанзаде, А. Лятифзаде, Дж. Керменчикли, Ш. Бекторе, Я. Шакир-Али, пытаясь укрыться от неопределенной повседневности, в своем творчестве отдавали предпочтение миру иллюзий и эскапизма. Ниязий, напротив, ищет общий язык с народом, но остается непонятым. Чувствуя себя одиноким, чужим на родной земле, поэт пишет следующие, отмеченные публицистическим пафосом строки из стихотворения «*Öz curtumda ğaripmen!*» («Чужой в родном краю!»):

*«...Men şay dedim, aylandım, qayttım ana-vatanğa,
Keldim, kördim: tavsigen halq, suvunğan özünden.
Hissetmey hiç bir kimse «Millet», «Vatan» sözünden,
Qalmağaydı, ya Rabbi, Curt kene de camanğa.
Her qalpte hüziün bar, her köz haqqa ters qaray,
Qart caşlıqqa erişken, caş qartlıqnı bek horlay.
Cat tuvulman men sağa, cat qalmadım bir zaman,
Tış yerlerde cürsem de sağuvıñman cıladım.
Köp tınittım hayalın, cırlarman qarşıladım,
Cıltrağan ümüdimen taptım tışta dost, tuvğan.
Öz curtumda ğaripmen, öz halqımda kimsesiz...»¹.*

¹ Niyaziy M. Öz Curtumda ğaripmen. Şiir // Haq ses. 1919. No. 27. Fevral 21.

(«Решил после скитаний вернуться на родину,
 [Но] увидел уставший, отчаявшийся в себе народ.
 Никто не ощущает [более] силы слов «Нация» и «Родина»,
 Как бы не случилось [чего-либо] худшего с вами.
 В каждом сердце затаилась обида и злость на судьбу,
 Поколения [бесконечно] делят ненависть друг к другу.
 Не чужой я вам, никогда не считал вас чужими,
 Хоть скитался по чужбине, тосковал тоскою вашей.
 Словами песен [народных] усыплял мысли [тревожные],
 Нашел в чужбине друзей и близких, озарённых надеждой.
 [Но] на родине родной – чужой я, среди земляков одинок ...»).

В лице автора этого стихотворения можно рассмотреть поэта-скитальца, не услышанного пророка в своём отечестве. Мы становимся свидетелями внутреннего конфликта поэта со своими былыми идеалами и надеждами. Разобщённость, отчуждённость социума, по разумению Мемета Ниязия, препятствует дальнейшему становлению сильной нации. Например, в следующем произведении «*Yeşil curtqa*» («Зелёному краю») призывами к общему сплочению и труду над преодолением духовного кризиса автор стремится освободить народ от комплекса сиротства и безысходности. Для получения необходимого результата М. Ниязий прибегает к технике персуазивного влияния на читателя. Он апеллирует к чувствам и разуму аудитории, убеждает ее в принятии правильных решений.

*«Bir çaş bala anasız, öksüz qalup tentise,
 Künsiz ösken çeçekday cansız bir insan bolur.
 Öksüzligi bilinmiy erkin tapsa, qaralsa,
 Tavni, taşni çañğıratqan güir sesli arslan bolur.
 Millet de bunday: öksüz, bir kimsesiz ezilse,
 Köp turmay cer yüzünde birikmiy talqan bolur.
 Ölet kirse, ot tüşse, tınçlıq bolup turğanda,
 Halq arası tabilmay, ortalıqta qan bolur.*

*Ya qoldaşıp alay halq biribirimen baylansa,
Üzülmegeñ, qorptağan qaviy bir arqan bolur.
Millet degeñ ocaqta qardaşlıqtır: İnsanniñ
Ayrıлмаğan uruvday her bir tuvğan bolur...»¹.*

(«Мужчина, с ранних лет познавший тяготы сиротства, Хрупкостью духа подобен цветку, проросшему во тьме. Будь он окружённый родительской заботой, свободы не боясь Подобно льву, бесстрашным рыком сотрясал бы небеса и горы. Народ же сиротливый, в одиночку слаб перед тираном, С лица земли исчезнуть обречён, рассеявшись по миру. Лишь недуг повальный и ужасное пламя придя ниоткуда, В силе скрепить разделённый народ общей смертью кровавой. [Но] если, сплотившись за руки возьмётся целый народ, То будет подобен аркану – неделимым и крепким. Дух [очаг] нации зиждется на близости и братстве, Ведь мы родные друг другу как крепкая семья...»).

Возникновению вышеупомянутого комплекса сиротства могли предшествовать исторические потрясения на фоне деспотического правления царской власти, последующих революций 1905–1917 гг., большевистского террора в Крыму. Об этом, в частности, упоминается в стихотворениях «*Eşitemen: tüşürilgen yıldızlarğa*» («Слышу: повергнутым светилам»), «*Oylav*» («Думы») и др. Таким образом, тема сиротства в творческом цикле М. Ниязия получает широкий смысловой оттенок. Примечательно, что интерес поэта к фольклору отражается в различных формах выражения им патриотических идей. Например, он:

– прибегает к пословицам, поговоркам, как в стихотворении «*Эшитемен: тюшюрильген йылдызларгъа*» («Слышу: повергнутым светилам»): «*Abaylap cur – avdarılğan car bolur, /*

¹ Kök kitap: Eserler toplamı. İstanbul: Tatar cemiyet-i hayriyesi neşri, 1920. 160 s. S. 102–103.

Közüñni aç – açiq közler bar bolur» («Будь начеку – исчезнет то, что проронишь / Раскрой глаза – остерегайся проходимцев»);
 «*Aldıñni kör – çoqur carqan qar bolur*; / «*Ötkür bolsañ – curtuñ sağa yar bolur*» («Смотри перед собой – под снегом не видать ловушки», / Будешь правдивым – заслужишь любовь народа);

– использует психологические параллелизмы, как в поэтическом произведении «*Yeşil curtqa*» («Зеленому краю»);

– осваивает фольклорно-поэтическую рифму *mane (ча-стушки)*: *aaba* – «*Oylav*» («Думы»);

– экспериментирует с элементами таких жанров как *qissa (басня)*: «*Qışñıñ selâmi*» («Приветствие зимы»), *destan (быль)*: «*Neçün süydüm?*» («Почему полюбил?»), *ilâhi*: «*Îlâhi*» («Религиозный гимн»);

– исследует и реализует коммуникативные возможности народного языка.

Апеллирование автора к фольклорным образцам объясняется его стремлением сохранить национальный колорит, передать публицистическую экспрессивность, образность мысли в поэтическом тексте. Но, прежде всего, в фольклоре поэт видит веками накопленный опыт народа, ощущает духовную связь с предками.

Творчество М. Ниязия является отражением крымскотатарского национально-демократического процесса. Будучи сыном эмигранта из Крыма, поэт вырос в атмосфере любви к Родине, родному языку, народной поэзии. Учёба в Турции, знакомство здесь с литературными трудами видных турецких мыслителей, встречи с крымскотатарскими молодыми политическими активистами оказали значительное влияние на формирование личности М. Ниязия. Идея возвращения на Родину в произведениях автора обретает сакральный характер. Живописуя красоту и силу крымских озер и водопадов, лесов и горных вершин, лазурного неба, символизирующего флаг крымских татар, Ниязий подчёркивает их священность, тесную связь с судьбой народа. Крым ассоциируется в произведениях автора

с потерянным и вновь возвращённым зелёным раем предков. В творческом контексте поэт отождествляет себя с образом национального спасителя, духовного светоча. Таким образом, своей главной миссией он считает консолидирование нации, освобождение народа от комплекса сиротства. Знаковый образ сиротства в творчестве лирика получает расширенное значение: лишенность родины, духовно-патриотический кризис этносоциума. Вследствие личных идеалистических взглядов поэт подвержен меланхолии. Эта черта психологического состояния отражается и в выборе им соответствующих мотивов стихотворений. Например, это уныние («Men qaydayman», /«Что со мной?»/), тревога («Telesuv» /«Тревожность»/), смерть («Tatar barmı?»), деп soraganlarğa» /«Тем, кто спрашивает: «Есть ли татары?»/), сиротство («Qışnıñ selâmi» /«Приветствие зимы»/), тяжелые раздумья («Oylav» /«Думы»/) и др.¹ Многогранность литературной личности Ниязия подкрепляются колоритностью его языка, образностью речи.

Заслуживают дальнейшего изучения газетные и журнальные статьи, малая проза писателя. Анализ старой крымскотатарской прессы зарубежья позволит объемно рассмотреть творческую индивидуальность М. Ниязия, систематизировать представления об эмиграционной литературе крымских татар.

---

¹ *Mehmet Niyazi. Sağış. Pazarçiq: Emel matbaası, 1931. 44 s.*

2.3. Мотивы смерти в лирико-публицистическом цикле Бекира Чобанзаде «Песнь свирели» и его место в контексте творческих исканий автора

Motives of Death in Bekir Chobanzadeh's Lyrical-Publicistic Cycle "The Song of the Reed-Pipe" and Its Place in the Context of the Author's Creative Quests

Summary: The peak of Bekir Chobanzadeh's literary creativity falls within the years 1916–1920, a period marked by his studies and research activities at the universities of Budapest and Lausanne. The works of this period significantly feature philosophical inquiries, reflections on the meaning of a burdensome, fateful existence, and the profound essence of heroic death. It can be said that Chobanzadeh's poetry reflects the influence of pessimistic romanticism. Of particular value is Chobanzadeh's artistic diary "Qaval sesleri" ("The Song of the Reed-Pipe"), the manuscript of which dates back to 1919–1920. It includes the writer's poetic and prose entries.

Philosophical reflections on death permeate all of Bekir Chobanzadeh's work. For him, courageous demise is a path to self-knowledge. Fearlessly gazing into the face of death, he challenges life and fate ("Qaytarma" / "Kaytarma"). The motifs of death and self-sacrifice are also continued in Bekir Chobanzadeh's prose legacy. In the stories "Nuray", "On dört çaşımda" ("When I was fourteen"), "Oğurlı collar" ("Happy journey"), "Harmanda bir şair" ("A poet in the threshing floor"), "Bir kaç suçum" ("My faults"), the writer develops his concept of death perception. He notes that Crimean Tatars, who were once accustomed to fighting for freedom on the battlefield and heroic death, now perish from hopeless poverty and mundane boredom.

Memories of his native home, childhood, and youth spent in the village formed the basis of the writer's lyrical-publicistic works. Chobanzadeh's literary pseudonym is translated from the Crimean Tatar language as "son of a shepherd. The melody of the shepherd's

Reed-Pipe resonates in the lines of his diary “The Song of the Reed-Pipe”. The poems included in the diary have a nostalgic character, as they were written by Bekir Chobanzade far from his homeland.

Modern literary scholars often refer to the thematic-plot classification of the poet’s poems proposed by the Turkish scholar A. Taymas. These are meditative poems in which, against the backdrop of the shepherd’s Reed-Pipe, images of the deserted Crimean steppes emerge, once the arena of great historical changes. Poems with the poet’s introspective reflections on the meaning of his own life and the mission of the Crimean Tatar people in the history of Crimea deserve attention. However, the poet’s primary tool in combating outdated and harmful customs of the Turkic-Muslim society is satire. In it, the author ridicules the ignorance of Tatar peasants, the hypocrisy of religious officials, the greed and corruption of the Murzas, which contradict the national ideals of the people.

The characters in Bekir Chobanzadeh’s works are comparable to the folk heroes of Tatar epic tales. For instance, in poems like “Çorabatır” (“Chorabatyr”) “Yaz aqşamı, uy aldında” (“Summer evenings at home”) and “Tandu” they are depicted as selfless fighters for the freedom of their compatriots. Selfless struggle and heroic death, in Bekir Chobanzadeh’s idealized view, become the meaning of a Tatar’s life. He prays to the Almighty for a “good” death (“Yahşı ölüm”) for himself and for a life full of suffering for the enemies of the Tatar people. The cult of death, according to the author, shapes a spiritually and morally strong, patriotic individual (“Student”). Thus, for the sake of the idea of Tatar identity, the lyrical hero is ready to sacrifice his life. Tatar identity, for him, is primarily associated with the national language, the keeper of the nation’s historical and cultural memory. Moreover, the desire to consolidate the Crimean Tatar people through a commonly understood language extends beyond the author’s poetry and carries a powerful civic potential, contributing to the cultural rapprochement of all Turkic Tatars. Therefore, B. Chobanzadeh promotes the idea of purism, that is, the pure Turkic language that

the Kipchak tribes have spoken since ancient times (“Tuvğan til” / “Native language”). The poet loves the native language of the Crimean steppes more than life and wishes for its widespread use in all spheres of life for the Crimean Tatar people.

Расцвет литературного творчества Бекира Чобанзаде приходится на 1916–1920 годы. Это время продолжения учёбы и научно-исследовательской деятельности писателя в университетах Будапешта и Лозанны. Существенное место в его произведениях тех лет занимают философские искания, рассуждения о смысле мучительного рокового бытия и сокровенности героической смерти. Трагичность судьбы Крыма и крымских татар побуждает художника слова переживать собственную беспомощность вдали от Родины. В поэтическом наследии Чобанзаде ощущается стиль пессимистического романтизма. Влечение к самопожертвованию или смерти наблюдается также в творчестве других крымских писателей – современников Б. Чобанзаде. Например, Номан Челебиджихан, Джемилъ Керменчикли, Мемет Нузет, Амди Гирайбай, Абдулла Ляtifзаде, Асан Чергеев относятся к феномену смерти как способу приближения к главной жизненно важной цели, продолжения извечного бытия или же возвращения к духовным национальным истокам.

Особую ценность представляет художественный дневник Бекира Чобанзаде под названием «*Qaval sesleri*» («Песнь свирели»). Авторская рукопись датируется 1919–1920 гг. В содержание дневника вошли поэтические и прозаические записи писателя. Некоторые из них опубликованы автором или его близкими соратниками в таких национальных сборниках, газетах и журналах разных лет издания, как «*Kök kitap*» («Голубая книга», 1920)¹, «*Boran*» («Буря», 1928)², «*Millet*» («Нация»,

¹ *Bekir Sıdqi*. Biñ doquz yuz yigirmi. Tuna nehri. Halim Aydamaq. Bir izin beriñiz! Bulutlar, Bulutlar!.. Ah, tabılsam. Doğdıñ bir evde. Hasret. Çorabatır / Kök Kitap: Eserler toplamı. İstanbul: Tatar cemiyet-i hayriyesi neşri, 1920. 160 s. S. 27–92.

² *Çobanzade B. Boran. Şiirler. Aqmescit: Qırım devlet neşriyatı, 1928. 56 s.*

1918)¹, «*Qırım mecmuası*» («Крымский журнал», 1918)², «*Yañı Çolpan*» («Новая Венера», 1924)³. Свои произведения Б. Чобанзаде подписывает псевдонимами: Чобаноглу Бавбек, Бекир Чавбек, Кырымлы Чобаноглу Бекир Сыдки, Чобанзаде Бекир.

В основе псевдонима «Чобанзаде» или «Чобаноглу» («Сын пастуха») лежит смысл жизни творческого деятеля, заключающийся в борьбе за интересы и права простого крестьянского народа. Его стихи подобны печальным мелодиям свирели, доносящимся с высот крымских лугов и пастбищ. В них оживают яркие картины пастушьего детства и отрочества Б. Чобанзаде; образы ветхих и покосившихся татарских домишек, полуразрушенных старейших культовых сооружений и кладбищ, опустевших крымских степей, где когда-то бушевали бури великих исторических перемен. По этому поводу в коротком вступлении к рукописи «*Qaval sesleri*» («Песнь свирели») автор пишет:

«*Menim yazılarım hiç bir şey köstermese, qurılğan, çaypalğan, belki bugün-yarın ölüp, coq bolup ketecek qırımtatarnı, onuñ minlerini, qusurlarını, kederlerini, duyğularını bek yahşı köstere. Bir kün kelip tarih Qırımman oğraşsa, qırımtatar qırımtatarnı qıdırsa, benim yazılarım ortağa çığar. Eger bulay bolmasa da zararı coq! Qırımtatarnıñ bu qadar bayrağı, şanı, toprağı gayıp boldu, barsın benim de birqaç yuqusuz gecem, dumanlı, kederli küñüm coytulsun. Mağa bu satırlarnı yazgandaki lezzet, oñanlık cetişir. Tatar tili, hiç kimse aytmasa, mağa kene büyük, kene temli, kene izgü. Çünkü onda benim cigit halqımnıñ biñlerce cılıq qayğuları, qayğulu cigit sesi bar*»⁴.

¹ *Çobanoğlu Bekir Bavbek*. Ah, tabılsam!.. // Millet. 1918. İyul 7; *Çobanoğlu Bekir*. Tuvğan til // Millet. 1918. Avgust 29; Oktâbr 31; *Çobanoğlu Bekir*. Ezan sesi // Millet. 1918. Sentâbr 3; *Ç.Z. Bekir Sıdqi*. Oy, suvuq şu ğurbet! Ulu Tañırım // Millet. 1918. Oktâbr 24; *Ç.Z. Bekir Sıdqi*. Çorabatır // Millet. 1918. Oktâbr 27; *Ç.Z. Bekir Sıdqi*. Bugün. Özen bolsam // Millet. 1918. Oktâbr 28; *Bekir Sıdqi*. Tuvdım bir uyde... // Millet. 1918. Oktâbr 29; *Ç.Z.B. Sıdqi*. Anam // Millet. 1918. Oktâbr 31; *B.S.Ç. Zade*. Peçel-Aziz // Millet. 1918. Noyabr 12.

² *Çobanoğlu Bekir Bavbek*. Qaval sesleri // Qırım mecmuası. 1918. No. 7. S. 128.

³ *Çobanzade*. Duman. // Yañı Çolpan. 1924. No. 8. S. 21.

⁴ *Otar İ. Kırmılı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdki Çobanzade*. İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları, 1999. 288 s. S. 233.

(«Мои записи могут показаться ничтожными, но в них хорошо отображаются пороки, заблуждения, скорбь, боль потрясённого и угнетённого крымскотатарского народа, пребывающего на грани гибели и исчезновения. Впереди тот день, когда истории будет небезразлична [судьба] Крыма и крымским татарам будет не хватать друг друга. Лишь тогда мои произведения обретут ценность. Беды не случится, если все обернётся не так. Крымские татары и без того пережили утрату государственности, владений, доблести. Пускай также бесследно забудутся мои бессонные ночи и безрассветные дни. Мне достаточно счастливых минут, которые я провёл за написанием этих строк. Ведь, невзирая на различные мнения, татарский язык всегда будет для меня величественным, красивым и желанным. Ведь в нем воплощаются вековые чаяния и дух славного народа»)¹.

Круг научных изысканий о жизни и творчестве Б. Чобанзаде обширен. Помимо писательской деятельности автор известен как учёный-тюрколог, крупнейший специалист в сфере изучения языков и литератур тюркских народов. Для разяснения степени изученности его творческой биографии, обратимся к основным работам современных исследователей.

Интересными являются публикации Адиля Бабаева «*Бекир Чобанзаде*» (1998), Кенана Аджара «*Kırımlı Bekir Sıdkı Çobanzade: dilciliği ve edebiyat araştırmaları*» («Крымец Б. Чобанзаде: лингвистические и литературные исследования», 2001), Дмитрия Урсу «*Бекир Чобанзаде: Жизнь. Судьба. Эпоха*» (2004), Марии Нюри «*Будапештские стихи Б. Чобанзаде*» (2007), Сафтера Нагаева «*Иште санъа, чобан огълу!*» («Вот тебе и сын чабана!..», 2007), Олега Рустемова «*Заре навстречу: идеи Курултая в творчестве Б. Чобанзаде*» (2012), Джеляла Касымова «*Bekir Çobanzade*» («Бекир Чобанзаде», 2018), Ильи Зайцева «*Газиз Губайдулин и Бекир Чобанзаде в научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов советского Востока*»

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

(2019), Махмуда Аллахманлы «*Bekir Çobanzade: hayatı, mühiti ve yaradıcılığı*» («Бекир Чобанзаде: жизнь, окружение и творчество», 2022). В них анализируются условия и этапы формирования творческой личности Б. Чобанзаде, выявляются его идеологические воззрения по поводу культурного сближения тюрко-татарских народов, оценивается вклад преподавательской и исследовательской деятельности ученого в развитие тюркологии в 1920–1930-х гг.

Знаменательными являются современные выпуски сборников поэтических произведений и рассказов Б. Чобанзаде «*Bir saray quracaqman*» («Я воздвигну дворец!...», 2001), «*Menim yazılarım*» («Мои записи», 2009). Тексты в данных сборниках основываются на материалах старых периодических и тиражных изданий, рукописных фондов крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского в Крыму. В этих изданиях составители и редакторы Нариман Сейтягьяев, Шакир Селим поместили развернутые вступительные статьи, сопроводительные глоссарии, обширные текстологические и сравнительные библиографические примечания. Несколькими годами ранее крымскотатарским общественным деятелем в эмиграции, собирателем национальных рукописных и печатных источников Исмаилом Отаром была выпущена книга «*Kırımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade*» («Крымский поэт и учёный Бекир Сыдки Чобанзаде», 1999). В основу книги вошли стихотворения, рассказы и другие записи из дневника Б. Чобанзаде «*Qaval sesleri*» «Песнь свирели»¹. Работа вышеупомянутых исследователей дополняется сборником избранных литературных произведений Б. Чобанзаде в переводе на азербайджанский язык «*Seçilmiş bedii eserleri*» (2012). Автором переводов и составителем собрания художественных сочинений писателя выступает Рамиз Аскер.

Выдающийся крымскотатарский писатель, учёный особо почитаем в Азербайджане. 1925–1937 гг. являются периодом активной научной и общественной жизни Б. Чобанзаде в Баку.

¹ *Otar İ. Kırımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları, 1999. 288 s.*

Работа в комитете Нового тюркского алфавита, преподавание в качестве профессора на кафедре азербайджанского языка и литературы, пребывание в должности декана восточного факультета Азербайджанского государственного университета, участие в организации I Всесоюзного тюркологического съезда (Баку, 1926 г.). Этот далеко не полный послужной список профессора сопровождается серией учебно-методических и монографических трудов. Например, это «*Türk-Tatar lisaniyatına medhal*» («Введение в тюрко-татарское языкознание», 1924), «*Qumuq dili ve edebiyatı tetqiqleri*» («Исследования по кумыкскому языку и литературе», 1926), «*Türk dili ve edebiyatınınin tedaris usulı*» («Методика преподавания турецкого языка и литературы» в 2-х частях, 1926, 1927), «*Türk-Tatar dialektolojisi*» («Тюрко-татарская диалектология», 1927), «*Qırım tatar edebiyatında qurultaycılıq ve milletçilik*» («Курултайство и национализм в крымскотатарской литературе», 1929), «*Azeri edebiyatınınin yeñi devri*» («Новый период в азербайджанской литературе», 1930), «*Türk (Azerbaycan) dilininin metodikası*» («Методика тюркского (азербайджанского) языка», 1932)¹.

С наиболее полным собранием трудов Б. Чобанзаде можно ознакомиться в 5-ти томном издании под общим названием «*Bekir Çobanzade. Seçilmiş eserleri*» («Бекир Чобанзаде. Избранные произведения»). Академический многотомник был составлен группой азербайджанских учёных в составе М. Адилова, А. Рамазанова, Т. Кулиева, С. Хадыевой и издан в 2007 году по президентской программе популяризации азербайджанской печатной продукции на латинской графике.

Альтернативный взгляд на биографию Бекира Чобанзаде предлагает проф. Исмаил Керимов. Анализируя доселе неизученные крымские периодические издания на арабской графике, исследователь обнаруживает ряд хронологических не-

---

¹ Керимов И. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с. С. 135–136.

точностей, которые были допущены его предшественниками. Но также обращает внимание на то, что в сохранившихся документах типа анкет, удостоверений личности писателя имеют место различные опечатки¹. Выводы учёного перекликаются с фактами по данной теме в работах Александра Булдеева, Федора Ашнина, Джафера Сейдамета, Асана Айвазова, Абибуллы Одабаша, Шевки Бекторе, Исмаила Отара, Дмитрия Урсу.

Принимая во внимание вышеизложенные тезисы, обозначим примечательные даты жизни и творчества Б. Чобанзаде. Поэт родился в 1893 году в деревне Аргын в окрестностях г. Карасубазара (ныне Белогорск). Начальное и среднее образование получил в местной и Карасубазарской школах. Об успешном выпускном экзамене в 1906 году Б. Чобанзаде в городской школе-рушдие свидетельствует газетная публикация его торжественной «Благодарственной речи»². В 1908 году при поддержке мусульманского благотворительного общества он продолжил обучение в султанской Галатасарайской школе (*Galatasaray Mekteb-i Sultani*). Присоединился к деятельности «Сообщества крымских студентов» («*Kırım Talebe Cemiyeti*»). У истоков этой молодёжной организации стояли Номан Челебиджихан, Джафер Сейдамет – в будущем влиятельные политические лидеры, члены председательствующего состава национальной Директории Крыма (1917–1918).

В 1912 году вышеупомянутое сообщество объединилось со студентами Поволжья в Турции и их молодёжной организацией

---

¹ Керимов И. Новые штрихи к творческой биографии Бекира Чобан-заде (1893–1937) // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник научных статей. Т. I. / сост. Т.Н. Киримов. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2011. 552 с. С. 212–216; Керимов И. Бекир Чобан-заденинъ биографиясында базы худжур ракъамлар // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 155–164.

² Керимов И. Новые штрихи к творческой биографии Бекира Чобан-заде (1893–1937) // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник научных статей. Т. I. / сост. Т.Н. Киримов. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2011. 552 с. С. 215–216.

мусульман России (*Rusya İslâm Talebe Cemiyeti*)¹. Одной из основных их идей была культурно-языковая консолидация прогрессивной татарской интеллигенции. Этот исторический период ознаменован выходом в свет «Произведений молодых татар» («*Yaş Tatar yazıları*», 1912). Среди авторов этого сборника значится имя Б. Чобанзаде. Здесь размещено его эпическое произведение в жанре дастан (поэма) «*Anaň qayda?*» («Где твоя мама?»), посвященное «татарским сиротам»². Название и содержание мастерски составленного дастана носит символическое значение. Автор развивает общий сюжет произведения вокруг материнской могилы, окутанной степными цветами и по форме напоминающую каменную колыбель. В его видении татары имеют единую родину-мать и являются друг другу братьями. Поэтому, преклоняясь перед могилой родной матери они укрепляют связь с предками и возрождают сакральный дух татарства. Не случайно выбранная им тема докторской диссертации, связана с древним письменным памятником куманского языка XIII века «*Codex Cumanicus*». Данная работа была защищена Б. Чобанзаде спустя 3 года после поступления в 1916 г. на историко-филологический факультет будапештского университета им. Петера Пазманя. Вернувшись на родину, в 1920–1925 гг. он преподаёт филологические дисциплины в Тотайкойском педтехникуме, Таврическом университете. Как было сказано выше, последующий этап жизни и научной деятельности Чобанзаде преимущественно проходит в Азербайджане. Но писатель не прерывает связей с Крымом и крымской читательской аудиторией. Таким образом, в 1928 году им выпущены в Симферополе сборники авторской лирики «*Boran*» («Буря») и литературно-критических очерков «*Soñ devir Qırımtatar edebiyatı*» («Крымскотатарская литература новейшего периода»). Время выхода настоящих изданий совпало с началом

¹ *Kırımlı H.* Kırım tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler (1905–1916). Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1996. 296 s. S. 187–190.

² *Yaş tatar yazıları / haz. Yaş tatar yazıçıları cıymı.* İstanbul: Bab-ı ali qarşusunda tavsi-i tabaat matbaası, 1912. 50 s. S. 3–16.

советских репрессий против крымскотатарской политической и творческой интеллигенции. Творчество Б. Чобанзаде в коммунистической прессе также не миновало провокационной критики и рассматривалось как орудие буржуазно-националистической пропаганды. Травля деятеля культуры закончилась его трагическим арестом и расстрелом в застенках НКВД в 1937 году. Место захоронения писателя по сей день остается неизвестным.

Поэзия Бекира Чобанзаде гармонизирует с языком, широтой мысли и мировоззренческим укладом простого крестьянина. Тематически стихи Б. Чобанзаде исследователи условно делят на несколько аспектов. Среди них можно встретить стихи, отсылающие к картинам деревенского отрочества поэта. Пастушество, созерцание и анализ смысла жизни раскрывают его утончённое поэтическое ощущение мира. Сатира же является излюбленным авторским методом выражения протеста против устаревших нравов и обычаев общества¹. Но философские размышления на вечную тему смерти пронизывают все творчество художника слова. Отважная гибель для Чобанзаде является способом самопознания. Бесстрашно заглядывая в глаза смерти, он бросает вызов жизни и судьбе. Творческий портрет автора совпадает с героико-романтическим обликом персонажей тюркских эпосов, таких, например, как Эдиге, Кёроглу, Чорабатыр. Их объединяет беззаветное сражение с темными силами, страдания и мучения на чужбине, возвращение на родину и служение ей до последнего вздоха. Фольклорно-мифологический персонаж Чорабатыр находит место и в стихотворениях Б. Чобанзаде. Это «*Çorabatur*» («Чорабатыр»), «*Yaz aqşamı, uy aldında*» («Летними вечерами у дома»), «*Tandu*» («Танду»). В изданиях 1918 года поэма «*Tandu*» именуется, как «*Чорабатыр*». По свидетельству автора, идея сюжета настоящего произведения была заимствована из балкарской сказки.

---

¹ *Bekir Çobanzade. Menim yazılarım. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 19.*

Чорабатыр для Б. Чобанзаде является объектом гордости и подражания. Так как он выступает спутником, наставником и защитником бедных¹. Непосредственно лирический герой Чобанзаде представляется читателю по-разному: в облике всадника на коне с плетью возмездия в руках; странствующего путника, спешащего увидеть отчий дом; бедного деревенского пастуха овец. В стихотворении «*Ah, tabilsam...*» («Оказаться бы рядом!...») внимание привлекают следующие строки:

*«Cigit ölüm tapqanda,
Üstün çiçek capqanda,
Ah, tabilsam, çîñnasam,
Soñ cırını tîñnasam...*

*Düşmanlarım külgende,
Baştaşımni silkkende,
Ah, tabilsam, atlanup,
Qamçım dörtke qatlanup...»²*

(«Когда джигит встречается со смертью,
[Могилу] посыпая венками [траурных] цветов,
Оказаться бы рядом, чтобы скорбь разделить,
Балладой прощальной развеять тени печали.

Когда враги веселье [с хмелем разбавляя],
Пытаются снести мой камень надгробный,
Оказаться бы рядом, чтобы на коне восседая
Плетью мести [чужие спины рассечь до костей]»).

Смерть не является поводом для сокрушения и прекращения борьбы с врагом; отстаивания исторической справедливости. Напротив, гибель раскрывает новые возможности лирического героя в идеализированном воображении поэта, тоскующего в

¹ Çobanzade B. Çorabatır // Millet. 1918. Oktâbr 27.

² Çobanzade B. Ah, tabilsam... // Millet. 1918. Dekabr 19.

разлуке с соотечественниками. Бекир Чобанзаде считает врагами народа мурз и мулл, не желающих видеть единоверцев развивающимися и свободными. Автор, героически павшего на поле боя воина, то есть борца за народное освобождение возводит в ранг святых. Преклоняясь перед прахом героев, он молится за исцеление сынов отчизны и светлое будущее нации.

В текстах стихотворений Б. Чобанзаде встречаются упоминания о похоронных церемониях древних тюрков. Например, «*Cigit aziz bolğanda, / Mezari nur tolğanda, / Ah, tabılsam, oylansam, Qabrin doquz aylansam!...*»¹. (Когда [останки] джигита святыми становятся, / Когда [яркий] свет озаряет могилу [его], / Оказаться бы рядом, вспомнить [былые победы], Совершив [на коне] вокруг могилы девять кругов») («Ah, tabılsam!...» / «Ах, оказаться бы рядом!...»).

«*Yigit bol, quşan, atlan!.. / Qabrimni doquz aylan!... / Alğışım alğandan soñ, / Ket qorqmay curtqa taban...*»². («Облачившись в [доспехи] джигита, [боевого] коня оседлай, / Вокруг могилы моей соверши девять почетных кругов, / Тогда получив моё благословение, / Отправляйся бесстрашно на родину [предков]») («Yaş bala, tülber bala» / «Юноша, славный юноша»).

Как отмечает турецкий ученый Бахаэддин Огель (Bahaeddin Ögel), у древних тюрков существовало поверье, что небо состоит из девяти царств. Поэтому девятикратный обход на коне вокруг могилы воина, означал обряд проводов души умершего³. Тяготение Б. Чобанзаде к тюркским истокам подтверждается не только в упоминаниях забытых традиций, но и в колоритном языке, силлабической системе «бармак», форме и размере стихосложения автора. По случаю приводим отрывок из произведения «*Bir esirniñ baş taşına*» («Могиле узника»):

¹ Çobanzade B. Ah, tabılsam... // Millet. 1918. Dekabr 19.

² Bekir Çobanzade. Menim yazıları. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 47.

³ Türklerde Ölüm Anlayışı ve Ölüm Törenleri / Bahaeddin Ögel. Dünden Bugüne Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Genişletilmiş Dördüncü Baskı. İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 788 s. S. 759.

*«Viran köyler, basıq üyler temelinden,
Şifa alıp «ölmez ümüt» sağ elinden,
Bizler endi curt sevdası başımızda,
Çevre qardaş, alçaq düşman qarşımızda...
Baht yañlışın tüzeltmege turğanımızdır.
Çürük cerge «Haq!» dep, ayaq urğanımızdır.
O vaqıtta mezarıñnı begenmeseñ,
«Degenimday olâlmadım, yazıq!», – deseñ,
Cür soğuşlar meydanını cayav, atlı,
Bir ölüm seç, öl bir daha, tatlı, tatlı...»¹*

(«Взгляни на руины, на покосившиеся крыши домов,
В их душах вновь теплится луч надежды правой.
Не страшно встретиться лицом к лицу с врагом отныне,
В кругу сынов отчизны с волненьем радостью делюсь.
На путь борьбы с несправедливостью судьбы мы встали,
Сегодня мы отвоевали правду, растоптали зло и страх.
Зачем же предавать проклятию надгробную плиту свою?
Зачем терпеть, коль смерти ты не той желал всю жизнь?
Вставай, спеши на поле боя, иди пешком, и на коне,
Встречай свою блаженную погибель и смерть вновь и вновь»).

Б. Чобанзаде уверен, что народному герою под силу влиять на личную судьбу, то есть жизнь и смерть. Поэт, обращаясь к могиле порабождённого, мысленно перемещается на родину предков. Из содержания первых строк стихотворения становится ясно, что покоящийся в могиле лирический герой, на самом деле является отображением душевного состояния самого поэта:

«Cuqla, dostum, qattı demiy, cat topraqta / Öz curtuñ coq bolsa da – şay bek uzaqta... / Cuqla, catniñ toy sesine baş qaldırmay, / Bahârine, bülbüline hiç aldırmay... / Bir kün kelip, bu dumanlar

¹ *Otar İ.* Kırmılı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları, 1999. 288 s. S. 64; Bekir Çobanzade. Menim yazılarıım. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 58.

köterilse... / Yücelerden barımızğa ses berilse... / Sen de uyan, «Allah, Allah!..» çñlağanda, / Ferişteler yaqınlardan tñnaganda...»¹. («Покойся друг мой, не сетуй на суровость земли чужбины / [Знаю], вдали [тяжело осознавать], что родины лишён... / Спи, пусть не тревожит тебя шум весельных песен недругов / [Пусть] не гневит тебя трель [их] соловьев в [свете] весенней [луны] / Придет день, когда рассеются [густые] туманы, / Снизойдёт благая весть для всего нашего [народа]» / Тогда и ты, пробудившись под призывы Азана, / Найдёшь себя в окружении чарующих ангелов-девиц...»).

Здесь, сон является олицетворением смерти или же бессильной воли автора на чужбине. Он болезненно воспринимает упадочное положение родной земли, но все же в нем живёт вера в то, что когда-нибудь рассеется густой туман, туман неясности, неведения. Вместе с тем снизойдёт озарение и общее исцеление. Тогда появится возможность исправить свою судьбу и наконец, умереть героической смертью за родину. С целью донесения до читателя главной идеи, автор тщательно подбирает уникальные образы, лексические модели стихотворения. Интерес представляет также слаженный внутренний ритм поэтического произведения, который делится на сложные экспрессивные и смысловые цезуры.

Воспеваемая поэтом героическая, яркая смерть может окрашиваться пессимистическими оттенками. Отчаяние и потеря веры в окружающих людей, ведущих бессмысленный, праздничный образ жизни заставляют Чобанзаде вновь и вновь братья за перо. Например, стихотворение «*Vesselâm*» («Довольно»), отображает эмоциональный бунт автора, обречённость его одинокого сопротивления обыденности. Лирический герой с горечью осознает, что в условиях торжества человеческой серости высокие патриотические подвиги утрачивают всякую ценность. Мысль сочинения дополняется эпиграфом-цитатой из рассказа

¹ *Otar İ. Kırmılı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları, 1999. 288 s. S. 64, Bekir Çobanzade. Menim yazılarım. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 58.*

М. Горького «Супруги Орловы»: «*Şehirlerden, köylerden, her çeşit insandan nefret idiyurum. Tü-ü-ü-ü! Ey, hayat, şeytaniy ve ilâhiy hikmet!*» («Противно все: города, деревни, люди, разных калибров... Тьфу! <...> Эх ты, жизнь, дьявольская ты премудрость!»)¹.

*«Köñlüm hasta, közüm tonuq...
Yaşav soğuş, ölüm soğuş...
Yazım, şi'rim, fikrim bozuq...
Hiç biriniñ keregi yoq, vesselâm...»*

*Bahar, diyler, bizge kele...
Bülbül cırlay, güller küle...
Hayvanlar, qul kişilerge,
İnanmayman hiç birine, vesselâm...»².*

(«Щемит сердце, тоска в глазах...
Мрачная жизнь, бесполезная смерть...
Все перемешалось: стихи и мысли...
Нет в них более нужны, довольно...»

Обещают приближение [ранней] весны...
Всюду щебет соловьев, цветов отрада...
Все, животные, народ невольный...
Нет им более доверия, довольно...»).

В сложные периоды жизни поэт обращается к всевышнему с мольбой о «хорошей» смерти:

«Kerçek tüğül ne kök, ne cer, / Ne bulardan tuvgan bizler... / Tañrım, yaşav – büyük horluq, / Bizge yahşı bir ölüm ber, vesselâm...»³ (Все

¹ Горький М. Супруги Орловы. М.: Книга по требованию, 2021. 42 с.

² Bekir Çobanzade. Menim yazılarım. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 36.

³ Bekir Çobanzade. Menim yazılarım. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 36.

ложно и небеса, и земля, / [Сомнительно и то, что] мы рождены из них... / Бог мой, ведь жизнь – это сплошные страдания, / Ниспошли нам хорошую смерть, довольно...»).

Смерть, как утверждается в стихотворении Б. Чобанзаде «*Студент*», воспитывает в человеке высоконравственную личность¹. Долгую земную жизнь, наполненную страданиями и лишениями, он желает лишь врагам. Наблюдая за тем как, поэт наслаждается трепетным ощущением присутствия духа собственной смерти, приходишь в глубокое изумление. Перечитывая строки поэтического сочинения под названием «*Qaytarma*» («Хайтарма»), обозначающее крымскотатарский народный танец, невольно ловишь себя на мысли, что становишься пленником страсти к этой образной смерти. Конечно же, за этим стоит авторское мастерство отображения глубоких чувств и размышлений. Смерть для художника слова становится его спутником жизни. Он безумно влюблён в её женственную красоту, неземную силу, воинственный характер. Завораживающий эпический танец «*Хайтарма*» в дуэте со смертью придаёт картине эпичность, трагическую величественность.

*«Altınday saçlarıñ betimni sıypay,
Közleriñ közüimde boranlar yasay...
Süyemen saçlarıñ, ölümge tarta,
Mezarğa yaqınmız, çal bir Qaytarma...»*

*Ciberme qolumni, hiç ayrılmayıq,
Yaşavniñ moynuna hiç sarılmayıq...
Sarılışıp tüşemiz muna mezarğa,
Üyrensin şu caşlar yahşı Qaytarma...»².*

(«Кос твоих водопад ласкает мне лик,
И рождает буран твоих глаз тайник.

¹ *Bekir Çobanzade*. Menim yazıları. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 45.

² *Там же*, 2009. 252 s. S. 81–82.

Косы тянут нас в смерть, где могилы тьма.
Веселее звучи, играй, Хайтарма...

Не бросай моих рук, разлуке не быть.
И цепляться за жизнь – её не любить.
Станем телом одним, спускаясь во тьму.
Молодым не забыть мою Хайтарму...»¹).

Поэт не отвергает связь с народом. Ведь, несмотря на то, что внешне он может казаться слабым, чёрствым, бездумным, но в его сердце теплится искреннее чувство татарства. Лирик готов обменять жизнь на холодный могильный гранит, на котором вместе с его именем будет увековечено слово «*Татарин*». Идея татарства для Б. Чобанзаде прежде всего ассоциируется с чистым, аутентичным языком, который хранит историческую и культурную память народа. В подтверждение наших слов приводим следующие строки из вышеупомянутого стихотворения:

«Tatarman, sap-sarı halqımnıñ beti, / Suv bolğan qanı, çürügen eti... / Bir cürek ölmıycek hiç bir zamanda, / Yaşavı bugün de bir güzel Qaytarma; / Süyemen punarlı, hasta közlerni, / Süyemen manasız, kerçek sözlerni. / Ölümge oşay, ölümni añdıra / Kıçkene qalibni dağıtqan Qaytarma; / Mahşerde siz meni hiç qaldırmañız! / Qatımda «sur»larnı hiç çaldırmañız! / Ölümni tabarman, azğana tursam da, / Mağa ölüm kerek, bir de qaytarma».

(«Мой народ с поникшим и жёлтым лицом, / Кровь его, как вода, а мясо с гнильцом. / Лишь бы сердце в груди стучало всегда, / Не умрёт никогда его Хайтарма; / Я люблю их глаза, люблю их туман. / Я люблю их слова – не мысль, не обман. / Ты, как смерть, что порой нас сводит с ума. / Душу – крошку свою несёшь, Хайтарма; / Не бросай меня в судный день и час, / Чтоб не слышать мне труб последний приказ. / Я привстану чуть-

³ Перевод С. Дружинина / Чобан-заде Б. Булутлар – Облака: стихи. Симферополь: Доля, 2003. 68 с.

чуть, мне смерть – не сума. / Мне нужна только смерть – моя Хайтарма...»¹.

Мечта консолидировать крымскотатарский народ при помощи общего языка, выходит за рамки поэзии автора и несет в себе мощный политический, гражданский потенциал. Этот наш древний, богатый язык, продолжает поэт, роднит и остальные тюркские народы, чьими великими сынами являются Навои и Тукай. Он категорически не приемлет османского влияния, и поэтому с критикой отзывается о состоянии Стамбульского языка, претендующего на статус наднационального².

Бекир Чобан-заде активно популяризирует идею чистого тюркского языка, на котором всегда говорили кыпчакские племена. Родной язык крымских степей поэт любит больше жизни и желает, чтобы он широко использовался во всех без исключения сферах жизни крымскотатарского народа. Приведём фрагмент из стихотворения «*Tuvğan til*» («Родной язык»):

*«Camige, mihrapqa, sarayğa kirseñ,
Deñizler, çöllerniñ çetine irseñ...
Seniñmen düşmanğa yarlıqlar yazsam,
Qaruvlı sözüñmen köñlüni qazsam...
Qabrimde melekler sorgu sorasa,
Azrail tilimni biñ kere torasa,
«Öz tuvğan tilimde ayt maga!», dermen,
Öz tuvğan tilimde cırlap ölermen...»³.*

(«Во храме, в михрабе, в дворцах воцарись,
Моря переполни, и в степь покатись,
Законом великим врага ограни,
Потерянным – к цели огни засвети,
Когда с погребеньем мне суд сотворят

¹ Перевод С. Дружинина / Чобан-заде Б. Булутлар – Облака: стихи. Симферополь: Доля, 2003. 68 с.

² *Bekir Çobanzade. Menim yazılarım. Şiirler ve hikayeler. Aqmescit: Tarpan yayın evi, 2009. 252 s. S. 77–78, 85–86.*

³ *Там же, 2009. 252 s. S. 64–65.*

И грешный язык мой стократ расчленят,
 Пусть мне на родном языке Азраил
 Зачтёт приговор – с ним умру, как и жил»¹).

Мотивы смерти, самодеструкции находят продолжение и в прозаическом наследии Бекира Чобанзаде. В его дневниковом сборнике произведений «*Qaval Sesleri*» («Песнь свирели»), встречаются такие рассказы как: «*Nuray*» («Нурай»), «*On dört çaşımda*» («Когда мне было четырнадцать лет»), «*Oğurlu collar*» («Счастливого пути»), «*Harmanda bir şair*» («Поэт на току»), «*Bir kaç suçum*» («Провинности мои»), «*İndemez Celil*» («Молчаливый Джелиль»). В них писатель расширяет свою концепцию восприятия смерти. Автор замечает, что в прошлом крымский татарин, привыкший умирать героической смертью, погибает от беспросветной нищеты и житейской скуки. Перебираясь в поисках лучшей жизни из деревни в город, он забывает о своих исторических корнях и славных предках. В то время, когда цивилизованный мир чтит руины древних памятников архитектуры и культуры, изучает их ценность, крымский татарин вынужден оставлять на разграбление и уничтожение чужакам храмы, кладбища, родники, деревни. Городская русскоязычная среда убивает в нем национальный дух, стирает черты многовековой культуры. В связи с этим возникающим конфликтам поколений отводится важное место в прозаическом творчестве писателя. В перспективе этот аспект художественного познания действительности Б. Чобанзаде было бы интересно рассмотреть в свете традиций литературной мысли периода Курултая и национально-демократического движения крымских татар в 1917–1920 гг.

Писательское творчество Бекира Чобанзаде ярко отражает жизнь простого народа. Воспоминания об отчем доме, детских и юношеских годах, прожитых в деревне, легли в основу лирико-публицистических произведений мастера слова. Сын чабана –

¹ Перевод Ю. Османова / Османов Ю. Крым – Родина моя. Симферополь: КРП «Издательство» «Крымучпедгиз», 2008. 220 с. С. 94.

так переводится на русский язык литературный псевдоним Чобанзаде. Мелодией пастушьей свирели пронизаны строки его дневника «*Qaval Sesleri*» («Песнь свирели»). Стихи, рассказы, вошедшие в содержание дневника, носят ностальгический характер, так как написаны Б. Чобанзаде вдали от родины. Рукописи автора сохранены и впервые изданы отдельной книгой в 1999 году И. Отаром. В последующем над дополнением и переизданием сборников произведений Бекира Чобанзаде работали Н. Сейтягъев, Р. Аскер. Вместе с тем, стихи поэта были переведены на языки разных народов. Например, на русский (А. Булдеев, Ю. Османов, С. Дружинин, О. Голубева, П. Макуха, Ш. Абдураманова), украинский (Л. Талалай, П. Коробчук, С. Литвин), турецкий (И. Отар), азербайджанский (Р. Аскер), французский (Дж. Сейдамет), венгерский (А. Беде, Э. Ковач). До наших дней сохранился не большой сборник поэтических сочинений «*Boran*» («Буря»), изданный Б. Чобанзаде в 1928 году¹.

Автор «*Песен свирели*» известен как авторитетный учёный-тюрколог, общественный деятель, но его личная жизнь и литературный путь остаются малоизученными. В кругу исследователей особенно актуальны дискуссии по поводу точных дат рождения и смерти Бекира Чобанзаде, его учебы в тех или иных учебных заведениях, присвоения учёному звания профессор. Среди биографов писателя можно назвать А. Булдеева, Дж. Сейдамета, А. Айвазова, А.

¹ Булдеев А. Татарский поэт Чобан-заде // Молва. 1943. Декабрь 10; Османов Ю. Крым – Родина моя. Симферополь: КРП «Издательство» «Крымучпедгиз», 2008. 220 с. С. 94; Чобан-заде Б. Булутлар – Облака / пер. С. Дружинина. Симферополь: Доля, 2003. 68 с.; Чобан-заде Б. Тынч татар чёлюнде: шиирлер, икяелер / терт. А. Эмиров. Симферополь: КъДжД ММ «И. Гаспринский адына медиамеркез», 2023. 160 с.; Кунештен бир парча. Къырымтатар шиирieti антологиясы: XIII–XX ас. / аз. М. Мирошниченко, Ю. Къандым. Киев: Этнос, 2003. 792 с. С. 275–316; *Otar İ. Kırmılı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade*. İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları, 1999. 288 s. S. 233; *Bekir Çobanzade*. Seçilmiş bedii eserleri / haz. R. Asker. Baku: BXQR neşriyatı, 2012. 240 s.; *Seidamet Dj*. La Crimee. Passe – Present Revendications des Tatars de Crimée. Lausanne: Imprimerie G. Vanev-Burnier, 1921. 118 p.; *Bede A. Fehér daru – a Krími Tatárok haldoklása* // *Barátság*, 1995. No. 7. Pp. 997–998; *Kovács E. Magyarországon talált Krími Tatár versek* // *Barátság*, 1995. No. 9. Pp. 1138–1140; *Çobanzade B. Boran*. Şiirler. Aqmescit: Qırım devlet neşriyatı, 1928. 56 s.

Одабаша, Ш. Бекторе, А. Таймаса, Ф. Ашнина, И. Отара, И. Керимова, Д. Урсу.

Современные литературоведы часто упоминают тематико-сюжетную классификацию стихотворений поэта, предложенную А. Таймасом. Это медитативные стихотворения, в которых на фоне звучания мелодии пастушеской свирели возникают пейзажи опустевших крымских степей, где когда-то бушевали бури великих исторических перемен. Примечательны стихотворения с интроспективными размышлениями поэта о смысле собственной жизни и миссии крымскотатарской нации в истории Крыма. Основным же орудием борьбы поэта с устаревшими и пагубными нравами тюрко-мусульманского общества является сатира. В ней автор высмеивает малограмотность простого крестьянина, ханжество служителей религии, алчность и подкупность мурзаков, идущих вразрез с национальными идеями народа. Философские поиски истины смерти пронизывают литературный дневник Б. Чобанзаде «*Qaval sesleri*» («Песнь свирели»).

Поступки персонажей произведений писателя приравниваются народным героям татарских эпических сказаний. Они выступают беззаветными борцами за свободу соотечественников. Отверженная борьба, героическая смерть в идеализированном понимании Б. Чобанзаде являются смыслом жизни татарина. Он молит всевышнего о «хорошей» смерти для себя и полной страданий жизни в брэнном мире для врагов татарства. Это в первую очередь мурзы и муллы, которые тормозят культурный, экономический прогресс единоверцев. Культ смерти, по мнению автора воспитывает в человеке духовно нравственную, патриотическую личность. Например, ради идеи татарства лирический герой готов пожертвовать личной жизнью. Татарство для него, прежде всего, ассоциируется с простонародным языком, который хранит историческую и культурную память нации. Более того, стремление консолидировать крымскотатарский народ при помощи общепонятного языка, выходит за рамки поэзии автора и несёт в себе мощный гражданский потенциал, заключающийся в культурном сближении всех тюрков-татар.

РАЗДЕЛ III

ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КРЫМСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. АЙВАЗОВА, А. ОДАБАША, А. КАДРИЗАДЕ)

**The Linguistic and Aesthetic Consciousness of the Crimean
Literary Elite in the First Half of the 20th Century
(Based on the Works of A. Aivazov, A. Odabash and A. Kadrizadeh)**

3.1. *К вопросу об истории и причинах дискуссий вокруг языка Асана Айвазова и его идеологических соратников*

On the History and Reasons for Discussions Surrounding the Language of Asan Aivazov and His Ideological Allies

Summary: *Today, issues of language and national self-consciousness, having passed through the prism of decades and acquired new cultural nuances, are increasingly manifesting themselves in various spheres of Crimean Tatar life. These issues, along with the deep-seated need of the people to confirm their belonging to their native land and the cultural heritage of their ancestors, require rethinking not only from the perspective of other nationalities but also within the Crimean Tatar community itself. Language, being an integral part of a people's identity, can, unfortunately, also become a cause of division among individual social groups within the nation. Therefore, proponents of the national idea realize that before defending the strength of ideological principles concerning the harmony or contradiction of concepts like ethnonym, endonym, and exonym, it is necessary to conduct a thorough study of the ideality of self-designation, to examine the cultural origins of the language, and the traditions of Crimean Tatar writing.*

It should be noted that with the emergence in 1883 in Crimea, at the initiative of I. Gasprinsky, of traditions of Crimean Tatar journalism, along with issues of the people's self-determination, their language and alphabet, the Turkic-Tatar Muslim press began to pay special attention to concepts such as culture, society, and nation. The complexity of the topic is also due to the insufficient study of the language and stylistics of the works of Crimean Tatar literary classics.

The language of A. Aivazov reflects the ideological positions of the Crimean Tatar intelligentsia of the late 19th and early 20th centuries. In his opinion, the literary language should meet the demands of a developing people and contribute to the cultural rapprochement of Turkic-speaking Muslims. The linguistic views of A. Aivazov were

undoubtedly shaped by the ideas of the cultural and educational Turkism of I. Gasprinsky. As a follower of the great educator, Aivazov sought to create a scientific literary language based on the unification of local dialects. However, unlike the Crimean purist ideologue A. Odabash, who focused on the colloquial language, Aivazov advocated for the preservation of Arabic and Persian borrowings, as well as the use of common European terminology. Initially, this led to disagreements and the division of writers into groups adhering to the ideas of Tatarism (Tatarlıq) and Turkism (Türkçülük).

When studying the history and causes of the discussions surrounding the language of A.S. Aivazov and his like-minded individuals, it is important to note that in the works of classics of domestic Oriental studies (F.E. Korsh, P.M. Melioransky, A.N. Samoilovich), the terms “Turkic” and “Turkic” were often used in the forms “Turkish” or “Ottoman-Turkish.” At the same time, A.N. Samoilovich emphasized the formal nature of the existence of the Ottoman language. As the Turkish historian I. Ortaylı clarifies, the Ottoman language, in essence, was a bureaucratic jargon of the court nobility of the Ottoman Empire. Some researchers are inclined to perceive elements of the Crimean South Coast dialect found in the lexicon of A.S. Aivazov, J. Seydametov, O. Akchokrakly, A. Ozenbashly, A. Ilmi, J. Kermenchikli, and other writers as components of the Turkish language. In the author’s opinion, such erroneous judgments are due, among other things, to the fact that the language of the classics is evaluated from the standpoint of the modern literary language. It is important to remember that today the Crimean Tatar language is experiencing a deep crisis caused by the assimilatory policy of the Soviet regime.

In the future, this topic can be expanded and considered from the point of view of the stylistics and semantics of the thinking of the classics of Crimean Tatar literature. In particular, the works of N. Chelebidzhikhan, A. Kadrizade, Ya. Shakir-Ali, Sh. Bektore, and other little-studied authors await research. This will allow for a more complete assessment of the conditions and traditions of the formation of the cultural thought of the Crimean Tatars.

Сегодня вопросы языка, национального самосознания пройдя сквозь призму десятилетий и облачившись в новые культурные оттенки все больше проявляют себя в разных сферах жизни крымских татар. Эти проблемы наряду с потребностью народа в подтверждении причастности к родной земле и культурному наследию предков требуют переосмысления не только со стороны других национальностей, но даже в собственной среде. Впрочем, язык как неделимое целое народа в тоже время может оказаться и причиной разделения отдельных социальных слоев внутри нации. Поэтому приверженцы национальной идеи понимают, что прежде, чем отстаивать прочность идейных принципов гармоничности или противоречивости таких понятий, как, например, *этноним*, *эндоэтноним*, *экзоэтноним*, необходимо рассмотрение идеальности самоназвания, изучение культурных истоков языка, традиционности крымскотатарской письменности.

Отметим, что с зарождением в 1883 году в Крыму по инициативе И. Гаспринского традиций крымскотатарской журналистики, вместе с вопросами самоопределения народа, его языка, алфавита отдельное внимание в мусульманской печати стало уделяться таким понятиям, как *культура*, *социум*, *нация*. Сложность темы заключается и в недостаточной степени изученности языка, стиля классиков крымскотатарской литературы. Например, В. Радлов, А. Самойлович, А. Крымский, П. Фалев, Б. Чобанзаде, А. Гирайбай уделяют внимание тенденциозности в национальной литературе идеологий пантюркизма. Они исследуют лексическую, грамматическую сторону официального письменного языка и подчёркивают его близость с османско-турецким¹. Поэтому среди современных иссле-

¹ Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен: наречия крымского полуострова. Ч. VII. Спб.: Императорская академия наук, 1896. 408 с. С. XIX–XV; Самойлович А. Избранные труды о Крыме / ред. Э. Эмирова. Симферополь: Доля, 2000. 296 с.; Фалев П. Из идеологии крымскотатарской интеллигенции // ИТУАК (Известия Таврической ученой архивной комиссии). 1918. № 54. С. 285–286; Çobanzade B. Kırimtatar edebiyatında kurultaycılık ve milletçilik.

дователей встречаются те, кто полагает, что язык произведений А.С. Айвазова и его идеологических соратников, например, Дж. Сейдамета, О. Акчокраклы, А. Озенбашлы, Дж. Керменчикли – турецкий¹. Подобные заблуждения возникают, по-видимому, из-за того, что в словах южного диалекта крымскотатарского языка, встречаются характерные начальные *b-*, *v-*, *g-*, *d-* или аффиксы: *-yor* (*-yur*, *-yır*), *-miş* (*-muş*), *-iz* (*-uz*), *-digim* (*-tigim*), *-diğim* (*-digim*). В этом можно убедиться, обратившись к народным песням южнобережных крымских татар. Например, «*Gideriz yalı-yalı*» («Прогуливаемся по берегу»), «*Sevdigim seyrane çıqmış*» («Любимая вышла на прогулку»), «*Adalar sihilinde bekleyurım*» («Ожидаю на берегу островов»), «*Vermem seni*» («Не отдам тебя»)². При этом в текстах классиков литературы мы оставляем без внимания вопросы орфографии, семантики, национального благозвучия, речевых оборотов, построения предложений, знаковости языка. Забываем, что иначе выступления перед народом на турецком о святости, благородстве крымскотатарского языка делегатов I демократического Курултая (Парламента) в 1917 году звучали бы нелепо. На современном этапе развития крымскотатарской науки эти противоречивые утверждения могут восприниматься как отказ от национального достояния, истории, письменных и устных литературных памятников, призванных укреплять самобытность, культуру нации. В особенности прискорбно читать несправедливые

Вакі: Azərbaycan ilmi tədqik institutu nəşriyati, 1929. 38 s.; *Кримський А.* Література кримських татар (питання про літературну мову). / Студії з Криму. I–IX: відбитки з «записок історично-філологічного відділу» / ред. А.Е. Кримський. Київ, 1930. 212 с. С. 174–177; Азиз шейтимиш Амди Гирайбайнинь "Қырым тарихи" диссертациясынынъ илявеси: кырым эдебиятына бир бакъыш // Йылдыз. 1995. № 3. С. 18–20.

¹ *Şafakçı İ.* Kırım tatar aydınlarından Hasan Sabri Ayyazov (1878–1938): hayatı, fikirleri ve eserleri. Yüksek lisans tezi. T.C. Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, Türk Tarihi Anabilim Dalı, Genel Türk Tarihi Bilim Dalı. İstanbul, 2015, 142 s. S. 103–110; *Жабко Ш.* Письменная культура крымских татар. Сохраненное наследие // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. Вып. 3. 2016. С. 174; *Quliyev V.* Füyuzatın iki yazarı. Bakı: Elm ve təhsil, 2017. 224 s. S. 19.

² Кырымтатар халкъ йырлары / терг. И. Бахшыш, Э. Налбандов. Акъмесджит: Таврия, 1996. 448 с. С. 65, 145, 148, 307.

замечания П.В. Фалева по поводу языка А.С. Айвазова в статье «Из идеологии крымскотатарской интеллигенции»:

«Первым средством единения мусульман должно служить признание одного из существующих и имеющих литературу наречий за общелитературный язык. В качестве такового, чаще всего, татарами выставляется литературный язык крымских татар, на котором написана и пьеса А.С. Айвазова («Как дошли мы до жизни такой?»). – Т.К.). Литературный язык крымских татар приближается к османскому языку, он значительно отличается, например, от литературного казанского. Требование принятия общего языка ведёт к сглаживанию диалектических особенностей отдельных наречий, за которыми, конечно, последует и разрушение этнической самостоятельности отдельных племён. Но такой антинациональный вывод, неизбежно вытекающий из положений автора, по-видимому, его не смущает. Здесь он решительно становится против национальности»¹.

А.С. Айвазов сталкивался с непониманием и среди соплеменников. Например, большой сторонник идеологии пуризма А. Одабаш резко осуждает сложный, вычурный, по его мнению, язык писателей-модернистов. Пытается убедить их в том, что язык национальной печати должен быть простым и доступным для крестьян. Упоминая книжку «Как дошли мы до жизни такой?» 1907 года выпуска, подчёркивает, что это по-настоящему первое серьёзное драматическое издание, которое появилось после революции на полках крымского читателя. Но, в то же время критически отзываясь о недостатках в пьесе, связанных с чрезмерностью монологов, статичностью персонажей и их речью, не имеющей ничего общего с народным крымскотатарским языком².

Видится уместным вкратце очертить судьбу и творчество Асана-Сабри Айвазова.

¹ Фалев П. Из идеологии крымскотатарской интеллигенции // ИТУАК (Известия Таврической ученой архивной комиссии). 1918. № 54. С. 285–286.

² Çatırtavlı. Dereköy münasebetile: qırımñ kitap yazıcıları // Millet. 1919. Fevral 20.

Писатель родился в 1878 году в Алушке. Первичное образование получил в местной школе. Совершенствовал знания в Стамбуле и Каире. Учительствовал в новометодных школах Крыма (1897–1904). Являлся лектором Лазаревского института восточных языков.

А.С. Айвазов известен как талантливый редактор национальных газет «*Vetan hadimi*» («На службе Отчизне») /1906–1908/, «*Terciman*» («Переводчик») /1914–1917/, «*Millet*» («Нация») /1917–1918/; журнала «*Közyaydın*» («Благая весть») /1927/. Творческая продуктивность писателя ярко выражается в публицистической, переводческой, литературно-критической и драматургической деятельности. Известны его переводы драмы М. Ленгеля «*Tayfun*» /1914/; рассказов, повестей и новелл А.П. Чехова «*Sevinç*» («Радость») /1914/; Г. Мопассана «*Madmuazel Perl*», «*Tel yengenîñ meyhanesi*» («Заведение Телье»), «*Gerdanlıq*» («Ожерелье»), «*Томбул къадын*» («Пампушка»), «*Милон эмдже*» («Дядюшка Милон») и др.; романов Э. Золя «*Kömür qazıcıları*» («Углекопы») /1929/, Ш. де Костера «*Ulenşpigel haqqında efsane*» («Легенда об Уленшпигеле») /1930/. Огромный пласт статей Айвазова встречается в довоенной периодике России, Азербайджана, Турции, Болгарии, Румынии. Тематика публикаций деятеля охватывает комплекс значимых вопросов мировой и краевой экономики, политики, культуры, языка и просвещения.

Перу А.С. Айвазова принадлежат высокохудожественные пьесы и рассказы со злободневными сюжетами из жизни простого народа: «*Neden bu hala qaldıq?*» («Как дошли мы до жизни такой?»), «*Halâskar bomba*» («Бомба спасения»), «*Bahâr türküleri*» («Весенние напевы»), «*Esaret qurbanları*» («Жертвы рабства»), «*Annecigim, nerdesiñ?! Kel!*» («Мамочка, где ты?! Приди!»). В них раскрываются идейные и политические взгляды автора. Айвазов, так же активно занимался общественно-политической деятельностью. Таким способом, некоторое время он являлся председателем I крымскотатарского Курултая.

Непосредственно Курултай, созданный и возглавляемый в 1917 году Н. Челебиджиханом (1885–1918), декларировал необходимость упразднения званий и сословных привилегий; обеспечения межэтнического равноправия; принятия демократической конституции и созыва парламента; провозглашения крымскотатарской национальной республики. Народным голосованием был избран председатель правительства и муфтий мусульман Крыма в лице Номана Челебиджихана. На пост министра по иностранным и военным делам выдвинута кандидатура Джафера Сейдамета (1889–1960). В 1918 году большевиками было свергнуто крымское национальное правительство, а его глава Н. Челебиджихан расстрелян.

В конце 1920-х гг. Айвазов работал в Крымском комитете нового тюркского алфавита. Попав в поле зрения органов НКВД в 1938 году был расстрелян по обвинению в национализме. Литературные псевдонимы писателя: *А. Сабри, Джахит Халиф, Аксачлы, Хазрет*¹.

Асан-Сабри Айвазов, рассматривая вопросы развития и сохранения крымскотатарского языка в газете *«Yeñi dünya»* («Новый мир») за 1926 год пишет:

«Benim iddia ettigim til: ne eski Osmanlı Saray şairleriniñ «tantanadar» tilleri, ne de «şair» Alkedayın: «Sirmalap işlengen başmaqlı kördim» kibi «davulniñ tez qaqılmasiday, zurnaniñ

¹ *Урсу Д.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941) / ред. А.Р. Эмиров. Симферополь, 1999. 144 с. С. 21–24; *Алядин Ш.* Сайлама эсерлер / сост. А. Сеногул. Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. 640 с. С. 82–86; *Кандымов Ю.* Куреш мейданыны от басмаз. Монография. Симферополь: Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. 256 с. С. 61–72; *Яблоновская Н.* Этническая пресса крымской АССР: национальное возрождение в условиях плана коренизации и формирующегося тоталитаризма // *Культура народов причерноморья.* 2007. № 116. С. 33–36; *Керимов И.* Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.; *Керимов И.* Дженктен эвельки кырымтатар эдебияты ве матбуатында расткельген тахаллюслер ве оларнынь ачыкъламалары // *Крымское историческое обозрение.* 2018. № 1. С. 80, 95, 97; *Сейдамет Дж.* Публицистика: малоизвестные статьи / сост. Куршутов Т.Н. Симферополь: КРП «Издательство Крымучпедгиз», 2012. 128 с. С. 3–21.

çiqıldamasıday...» hem qulaqlarımızı, hem ruhumızı tahriş eden çirkin ve qaba bir tildir. Benim iddia ettiğim açıq, sade, zarif, güzel edebiy ve ilmiy bir tildir. Bu til mevcuttur, yaşuyur, yaşayacaq, ilerileyecektir. Buniñ yoluna atılmaq istenilen «dikenler», atanların vücudına kirecektir. Bu güzel til, yoluna emel, zafer demetleri, teraqqi ve yeñilik çiçekleri serpmek durmadan yürüyecek, ilerileyecektir. Buña qarşı qoparılaçaq isyanlar, şübhesiz, aqim qalmaya mahküm olacaqtır. «Çatırtavlı»niñ tilile çıqmış «Yeşil ada» ile, bugün Odabaş tilile çıqqan «Oquv işleri» bu davamıza pek sağlam ve qaviy bir til teşkil eter»¹.

(«Язык, к которому я призываю, это совершенно не тот «помпезный» язык османской дворцовой поэзии и тем более не тот раздражающий слух и душу грубый, подобный «барабанной дроби и зычному звучанию зурны» алкедаевский стиль². Я оспариваю простой, изящный, красивый литературный, научный язык. Этот язык есть, он живёт и впредь будет жить. Пусть острые шипы вонзаются в тела тех, кто преграждает ими наш путь. Пусть дорога к нашему благородному языку украшается торжественными венками и цветами прогресса. Всякие протесты против языка, без сомнения, обречены на провал. Язык журналов Чатыртавли³ «Зеленый остров» и «Дела просвещения» является тем самым могучим, рациональным языком, который мы оспариваем»⁴).

Примечательно, что немногим ранее в 1918 году А. Одабаш (Чатыртавли) с негодованием отзывался об игнорировании редактором газеты «*Millet*» («Нация») А.С. Айвазовым его статей на просторечном татарском языке, так как считал основным языком печатного органа Курултая тюркским (турецким)⁵.

¹ *Avvazov H.* Bizde edebiy ve ilmiy dil lâzimmi, degilmi? // *Yeñi dünya.* 1926. No. 182 (1058). Avgust 11; No. 185 (1061). Avgust 14.

² *Цитата из рассказа у. Ипчи «Куреш» («Борьба») в журнале «Илери» («Вперед»). Алкедай – лит. псевд. Умера Ипчи (1897–1955).*

³ *Чатыртавли* – лит. псевд. Хабибуллы Одабаша (1881–1938).

⁴ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

⁵ *Çatırtavlı.* *Mevlüt bayramı* // *Millet.* 1918. No. 177. Dekabr 19.

Бывало, что конфликт на почве языка перерастал в открытую войну между другими писателями. Например, это публичные дебаты между А. Одабашем, Дж. Керменчикли, А. Кадризаде¹. Анализируя творчество А. Айвазова и А. Одабаша, можно заметить, как меняется их отношение к идеям, которые много лет ими проповедовались в народе. Их убеждения могут показаться неоднозначными, впрочем, как и социально-политическое положение Крыма того времени. Проследив историю рассуждений писателей о сложной взаимосвязи терминов «*татарский*» и «*тюрокский*», с одной стороны, и попытки их современников создать официальный язык, соответствующий требованиям национальной науки, с другой, мы видим их некую формальность. В связи с этим обратимся к историографической статье «*Edebiy tilimiz haqqında*» («О нашем литературном языке»), опубликованной в 1931 году в газете «*Yeñi dünya*» («Новый мир») за подписью «В.Д.». Основоположников развития крымскотатарского литературного языка автор делит по критериям. Например, это те, кто:

- поддерживал расширение влияния русского языка;
- посредством южнобережного диалекта поддерживал политику пантюркизма;
- определив своей целью татарство и превосходство степного диалекта, взял курс к пуризму².

Ещё ранее А. Гирайбай в работе «*Qırım tarihi*» («История Крыма») к первой группе отнёс У. Тохтаргазы, А. Чергеева, Г. Шерефеддина. Они, как отмечает историк литературы, осваивали формы русской классической литературы и культивировали местные наречия; ко второй – Дж. Сейдамета, А. Айвазова и Дж. Керменчикли. Это писатели-модернисты, получившие образование в Турции, и сформировались под влиянием турец-

¹ *Çatırtavlı. Bütün yazıcılarımızğa: qaysı til? // Millet. 1918. Avgust 23, 25; Qırımlı (C. Kermençikli). Ben bir türküm! // Millet. 1918. Avgust 19; Eski Qırımlı. Kermençikliye nazire // Millet. 1918. Oktâbr 21.*

² *Керимов И.* Меденій эснас. Къырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги (1920–1938). Акъмесджит: Таврия, 1997. 496 с. С. 228.

ких деятелей танзимата И. Шинаси и Н. Кемаля; к третьей – писателей во главе с Н. Челебиджиханом. Члены этой группы благосклонно относились и к западно-турецкому, и к местному, по большей части степному, наречиям¹.

Здесь нельзя не вспомнить отрывок из стихотворения поэта Б. Чобанзаде «*Tuvğan til*» («Родной язык»). Стихотворение было опубликовано в 1918 году и отражает языковую неопределённость, образовавшуюся тогда в кругу крымской писательской элиты.

*«Bilmiymen türükmi, tatarmı adıñ,
Bek yaman tatlısıñ, Tañrıdan tadiñ,
Türük de, tatar da seniñ sözleriñ,
İkisi – iki çift muñlu közleriñ...»².*

(«Не знаю чей – тюркский, татарский ли ты,
Но как сладкозвучен, целителен ты!
У тех и других твои россыпи слов,
Как любящих очи, как смех близнецов...»)³.

Б. Чобанзаде также известен, как крымскотатарский тюрколог-лингвист, литературовед. Его философия языка соотносима с философией Н. Челебиджихана. В их творчестве находят применение северный и южный диалекты крымских татар. Северный диалект в понимании писателей является языком художественной литературы, но языку науки и публицистики больше свойственен письменный язык с элементами южнобережного диалекта или как считают вышеназванные исследователи – османско-турецкий язык А.С. Айвазова.

Занимающийся изучением научно-издательской деятельности Бекира Чобанзаде турецкий исследователь Кенан Аджар

¹ Азиз шейтимиз Амди Гирайбайнынь «Къырым тарихи» диссертациясынынъ илявеси: Къырым эдебиятына бир бакъыш // Ыылдыз. 1995. № 3. С. 18–20.

² Çobanoğlu Bekir Baybek. Tuvğan til // Millet. 1918. Avgust 29; Oktâbr 31.

³ Перевод Ю. Османова / Османов Ю. Крым – Родина моя. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. 220 с. С. 94.

в 2001 году опубликовал объемный труд «*Kırımlı Bekir Sıdkı Çobanzade: Dilciliği ve Edebiyat Araştırmacılığı*» («Крымец Бекир Сыдки Чобанзаде: лингвистические и литературоведческие исследования»). Он подробно анализирует язык, терминологический аппарат, стиль, содержание учебно-методических, монографических публикаций Б. Чобанзаде. Эти книги датируются 1920–1930 годами выпуска и посвящены изучению языка, литературы крымскотатарского, азербайджанского, кумыкского и других тюркских народов. Интересно, что К. Аджар, рассматривая семантические, стилистические и синтаксические особенности научных текстов Б. Чобанзаде, находит в них явное несоответствие грамматическим нормам турецкого языка¹.

К размышлениям Чобанзаде о сущности национального языка присоединяется и близкий единомышленник А.С. Айвазова, рупор I крымскотатарского Курултая – Дж. Керменчикли. Желание встретиться с духовным предводителем народа И. Гаспринским, попросить у архангела Гавриила совета по поводу этногенеза крымских татар обращает поэта к реальным проблемам самоидентификации народа. В «Стихе, вместо поименного списка» («*Esami cedveli yerine şiir*») мы встречаем следующие медитативные строки:

*«...Uçsam, yükselsem ta arş-ı alâya,
Yaqınlaşsam Gasprinskiy babaya;
Dertleşsem oniñ ile baştan-ayaq,
Alsam tatar tarihine bir siyaq
«Biz tatarmıyız, türkmiyiz? « – bu aqta,
Cebrailden de alsam üç-beş sebaq...»².*

(«Взлететь, вознестись бы до самых эмпирей,
Повстречаться с отцом [народа] Гаспринским;

¹ *Acar K. Kırımlı Bekir Sıdkı Çobanzade: Dilciliği ve Edebiyat Araştırmacılığı*. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2001. 518 s. S. 234, 262.

² *Kermençikli C. Esami cedveli yerine şiir // Millet. 1917. Sentâbr 11.*

Чтобы излить всю горечь печали,
Перенять для татарской истории опыт,
Получить [несколько] советов от Гавриила,
По поводу кто мы: татары или тюрки?»).

В лирическом цикле Керменчикли есть и такие стихотворения, как «*Ben bir türküm!*» («Я тюрок!»), «*Tatarım!*» («Я татарин!»)¹. При поверхностном рассмотрении этих произведений, их автора можно уличить в идеологической непоследовательности. Ведь, его лирический герой, трибун, оказавшись в пучине политического хаоса, сегодня подражает стихотворению турецкого поэта М.Э. Юрдакула «*Cenge giderken*» («Шагая в бой») и идеализирует тюркизм (пантюркизм), но завтра готов воспевать идеи протатарства². В действительности, несмотря на конфликтные отношения, философия поэта совпадает с мировоззрением его идеологического оппонента А. Одабаша и сводится к укреплению единства народа. Говоря словами Керменчикли, татарин должен ощущать и свою самобытность, и своё единство с тюркским миром. В подтверждение приверженности к Родине, автор стихотворения «*Ben bir türküm!*» («Я тюрок!») подписывается псевдонимом «*Qırımlı*» («Крымец»). В данном случае практический интерес представляет книга Османа Хатифа «*Kök bayraq altında milliy faaliyet*» («Народное движение под голубым флагом») 1918 года издания. Автор, анализируя публицистику крымскотатарской политической элиты в газете «*Millet*» («Нация»), заменяет термины «*Tatar*» («Татарин»), «*Qırımtatar*» («Крымский татарин») на «*Qırımlı*» («Крымец»), «*Qırım müsülmanları*» («Крымские мусульмане»), «*Türk*» («Тюрок»)³.

¹ *Qırımlı (C. Kermençikli). Ben bir türküm! // Millet. 1918. Avgust 19; Kermençikli C. Soñ sözü // Qırım mecmuası. 1918. № 6. S. 105–106.*

² *Geçer İ. Cumhuriyet Döneminde Türk Şiiri. Ankara: Sevinç Matbaası, 1990. 480 s. S. 10–11.*

³ *Osman Kemal Hatif. Gökbayrak Altında Milli Faaliyet (1917 Kırım Tatar Milli İstiklâl Hareketin Hikâyesi) / haz. H. Kırımlı. Ankara: Şafak Matbaacılık san. Tic. Ltd. Şti, 1998. 128 s.*

Причина замены О. Хатифом этнонима «*Татар*», по-видимому, кроется в усилении этнического самосознания крымско-татарской интеллигенции и её стремлении избавиться от татаро-монгольских названий, навязанных народу в период царской империи¹. Впрочем, при знакомстве с литературным наследием писателей заявленного периода может сложиться ошибочное мнение, что утверждение историка-краеведа Р. Куртиева сомнительно и оспаривается, например, в публицистике А. Айвазова, Н. Челебиджихана, Дж. Сейдамета. Так как, по их словам, зарождение идеологии тюркизма берет начало ещё со времён Золотой Орды. В поэзии крымских поэтов-народников Чобанзаде, Гирайбая, Одабаша, Реджеба-Хайри героическое прошлое, единение тюркских народов также связывается с образами Чингиз-хана, Бату-хана, Тимура. По этому поводу правильно было бы считать, что идеализация мифического прошлого является литературной стратегией воздействия на общественное мнение в целях преодоления кризиса гражданско-патриотического сознания². При этом важно отметить несостоятельность традиции связывать возникновение и формирование идейного движения тюркизма с османской империей. Стремление к языковой, культурной консолидации в основном исходило со стороны тюрко-мусульманской России как защитная реакция на ассимиляционную и колонизаторскую политику царского самодержавия. Крымская газета «*Тегсимап*» («Переводчик») и лозунг И. Гаспринского «Единство в мыслях, языке, делах» являются

---

¹ *Куртиев Р.* Этноним “Татар” и этнос “Крымские татары” / Очерки истории и культуры крымских татар / ред. Э. Чубаров. Симферополь: Крымчупедгиз, 2005. 208 с. С. 18–21.

² *Seydamet C.* Qurultay // Millet. 1918. No. 169. Dekabr 8; *Qırım müftisiniñ nutqu* // Millet. 1917. No. 103. Sentâbr 13; *Ayvazov H.* Dostluqımı, düşmanlıqımı? (Büyük provokatsiya) // Millet. 1917. No. 11. İyül 12; *Recep-Hayri.* Asker qardaş! // Millet. 1917. Dekabr 21; *Odabaş H.* Ana // Millet. 1918. Noyabr 25; *Чобанзаде Б.* Согъушкъа, достларым, халкъ татар тиличюн! / Бекир Чобан-заде. Меним языларым / терг. Н. Сейтягъев. Симферополь: Тарпан, 2009. 252 с. С. 85–86; *Гирайбай А.* Алтайлыгъа / Амди Гирайбай. Ширилер / аз. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 144 с. С. 7–8.

официальным выразителем демократических позиций крымских татар и тюрок-мусульман¹.

Также вспомним историю незыблемости идей тюркизма в среде тюркских народов и участь раздавленных советским режимом ярких крымскотатарских деятелей культуры и литературы. А. Айвазов, О. Акчокраклы, Б. Чобанзаде, А. Одабаш, Ш. Бекторе, Я. Байбуртлы, А. Ляtifзаде, Дж. Керменчикли, А. Ильмий, У. Ипчи, Дж. Гафар, А. Гирайбай, А. Чергеев. Это далеко не полный список имён тех, кто в 1928–1938 гг. был обвинён в национализме и брошен в тюрьмы, сослан в трудовые лагеря, расстрелян. Как замечает Р. Хаяли, репрессии против интеллигенции открыли путь для перевода советской властью крымскотатарской латинской письменности на русскую кириллицу². По этому поводу примечательны тезисы М. Велиджанова, опубликованные в начале 1940-х в газете «*Azat Qırım*» («Освобождённый Крым»). В статье «*Yañı imlâmız hususında*» («По поводу нашей новой орфографии») он обращает внимание на сложности и противоречия, связанные с внедрением в советское время крымскотатарской грамматики в формат кириллицы:

«Rus elifbesi esasına tertip olunğan imlâmızda şekliy printsipte meydan daha ziyade berilgen edi ki, bu imlâ qaideleri mücibi, sozuq seslerdeki dudaqlıq yalıñız ikinci hecağa qadar saqlanıla ve qalğan hecalarda sozuqlar dudaqsız şekilde yazıla ediler. «Köylü, yüzüklü, sütsüz, ömürsiz, yolcu, oduncı, sütlük, büyüklik» sözlerinde olğanı kibi aynı affiks, bulunğan hecasına köre, hem dudaqlı, hem dudaqsız şekilde yazıla edi. Bundan başqa «töküp, sütnüñ, öldü» sözlerdeki kibi, pek çoq hallarda keçken zaman, hal, hal-fiil ve diger affikslerniñ açıq-aydın dudaqlı telâffuzlarına baqmadan, yazıda (töküp, sütnüñ, öldi olaraq) dudaqsız şekilde yazılmaları, oquyıcılar için yalıñız

¹ Червонная С.М., Гилязов И.А., Горошков Н.П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и в мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // Ас-Алан. 2003. № 1 (10). 592 с. С. 38, 83, 86.

² Хаяли Р. Крымские татары в репрессивно-карательной политике в крымской аССР // Культура народов причерноморья. 2007. № 116. С. 71–76.

doğru yazuvni öğrenüvde degil, hatta doğru oquyabiliüvde dahi büyük küçlükler doğurğanı her hocağa belli bir haldır»¹.

(«В нашей орфографии, основанной на базе русского алфавита, приоритет отдавался больше принципу формы. В соответствии с этими [новыми] правилами орфографии губные согласные звуки распространялись лишь до второго слога, а остальные согласные в словах писались в негубной форме. В словах «койлю, юзюкли, сютсюз, омюрсиз, ёлджу, одунджы, сютлюк, буюклик» один и тот же аффикс мог писаться по-разному: в губной, и в негубной форме. Аффиксы причастий, деепричастий в письме тоже противоречили своему губному произношению. Например, слова «тёкюп», «сютнюнь», «ольдю» несмотря на то, что по произношению губные – писались как: «тёкип», «сютнинь», «ольди». Каждому учителю [родного языка] знакомо, как из-за подобного рода несоответствий читатели испытывали трудности не только в письме, но и в процессе чтения...»).

Упомянутые грамматические несогласованности считаются малой частью урона крымскотатарскому языку, нанесённого ассимиляционной политикой советского тоталитарного режима. Если переход крымских татар и других тюрко-мусульманских народов на латиницу был научно-и идеологически обоснованным путём объединения и национальной самоидентификации, то советская кириллизация напротив, нарушила их культурно-исторический процесс национального становления. На современном этапе состояние языка крымскотатарского народа, пережившего почти полувековую ссылку также является кризисным. Так как нарушена языковая система на всех уровнях, но особенно в области лексики, фразеологии, синтаксиса². Разумеется, всякие дискуссии о языке национальных писателей периода культурного пробуждения исходя из принципа современного представления о литературном языке крымских татар советского

¹ Velicanov M. Yañı imlâmız hususında // Azat Qırım. 1942. No. 65. Sentâbr 4.

² Эмирова А. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/93751/15-emirova.pdf?sequence=1>

или постсоветского времени являются немислимым занятием. Споры вокруг языка возникают также из-за арабского алфавита. Исследователи при изучении старых изданий часто сталкиваются с проблемой орфографических различий. Подобные различия являются причиной размытости национальных особенностей арабографических текстов.

Интересную мысль по поводу языка тюрко-мусульманской периодической печати высказывает А.Н. Самойлович. Он утверждает, что «османский язык» является условным понятием в российских академических кругах. Под османским языком подразумеваются общетюркские наречия народов, проживающих в пределах границ османской империи, а также канцелярский язык чиновников и образованной части населения. Русские ориенталисты, продолжает он, во главе с Ф.Е. Коршем и Мелиоранским, условились употреблять укоренившиеся в русском языке термины «тюрк» и «турецкий» вместо «тюрк» и «тюркский» в общенациональном значении¹. Турецкий историк И. Ортайлы также утверждает, что османского языка как такового не было, но существовал бюрократический жаргон придворной знати мало понятной простому народу².

А.С. Айвазов, в свою очередь, продолжая дискурс о сущности официального языка обращает внимание на проблему неразработанности понятийного аппарата, связанного с развивающимися сферами активной деятельности крымских татар. Предостерегает интеллигенцию от чрезмерного и пагубного использования в печати русизмов вместо традиционных для мусульманского общества арабских, персидских заимствований. Призывает обращаться к истокам народного языка, искать в архаическом периоде сознания нации новые формы выражения мысли. Но также рекомендует идти по пути научных разработок в области языкознания более развитых национальных регионов

---

¹ Самойлович А. Мусульманская периодическая печать // Мир ислама. Т. I. № 1. 1912. С. 258.

² Ortaylı İlber. Osmanlıca Bir Dil Midir? Harf Devrimi Niçin Yapıldı? URL: <https://m.youtube.com/watch?v=zwl1d8kbogzc>

на примере Турции, Азербайджана, Туркестана. По сути это основная тема, которую Айвазов поднимает в своей публицистической пьесе «*Как дошли мы до жизни такой?*». Автор, задаваясь вопросом, как дошли мы до жизни такой, анализирует причины культурно-экономического упадка в Крыму. Его тревожит угасание исторической памяти, но вместе с ней национальных традиций, культуры, духовности и языка народа. Основным выходом из этой ситуации писатель видит в общедоступном национальном образовании¹.

Для того, чтобы лучше понять философию языка А.С. Айвазова можно ознакомиться с важными фрагментами из стенограммы его выступления на Первом тюркологическом конгрессе в Баку в 1926 году. С целью упорядочения литературного языка Айвазов предлагает несколько планомерных этапов:

1. Язык книг для чтения в младших классах начальной школы должен быть простым и в определённой степени приближен к местным диалектам. Например, «Книга для чтения» и хрестоматия «Тюрко-татарский язык» подготовленные Одабашем и Хаджы-Асаном во многом совпадают с нашими целями <...>. В старших классах язык преподавания и учебников должен постепенно приближаться к литературному.

2. Научно-дисциплинарные термины базовых понятий необходимо подробно объяснять ученикам школ.

3. Язык дисциплин и преподавания в школах второй степени должен быть научным. Поэтому подготовкой дисциплинарных учебников волей-неволей займутся товарищи редакторы [национальных газет и журналов]. При отсутствии соответствующих научных терминов и слов на тюрко-татарском языке придётся заимствовать их из турецких книг.

4. В начальной или средней школе язык преподавания всех научных дисциплин без исключения должен быть тюрко-татарским.

¹ *Ayvazov H. Neden bu hala qaldıq? Tiyatro. Baku: “Füyüzat” ve “Kaspiy” matbaasında tab olunmuşdur. 1907. 78 s.; Ayvazov H. Dilimizin başlıca ihtiyaçlarından // İleri. 1928. № 1 (21). S. 8–14; Ayvazov H. Tatarca ecnebiy sözlerin imlası meselesi // İleri. 1928. No. 1 (21). S. 16–22.*

5. Начиная с сегодняшнего дня, язык наших газет и журналов должен быть, насколько это возможно, научным. Так как одной из важных задач периодической печати – привить читателю литературный, научный язык.

6. Драматические книги (пьесы), напротив, должны писаться на простом и в то же время изысканно художественном языке, колоритном местном наречии. Так как театры является литературной школой настоящей жизни, театральные пьесы также по праву считаются частью искусства¹.

Упомянутое издание А. Одабаша и У. Аджы-Асана «Тюркотатарский язык» состоит из нескольких частей, предназначенных для обучения чтению в младших и средних классах сельских школ первой ступени. Сегодня их оригиналы за 1923–1928 гг. хранятся фондах Российской национальной библиотеки и Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. Из содержания хрестоматии видится попытка её составителей путем объединения местных южнобережного (огузская ветвь) и северного (кыпчакская ветвь) диалектов выработать единый литературный язык. С целью расширения языкового кругозора, в книге вниманию учащихся-читателей помимо произведений крымскотатарских писателей предлагаются образцы турецкой, азербайджанской и татарской литератур. В последующих изданиях для формирования понятийно-терминологического аппарата школьников, планировалось использование материалов из «Уроков естествознания» М. Абдуллаева, «Уроков географии» Э. Февзи и учебника по математике Н. Мухиддинова². Весьма примечательно, что Одабаш на протя-

¹ *Avvazov H.* Bizde edebiy ve ilmiy dil lâzımmı, degilmi? // *Yeñi dünya.* 1926. No. 182 (1058). Avgust 11; No. 185 (1061). Avgust 14.

² *Odabaş H., Hacı-Hasan U.* Türk-tatar tili: birinci basamaq mekteplerin dörtünci ve beşinci sınıfları için qraet kitabı. Aqmescit: Birinci hükümet neşri, 1923. 98 s.; Türk-tatar tili: elifbeden soñ oquv kitabı. Kitap I. Aqmescit: Qırım hükümeti neşri, 1925. 240 s.; Türk-tatar tili: birinci basamaq tatar mekteplerin üçüncü gruppalarında oquv kitabı. Kitap II. Aqmescit: Qırım maarif halq komissarlığı neşri, 1926. 261 s.; Türk-tatar tili: birinci basamaq tatar mekteplerinde elifbeden soñ oquv kitabı. kitap I. Aqmescit: Qırım hükümeti neşri 1927. 103 s.

жении многих лет литературно-публицистической деятельности разработал богатый лексический арсенал терминов, основывающихся на живом народном языке. Занятый исследованием путей расширения функциональности национального литературного языка Б. Чобанзаде также настаивает на использовании терминов из родного языка, но при необходимости прибегать к заимствованиям из арабско-персидского происхождения, адаптированных к грамматике крымскотатарского языка. Общеизвестные термины, использующиеся в европейских языках учёный, советует использовать как есть без перевода¹.

Можно сказать, что в 1920-х годах в Крыму вокруг таких газет и журналов, как «*Yeñi dünya*» («Новый мир»), «*Közüydin*» («Благая весть»), «*Bilgi*» («Знание»), «*Yeşil ada*» («Зеленый остров»), «*Oquv işleri*» («Дела просвещения») образовался союз старой крымскотатарской интеллигенции. Это ученые литературоведы, лингвисты, педагоги-методисты, которые занимались разработкой и популяризацией литературного языка в национальной печати. В последующие годы они были подвержены травле и дискриминации со стороны молодых крымскотатарских писателей, попавших под влияние советской пропаганды. Например, ярко выражает позиции «красных» писателей Ыргат Кадыр. Выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году И. Гаспринского и его газету «Переводчик», он объявляет главным оружием давления на классовое сознание татарской бедноты. Чобанзаде, Айвазова, Одабаша, Лятифзаде и др. участников I Бакинского тюркологического съезда обвиняет в контрреволюционной националистической деятельности². Разумеется, в дальнейшем прежние лингвистические разработки, учебные пособия, художественные произведения как их авторы были запрещены и преданы забвению.

¹ Чобан-заде Б. О системе научной терминологии / Первый всесоюзный тюркологический съезд (26 февраля – 5 марта 1926 г.). Стенографический отчет. Баку: «Бакинский рабочий», 1926. 432 с. С. 249–262.

² Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Москва: Государственное изд-во художественной литературы, 1934. 718 с. С. 621–622.

В заключение отметим, что язык А.С. Айвазова является отражением идеологических позиций крымскотатарской интеллигенции конца 19 и первой трети 20 века. В его осмыслении литературный язык должен отвечать запросам развивающегося народа, выполнять функцию культурного сближения тюрков-мусульман. Несомненно, лингвистические взгляды А.С. Айвазова сформировались под влиянием идей культурно-просветительского тюркизма И. Гаспринского. Будучи продолжателем дела великого просветителя, Айвазов на основе объединения местных диалектов стремится построить научный литературный язык. Но в отличие от крымского идеолога пуризма А. Одабаша, делающего установку на просторечный язык, он выступает за сохранение арабских и персидских заимствований, использование общеевропейских терминологических понятий. В первое время на этой почве возникали разногласия и разделения писателей на группы, поддерживающих идеи татарства (*tatarlıq*) и тюркизма (*türkçülik*). Изучая историю и причины дискуссий, возникающих вокруг языка А.С. Айвазова и его соратников, следует обратить внимание на то, что в трудах классиков отечественного востоковедения (Ф.Е. Корш, П.М. Мелиоранский, А.Н. Самойлович) термины «тюрк», «тюркский» часто употребляются в форме «турок», «турецкий» или «османско-турецкий». В тоже время А.Н. Самойловичем подтверждается формальность существования османского языка. Как уточняет турецкий историк И. Ортайлы, османский язык на самом деле – это бюрократический жаргон придворной знати оттоманской империи. Зачастую элементы крымского южнобережного диалекта, встречающиеся в лексиконе А.С. Айвазова, Дж. Сейдамета, О. Акчокраклы, А. Озенбашлы, А. Ильмия, Дж. Керменчикли и других писателей воспринимаются исследователями как составляющие турецкого языка. По мнению автора статьи, подобные ошибочные суждения также возникают из-за того, что язык классиков оценивается с точки зрения современного литературного языка. Как упоминалось ранее, сегодня крымскотатарский язык пережива-

ет глубокий кризис – как следствие ассимиляторской политики советского режима. В перспективе настоящая тема может быть расширена и рассматриваться с точки зрения стилистики, семантики мышления классиков крымскотатарской литературы. Так ожидают своего рассмотрения произведения Н. Челебиджихана, А. Кадризаде, Я. Шакир-Али, Ш. Бекторе и других малоизученных авторов. Это поможет лучше оценить условия и традиции формирования культурной мысли крымских татар.

3.2. *Концепция индивидуально-авторской лексики
в произведениях Абибуллы Одабаша
(по материалам газеты «Millet» (1917–1920))*

***The Concept of Individual Author's Vocabulary
in the Works of Abibulla Odabash
(Based on Materials from the Newspaper "Millet" (1917–1920))***

Summary: Abibulla Odabash's personality was characterized by the multifaceted and extensive nature of his creative activity. National education, publishing, philology, folklore, and local history – all these areas fell within the sphere of this cultural figure's interests. This work represents a continuation of the research into the causes of the discussions surrounding the language of the classic of Crimean Tatar literature, A. Ayvazov, and his contemporaries. It is known that the period of collaboration between A. Ayvazov and A. Odabash in the printed organ of the 1st Crimean Tatar Kurultai (parliament) – the newspaper "Millet" ("Nation") – became crucial in shaping their linguistic viewpoints.

The complex process of establishing an official literary language was accompanied by the cultural awakening of the Crimean Tatar people and their realization of the right to self-determination. In this regard, Ayvazov insisted that the literary language should develop in accordance with the needs of the dynamically developing

spheres of the people's activities, be scientific, and understandable to all Turkic-speaking Muslims. At the same time, A. Odabash's position was based on the ideas of linguistic purism. He opposed the excessive use of foreign borrowings in the Crimean Tatar press and popularized the vibrant, rich, and expressive language of the Crimean Tatar dialects.

A. Odabash sought to remind the editors and writers of the "Nation" newspaper that the main goal of the publication was to unite the people, whose core consisted of farmers. The writer proclaimed the simple peasant and his language as the foundation, the core of the nation. He was convinced that the urban intelligentsia, workers, merchants, religious figures, and government officials – all without exception – depended on agricultural products and extracted natural resources. Therefore, the official language of printed publications should be built on the basis of the unification of the dialects of the Crimean Tatar language.

While studying the richness of the national language, the writer discovered that forgotten or lost lexical samples could be found among the Crimean Karaites. A. Odabash saw in the colloquial dialect of the Crimean Karaites valuable linguistic material that had not been significantly influenced by Arabic and Persian.

Thus, A. Odabash advocated for preserving the connection of language with the authentic culture, history, and traditions of the people, but at the same time warned against excessive politicization of the language issue. Politics, as is well known, is often unstable and subject to change. The writer had in mind a part of the Crimean Tatar intelligentsia influenced by Turkey. He emphasized that the main governmental printed organ – the "Nation" newspaper – remained a privilege of the educated strata of society, while the main mission of the newspaper was to unite the entire nation. The concept of the writer's activity was a striving to bring the written language closer to spoken language. His motto could be considered the following statement: "A nation without a language cannot be called a nation. A people whose representatives do not understand

each other cannot find a common language with other fraternal peoples.” This statement reveals a polemic with I. Gasprinsky. The educator of global significance was perceived by A. Odabash as an idealist, as all his efforts were directed, rather, towards the formation of a common Turkic language, rather than specifically Crimean Tatar. On the path to overcoming the language crisis, A. Odabash, in the same printing house of the “Millet” newspaper, prepared for publication educational and fiction books for preschool and school-age children. He delivered public lectures in the villages of Crimea, explaining the ideological and practical significance of the simple folk language.

Неординарность личности Абибуллы Одабаша определяется многогранностью и объёмом его творческой деятельности. Национальное образование, издательское дело, филология, фольклор, краеведение составляют круг интересов подвижника культуры. Богатое творческое наследие Одабаша является предметом исследования ряда современных специалистов, занимающихся изучением вопросов становления в Крыму начала XX века крымскотатарской журналистики и литературы (И. Керимов, В. Гуменюк, Н. Яблоновская)¹, формирования литературного языка и истории письменности (О. Рустемов, Р. Берберова, Л. Короглу)², условий и традиций мусульманского

¹ Керимов И. Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени. Монография. Симферополь: ИТ “Ариал”, 2020, 268 с. С. 49–74; Гуменюк В. Художественный мир поэмы Абибуллы Одабаша «Золотое сияние» // Филологический аспект. 2017. №3 (23). С. 12–19; Яблоновская Н. Возникновение и развитие крымскотатарских СМИ для детей // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 26 (65). № 3. С.135–142.

² Рустемов О. Актуальные вопросы исторической стилистики крымскотатарского языка // Сходознаство. 2014. № 65–66. С. 102–119; Берберова Р. Къырымтатар тилининъ элифбеси ве имлясыны латин графикасына кечирюв курешинде атылгъан адымлар // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 23 (62). № 3. 2010. С. 59–63; Короглу Л. Абибулла Одабашнынъ иджадында къырымтатар тили меселелери // Крымскотатарская филология: проблемы изучения и преподавания. 2019. № 1 (3). С. 55–61.

просвещения (А. Непомнящий, Л. Меметова, Д. Сулейманова)¹. Настоящая работа представляет собой продолжение изысканий о причинах дискуссий вокруг языка классика крымскотатарской литературы Асана Айвазова и его идеологических соратников упомянутого времени. Известно, что период сотрудничества Асана-Сабри Айвазова и Абибуллы Одабаша в печатном органе I крымскотатарского Курултая-Парламента – газете «Millet» («Нация») оказался решающим в формировании их лингвистических взглядов. Сложный процесс становления официального литературного языка, сопровождался культурным пробуждением крымскотатарской нации, её осознанием права на самоопределение. В связи с этим Айвазов решительно настаивал на том, чтобы литературный язык разрабатывался в соответствии с запросами развивающихся отраслей активной деятельности народа, был научным и понятным для всех тюрок-мусульман. Тем временем позиция А. Одабаша основывалась на идеях языкового пуризма. Он выступал против чрезмерного употребления в крымскотатарской печати инородных заимствований, популяризировал простонародный, но глубокий и насыщенный язык местных крымскотатарских наречий².

Издававшаяся в 1917–1920 гг. газета «Millet» («Нация») являлась творческой и идеологической платформой для плеяды талантливых писателей своего времени. Например, на первой полосе газеты вместе с передовой статьей главного редактора размещались материалы, освещающие открытие новых культурных заведений; рекламные блоки, анонсирующие премьеры

¹ *Непомнящий А.* Восточный факультет Крымского государственного университета им. М.В. Фрунзе: неизвестные страницы истории вуза // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 2020. Выпуск XXV. С. 691–703; *Меметова Л.* Абибулла Одабашнын публицистикасында девирнинь актуаль меселелери // *Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры.* 2017. № 4. С. 89–93; *Сулейманова Д. А.* Одабашнын маарифчилик фаалиети // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации».* Том 25 (64). № 3. Ч. 1. 2012. С. 103–107.

² *Киримов Т.Н.* К вопросу об истории и причинах дискуссий вокруг языка А.С. Айвазова и его идеологических соратников // *Мир науки, культуры, образования.* 2021. № 2 (87). С. 442–446.

театральных спектаклей и кинофильмов. На развороте публиковались различные сводки, репортажи о политическом, экономическом положении края и зарубежных стран; фельетоны, отзывы, открытые письма-обращения в редакцию, финансовые отчёты общественных организаций, информативные некрологи, посвящённые известным общественным персонам. Литературно-идеологический тон изданию задавали поэтические и прозаические произведения Дж. Сейдамета, Б. Чобанзаде, М. Ниязия, М. Нузета, Дж. Керменчикли, А. Кадризаде, Ш. Бекторе, Б. Балыкчиева, Н. Байбору, У. Джахида и других авторов, выражающих интересы народа. Среди них и публикации А. Одабаша. Последний оборотный лист заполнялся сообщениями коммерческого плана. Таким образом, упомянутая общественно-политическая, экономическая и литературная газета выходила ежедневно кроме пятницы и праздников. Хронологически издание газеты «*Millet*» («Нация») можно разделить на два периода. Это годы, когда газету возглавляли талантливый писатель-драматург, общественно-политический деятель А. Айвазов (1917–1918), затем публицист, ученый археолог, фольклорист О. Мурасов (1919–1920). В промежутках исполняющими обязанности главного редактора периодического издания были А. Озенбашлы, М. Рефатов, А. Лятифзаде, Дж. Сейдаметов, С. Чапчакчы, А. Одабаш.

Непосредственно Абибулла Одабаш за время деятельности в упомянутой газете зарекомендовал себя как плодотворный журналист, тонкий философ, одарённый литературный критик и писатель. Его произведения написаны простым языком, отмечены своеобразной художественной выразительностью, публицистической убедительностью. Наряду с такими жанрами, как репортаж, фельетон, литературный обзор, им осваиваются и совершенствуются традиционные для тюркских народов повествовательные жанры – *ertege* (букв. быть), *kezinti* (букв. прогулка; путевые записки), *tekerleme* (букв. сказ; рассказ), *çibirtma* (букв. сделанный на скорую руку; зарисовка). Примечателен труд

В.В. Симоновского – «Библиография по краеведению», в котором жанр *ertege* А. Одабаша определяется как *бытовой очерк*¹. Впрочем, известный рассказ Н. Челебиджихана «*Qarılğaçlar duası*» («Молитва ласточек») в первоисточнике также обозначается жанром *ertege*².

В середине 1919 года Одабаш некоторое время, как было сказано, редактирует газету «*Millet*» («Нация»). Здесь, он свои произведения часто подписывает такими национально-идеологическими псевдонимами, как Чатыртавлы (Чатыр-Дагский), Темурджан. Уместно вкратце очертить жизнь и судьбу деятеля. Это поможет рассмотреть предпосылки языковых позиций автора.

Родился писатель в 1891 году в южнобережной деревне Корбек (Изобильное) под Алуштой. После окончания местной школы, продолжает учёбу в Стамбуле. Принимает участие в работе молодежных организаций в Турции. Например, это Общество крымских учащихся (*Qırım talebe cemiyeti*); Общество молодых татарских писателей (*Yaş tatar yazğıçları cıyını*). Деятельность этих студенческих объединений была направлена на земляческую взаимопомощь; противостояние османизму, пропаганду идей сплочения татарских народов и их культурного прогресса; освобождение от гнета царской власти; популяризацию национального языка и самоидентификации крымскотатарского народа³. Этими организациями было налажено подпольное тиражирование, отсылка и распространение среди крымской мусульманской интеллигенции революционно-агитационных прокламаций, брошюр, журналов и книг. Известны некоторые издания, подготовленные сотрудниками Общества молодых та-

¹ Симоновский В.В. Библиография по крымскому краеведению // Весь Крым. 1920–1925: юбилейный сборник / к V-му Всекрымскому съезду советов / ред. комиссия: Крымщика: У.В. Балич, Ф.М. Волгин, Ф.И. Ковалев и др. Симферополь: Изд-во Крымщика, 1926. 572 с. С. 525.

² Yaş tatar yazğıçları / haz. Yaş tatar yazğıçları cıyını. İstanbul: Bab-ı ali qarşusunda tavsi-i tabaat matbaası, 1912. 50 s. S. 17–29.

³ Çobanzade B. Kırım tatar edebiyatında kurultaycılık ve milletçilik. Bakı: Azərbaycan ilmi tədqiq institutu nəşriyatı, 1929. 33 s. S. 12–22; Kırımlı H. Kırım tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler (1905–1916). Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1996. 296 s. S. 189, 196.

тарских писателей. Это сборник художественных произведений «*Yaş tatar yazıları*» («Произведения молодых татар») 1912 года выпуска. В сборник были включены проза и поэзия известных в будущем крымскотатарских политиков, ученых, писателей, таких как Н. Челебиджихан, М. Ниязий, Б. Чобанзаде, А. Чергеев, Н. Байбору, А. Одабаш¹. Заслуживают внимания хроники крымских ханов Халима Герая – «*Gülbuni hânan*» («Розовый цветник»), адаптированные и переизданные в 1909 году А. Ильмием²; публицистическое эссе Дж. Сейдамета «*Yigirminci asırda tatar milleti mazlumesi*» («Угнетённый татарский народ в двадцатом веке», 1911)³; поэма А. Одабаша «*Altın yarıq*» («Золотой свет», 1911). В частности, поэма Одабаша представляет собой яркий манифест возрождения татарства. Поэт, живописует эпическое прошлое, силу и мощь татарских племён, восторгается военными победами великих ханов. В то же время он убеждает новое поколение в том, что сущность современной мощи заключается не в кровопролитии, но в свете просвещения. Западная цивилизация является, по его мнению, примером для подражания⁴. Для эффективной передачи идеи татарства автор обращается к читателю на языке простого народа, представляющем синтез южнобережного, среднего и в большей части северного диалектов крымских татар.

Вернувшись в Крым, Одабаш активно занимается общественной и писательской деятельностью. Публикуется в местной этнической прессе: «*Millet*» («Нация»), «*Yeñi dünya*» («Новый мир»), «*Oquv işleri*» («Дела просвещения»), «*Yañı Çolpan*» («Новая Венера»). Принимает участие в подготовке серии учебно-методических и научно-популярных изданий, посвященных языку, ли-

¹ Yaş tatar yazıları / haz. Yaş tatar yazıcıları cıymı. İstanbul: Bab-ı ali qarşusunda tavsi-i tabaat matbaası, 1912. 50 s.

² *Абляким Ильмий*. Эсерлер топламы / аз. И. Керимов. Акъмесджит: Таврия, 2004. 176 с. С. 9.

³ *Джафер Сейдамет*. Публицистика: малоизвестные статьи / сост. Т. Куршутлов. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. 128 с. С. 8.

⁴ *Timurcan*. Altın yarıq: tatar yaşlarına. İstanbul: matbaa ve kitabhane-i cihan, 1330/1911. 24 s.

литературе, фольклору крымских татар. Выпускает и редактирует литературно-просветительские журналы «*Yeşil ada*» («Зелёный остров», 1920), «*Bilgi*» («Знание», 1921). В 1922–1928 гг. работает в Крымскотатарском педтехникуме, Крымском пединституте на факультете крымскотатарского языка и литературы в должности преподавателя, доцента. Делегируется на I Всесоюзный тюркологический съезд в Баку, где выступает с докладом «*Терминология на тюркских языках*» (1926)¹. Репрессирован в 1928, погиб в 1938 году².

Занимаясь освещением и анализом жизни крымских татар, Абибулла Одабаш уделяет особое внимание общедоступности языка национальной печати. Например, в одной из своих статей в газете «*Millet*» («Нация») Одабаш пишет:

«Tilimizniñ şindige qadar işlenmegeninden ve halqniñ söyleşken tilinde tapılmağan laflarnı öz tilimizden keliştirilip yapılacağına ya rusça ve yahut arapça, farsiden alınmaq fena adeti olğanından, bunday bir şeyge başta intilğan adamniñ qarşısında pek büyük küçlükler çıqa. Lâkin men, kerek eski, tarihiy türk-tatar til putaqları ve kerekse, şindige zamanda yaşığan til putaqları için bir çoq yıllardan berli çalışıp türk-tatar tiliniñ ne qadar bay, ne qadar keñ olğanını körüp bilgenim için aytışuv tilde olmağan bir çoq sözlerni de tilimizniñ temelini, quruluşını közge alıp keliştirip yasadım. Yabancı sözler qatışmağan hiç bir til olmağanından halqlarnıñ alışıp añağan ve qarşılığ ayılmağan sözlerni de qullandım...»³.

(«Сегодня из-за неразработанности [литературного] и скудости бытового языка, возник пагубный обычай изобретения или же заимствования слов русского, арабского и персидского происхождения. Известно, что берущегося за это дело подстерега-

¹ Первый всесоюзный тюркологический съезд: 26 февраля – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку: Нагыл Эви, 2011. 552 с. С. 262–275.

² Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944). Биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д.П. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. С. 148–151. Керимов И. Эки асыр арасында XIX–XX – на стыке веков. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1997. 21 портрет.

³ Odabaş H. Yañı kitap // Millet. 1919. No. 67. Mart 25.

ет немало трудностей. Много лет занимаясь изучением древне-исторических и современных ветвей тюрко-татарских языков, я все больше убеждаюсь в их богатстве и функциональности. Поэтому на практике с целью заполнения лакун в разговорной речи, как правило, обращаюсь к первооснове и строению нашего языка. Поскольку не существует языков без заимствований, использую также устоявшиеся, обиходные в народе формы»¹.

А. Одабаш стремится напомнить редакторам и сотрудникам газеты «*Millet*» («Нация») о том, что главная идея издания состоит прежде в объединении народа, составляющей которого, является крестьянство. Писатель провозглашает простого крестьянина и язык, на котором он говорит, – основой, стержнем нации. Ибо уверен, что городская интеллигенция, рабочие, коммерсанты, религиозные служители, государственные чиновники, все без исключения, зависят от сельскохозяйственной первопродукции и добываемых природных ресурсов. Поэтому официальный язык печати должен строиться на объединении диалектов крымскотатарского языка. Путь обращения к истокам языка, считает Одабаш, может служить ориентиром межнационального сближения тюрко-татарских народов и воплощением идеи Исмаила Гаспринского – «*Tilde, fikirde, işte birlik*» («Единство в языке, мыслях и делах»)². Занимаясь исследованием недр национального языка, писатель обнаруживает, что забытые или утраченные лексические образцы можно встретить у крымских караимов (караев). По этому поводу он пишет следующее:

*«Qırımtatarlarnıñ temiz tili tek qaraylarda qalğan edi. Onlar da özleriniñ aslında-temelinde tatar olğanlarını unuta, tatarlarnıñ dinine açuvlanıp öz tuvğan tillerini taşlay, ne din, ne de qance aralarında hiç bir qardaşlıq olmağan ruslarnıñ tillerini alalar...»*³.

(«Чистый язык крымских татар, хорошо сохранился только у караев. Но [почему-то] они забывают свои исконно татарские

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

² *Çatırtavl. Qaysı til? // Millet. 1918. No. 99. Avgust 23; No. 100. Avgust 26.*

³ *Odabaş H. Yañı kitap // Millet. 1919. No. 67. Mart 25.*

корни. Презируя татарскую веру, отказываются от родного языка в пользу языка русских, не имеющих с ними ни духовных, ни кровных связей...»).

А. Одабаш видит в разговорном наречии крымских караимов ценную лингвистическую материю, не подвергшуюся активному влиянию арабского и персидского языков. Но как отмечает писатель, проблема усугубляется тем, что образованные городские караимы, находясь под влиянием русского языка, забывают собственный. Давид Кокизов одной из причин этой критической языковой ситуации называет недостаточное владение караимами арабской письменностью крымских мусульман. В статье «Русский язык или татарский?», опубликованной в журнале «Караимская жизнь» за 1911 год, он предлагает заменить тюрко-татарский язык общения караимов на русский. Считает, что этот язык более развит по сравнению с татарским и позволяет караимской интеллигенции свободно выражать и популяризировать национальную научную и художественную мысль. Караимский общественный деятель был уверен, что таким образом возможно объединение западных и восточных караимов России¹. Тем не менее, из истории крымской печати известно, что караимскими культурными сообществами во второй половине 1920-х гг. во имя сохранения национального языка открывались кружки изучения татарского языка и литературы на основе новой тюрко-татарской латинской графики². Не выходя за рамки исследуемой темы, хотелось бы добавить, что переход на латинскую письменность крымскотатарской интеллигенцией также воспринимался как планомерный шаг к сближению восточной и западной культур.

В процессе журналистской деятельности в газете «*Millet*» («Нация»), А. Одабаш разрабатывает словарь, в который вошли

---

¹ Яблоновская Н. Роль государственного языка в этнической прессе: крымский опыт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 258–259; Кокизов Д. Национальное самосознание // Караимская жизнь. 1911. № 3–4. С. 31–34.

² *Haberci*. Yeñi elifba ve qarayimler // Yeñi dünya. 1926. № 289 (1165). Dekabr 14; Qarayimler ve latin elifbasi // Yeñi dünya. 1927. No. 16 (1195). Yanvar 20.

индивидуально-авторские неологизмы, основанные на использовании просторечной лексики и диалектизмов. Приведём некоторые из часто встречающихся авторских словоформ с примерами использования их в тексте.

Aylançılı – букв. окольный; запутанный. «*Siyasetpadişahlıqlarını arasında olğan bir çoq aytışıp qararlaşuvlarını, gizli bir talay sözleşiv ve ahdlaşuvlarını daha adiy manasiman aylançılı, dumanlı bir talay ayneciliklerini köstergen bir şey olup qala*»¹. («Политикой по-прежнему считаются множественные межгосударственные договоренности, тайные заговоры и обещания, которые по сути основываются на мошеннических, запутанных интригах»).

Ayribilgiç – букв. отдельно владеющий; специалист. «*Balanıñ bu terbiyesini üstüne alacaq kimdir? <...> Ev ne qadar da yükselse yükleselsin, bu terbiyeni üstüne alamaz. Çünki evniñ müçeleri arasında balanıñ ruhunu, varlığını tanığan, onuñman oğraşqan ispetsialistler (ayribilgiçler, mütehassıslar) yoqtır*»³. («Кто может взять на себя ответственность за воспитание ребенка? Семья, не смотря на преимущество [перед казённым учебным заведением] не всегда может полностью взять ответственность за [полноценное] воспитание. Ведь среди членов семьи нет специалистов, которые бы хорошо разбирались в детской сущности и психологии»).

Ayrisöz – букв. особое слово; термин. «*Ayrisöz /termin, istilah/ degen şey her millette şay, onlarnı yazıcılar; milletniñ tüşünceleri halq tiliniñ temeline uydurıp yasay, qullana, halq da oña alışa, alıp öz milliy adına*»⁴. («Термины разрабатываются, применяются национальными писателями и мыслителями на основе живого языка. Затем общество осваивает, национализирует их»).

Asravyurt – букв. воспитательный дом; приют. «*Pestaloțtsi bir yaqtan çift çubuğinen oğraşmaqla beraber bir yaqtan da evsiz, yurtsız balalar için bir asravyurt /priyut/ açtı*»⁵. («Песталоцци, с

¹ Çatırtavlı. Siyaset ve işleklik // Millet. 1919. No. 61. Mart 17.

² Odabaş H. Yañı kitap // Millet. 1919. No. 67. Mart 25.

³ Odabaş H. Yañı kitap // Millet. 1919. No. 67. Mart 25.

⁴ Çatırtavlı. Dereköy // Millet. 1919. No. 30. Fevral 6.

одной стороны, занимался земледелием, с другой – открыл приют для беспризорных и бездомных детей»).

Bilgiaytuv – букв. передача знаний; лекция. «*Lektsiya*» *yerine «bilgiaytuv» deseñ kuleler; bu qaba, çirkin eken, lektsiya daha qolay ve daha dülber eken. Lâkin tüşünmiyeler ki, halqqa öğretmek için aytqanda bunlardan qaysını daha tez añlay*»¹. («Все посмеиваются, когда вместо «лекция» использую [в буквальном смысле] слово «популяризация знаний», так как считают, что оно грубое и неприглядное. Но при этом никто не задумывается, что более понятно в процессе обучения народа»).

Bilgiç – букв. знаток; см. *ayribilgiç*².

Cala – букв. выдумка; анекдот. «...*Ahmet aqay için aytilğan ne qadar cala /anekdotlar/ olsa, maña yazıp cibersinler*»³. («...сколько бы ни было анекдотов об Ахмет-Акае, прошу, пусть присылают мне»).

Cetim – потенциал, способность. «*Bizim tilimizniñ bu cetimi /talant ve istidadı/ Hind-Avrupa tillerinden farsça ile nemsecege pek oşay. Bu tillerde başından ortasından, soñundan qoşma harflerni taşlap, iki-üç sözni qaynaştırıp birleştirmek, bir söz yasamaq ve mana köstermek mümkündür*»⁴. («Этот потенциал [словообразования] нашего языка весьма схож с персидским и немецким языками, которые входят в индоевропейскую [семью] языков. В этих языках путём усечения вначале, середине и конце букв из нескольких слов и их слияния воедино можно образовывать [новые] смысловые слова»).

İşlekklik – букв. деятельность; культурный. «*Dereköyniñ işlekklik yaşavı için laf aytqanda, onuñ eñ açiq çizgilerden qaysı tarihten başlap körüngenini köstermege mecbur olmaqlığımdır*»⁵. («Заговорив о культурной жизни [крымского] селения Дерекöй, волей-неволей приходится начинать с истории возникновения его примечательностей»).

¹ *Çatırtavlı. Bilgi aytuv // Millet. 1919. No. 74. Aprel 2.*

² *Çatırtavlı. Tiyatrolarda // Millet. 1918. No. 82. Avgust 4.*

³ *Çatırtavlı. Küçük-Özenbaş köyü // Millet. 1919. No. 36. Fevral 13.*

⁴ *Odabaş H. Yañı kitap // Millet. 1919. No. 67. Mart 25.*

⁵ *Çatırtavlı. Dereköy // Millet. 1919. No. 25. Yanvar 30.*

Keldiayaq – букв. пришлый; иностранный. «...*ocalar onlarğa bunlarnıñ başqa memleketlerde nasıl yasalğanlarını ve asrap çıkarılğan mallarnı bir talay keldiayaq milletlerge verip yibermegence, bunlarnı satuv hususunda da özleriniñ faydalanmaları kerek olğanını ve bunıñ için kerek olğan qolay yollarnı kösterip olurlar*»¹. («...тогда учителя смогут объяснить им [деревенским], как в других странах выращенное сырье и изготовленная из нее продукция, еще до отправки иностранцам может приносить собственный доход от продажи на месте»).

Kerçekler – букв. истина; факты. «...*bunlarnı isbat etmek için Qırımniñ her köşesinde yüz biñlerce kerçekler /faktlar/ vardır*»². («В каждом уголке Крыма можно найти тысячи фактов, подтверждающих наши [слова]...»).

Küldüriciler – см. *cala*³.

Külkü – букв. смех; комедия. «*Biñ ağızdan biñ türlü söz çıkar*» *degen qartlar, bütün bu ağızlardan «yahşı» degen sözni çıkarmaq pek küç bir şey, lâkin Fatma hanım buña muvaffaq olğan bir çingene toyunda külinecek ne olsa, hepsini alğan. Bu oyundan maqsad – külmek. Boyle küdürici oyunlarğa külkü /komediya/ derler*»⁴. («Как говорят старики, «сколько мудрецов – столько и мнений». Добиться похвалы от этих «мудрецов» непросто. Вопреки сему Фатма ханум достигла немалых успехов в комической постановке цыганской свадьбы. Цель этой [сценической] игры – вызвать смех. Такие смешные постановки называются комедией»).

Qaravcı – см. *baqıç*⁵.

Qozğav – букв. подстрекание; агитация. «...*lâkin bunlar hiç zaman qozğav /agitatsiya/ biçimini almamalıdır*»⁶. («...подобного рода [популярные лекции] ни в коем случае не должны оборачиваться агитацией»).

¹ *Çatırtavlı*. Yalı boyunda // Millet. 1919. No. 16. Yanvar 20.

² *Çatırtavlı*. Dereköy // Millet. 1919. No. 24. Yanvar 29.

³ *Çatırtavlı*. Bağçasarayğa // Millet. 1919. No. 53. Mart 6.

⁴ *Çatırtavlı*. Tiyatrolarda // Millet. 1918. No. 82. Avgust 4.

⁵ *Там же*. 1918. No. 82. Avgust 4.

⁶ *Çatırtavlı*. Yalı boyunda // Millet. 1919. No. 17. Yanvar 21.

Qorqunçaq – букв. устрашающий; драма. «*Bu oyun külkü düğül. Ortalıqta olğan muğaytıp ağılatıcı bir vaqiadan alınğan. Bunday soñunda ölüm bolup, kişini cılatqan oyunlarda işte, padişa olamasa /drama/, qorqunçaq derler*»¹. («Эта [сценическая] постановка не является комической, здесь больше изображается печальная и скорбная история из повседневности. Такие сцены, завершающиеся гибелью [героя], именуются драмами»).

Miyin (miyinni) – букв. мозг; мыслительный, научный. а) *мысль, мыслительный*: «*Şindi neden buyuqıp, miyinleşip qaldıñ...*»². («Отчего же сейчас ты, замолкнув, задумался»); б) *научный*: «*Osman efendi qırımlılar arasında miyinni bilgi usulları ile terbiyelengen biricik kişilerdendir. Eñ çoq oğraşqan yaqları – tarih, filologiya ve ince sanatlardır*»³. («Осман эфенди [Акчокраклы] один из тех крымцев, кто был воспитан на науке. История, филология, изобразительное искусство – это те аспекты, которым он больше всего уделяет внимание»).

Özduyğu – инстинкт. «*Her ne qadar analar instinktnen, yani özduyğu /sevq-i tabiy/nen balalarınñ arzu ve tileklerini, varlığını, ruhını sezip olsalar da, onlarnıñ nasıl etip idare olunacağını bilmezler*»⁴. («Какие бы [родительские] инстинкты не помогали [членам семьи] определять желания, чувства, личность ребенка, [в отличие от профессиональных педагогов] они не имеют представления как правильно направлять ребенка»).

Teklafetüv – монолог. «*Uzundan uzun monologlar/teklafetüvler/, qıbirdanuvsızlıq ve cansızlıq onı sahnağa qoymağa mümkün olmaycaq bir halına qoyğandır*»⁵. («Слишком длинные монологи и малоподвижность делали не возможным осуществление постановки [пьесы А. Айвазова «Как дошли мы до жизни такой?】»).

Temel-kâğıt – официальный документ. «*...özleriniñ Qırım hükümeti tarafından yiberilgenlerini aytmadan başqa, ellerinde*

¹ Çatırtavlı. Tiyatrolarda // Millet. 1918. No. 82. Avgust 4.

² Çatırtavlı. Tatarnıñ halı // Millet. 1919. No. 40. Fevral 18.

³ Çatırtavlı. Qırımniñ kitap yazıcıları // Millet. 1919. No. 40. Fevral 18.

⁴ Çatırtavlı. Dereköy // Millet. 1919. No. 29. Fevral 5.

⁵ Çatırtavlı. Qırımniñ kitap yazıcıları // Millet. 1919. No. 42. Fevral 20.

hiç bir /dokumenti/ temel-kâğıtı olmağan bir talay prokuror arqadaşlarından hiç bir şey añlamaq mümkiün olmağanını körgen Qırım Parlament Bürosi Seyid-Celil efendi Hattatov bu işniñ nasıl ve ne için yapıłğanını soray»¹. («...прокурорские люди, не имея на руках каких-либо официальных документов, только на словах утверждали, что были уполномочены Крымским правительством [Соломона Крыма]. Председатель Крымского Парламентского Бюро Сейид-Джелиль Эфенди Хаттатов, требовал разъяснения причины [обыска]»).

Uruşturmaq – сапоставлять. «*Çelebi hanım bilen Fatma Şirin hanımni uruştırıp qarağanda, birincisi yaş küçlü, ekincisi körümlü, sınavlı bolup çıqay*»². («При сравнении становится видно, что Фатма ханум Ширинская молодостью и энергичностью уступает Челеби ханум, но все же она более авторитетная и наделена [жизненным] опытом»).

Yertutar – букв. замещающий; представитель. «*Bu saylanğan kişiler, o milletniñ tamam yerini tutar, onıñ adından iş körerler. Onuñçün onlarğa yertutar /vekil/ derler*»³. («Избранные [путем голосования] люди непосредственно от имени народа выполняют работу. Поэтому их называют депутатами»).

Yolbilir – букв. знающий путь; специалист. «*Bu yazğan yazıcılarınıñ pek çoğu sağıdırlar. Onlarnıñ hepsiniñ elinde yazılğan bir çoq kitapları var. Lâkin, onlar bir türlü bastırmaqnıñ çaresini tapamaylar. Bastıracaq kibi basmahane tapılmağanı kibi, bu işlerni üstüne alacaq yolbilir kitap alış-verişçileri de yoq*»⁴. («Большинство знакомых мне писателей – живы. У каждого на руках достаточно рукописей. Но издать книгу для них проблема. Так как нет ни типографий, ни специалистов по реализации книг»).

Yolkitap – букв. дорожная книга; устав. «*Yolkitap /ustav/, temel-kâğıt /dokument/, yertutar /predstavitel/ kibi, eki sözden birleştiriip*

¹ H.O. Yolsuz ve qanunsız işler // Millet. 1919. No. 47. Fevral 27.

² Çatırtavlı. Tiyatrolarda // Millet. 1918. No. 82. Avgust 4.

³ H.O. Tatar idareleri ve tatar milleti // Millet. 1919. No. 48. Fevral 28.

⁴ Çatırtavlı. Qırımniñ kitap yazıcıları // Millet. 1919. No.43. Fevral 21.

yasalğan ve bir mananı köstergen laflarınıñ tatarcanıñ temeline uyğun olğanını belliymen»¹. («Я считаю, что объединенные и образующие новое значение такие слова, как yolkitap /устав/, temel-kâğıt /документ/, yertutar /представитель/ гармонируют с первоосновой татарского языка»).

Yolköstericiler – букв. указывающие путь; инструкции. «*Maliye müdirliğinde kassalar tasırday, para yoq. Şindilik yolköstericiler /instruksiyalar/ çıkarıp yatalar*»². («Фонды руководства финансами пустуют, денег нет. В данный момент готовятся [специальные] инструкции»).

Вышеприведенные примеры лингвистических экспериментов Одабаша свидетельствуют о его перманентных поисках семантико-этимологических параллелей между исконно тюркскими словами и заимствованиями в языке национальной крымскотатарской печати. Для более точного понимания читателями тех или иных авторских неологизмов, им в скобках используются экспликации на русском и арабском языке. Например, это *ayrıbilgiç* (специалист / *mütehassis*), *ayrısöz* (термин), *asravyurt* (приют), *setim* (талант), *yolkitap* (устав), *yolköstericiler* (инструкции), *yertutar* (представитель / *vekil*), *qoqunçaq* (драма), *özduyğu* (инстинкт / *sevq-i tabii*), *temel-kâğıt* (документ). Более того, Одабаш возлагает на себя задачу разъяснения материалов, опубликованных на сложном языке, толкования тех или иных терминов. В частности, он освещает уровень языка и качества сценических постановок в крымскотатарском театре; анализирует творческий путь и стиль писателей современности. Благодаря этому перед нынешним читателем-исследователем появляется возможность из первых уст ознакомиться с особенностями творческой деятельности именитых актёров театра и кино, танцмейстеров, писателей, в частности, таких как Хайри Эмирзаде, Сеит-Абдулла и Амет Озенбашлы, Усеин Болатуков, Эмине Челебиева, Фатма

¹ *Odabaş H. Yañı kitap* // Millet. 1919. No. 67. Mart 25.

² *Çatırtıavl. Ciligi tatımay* // Millet. 1918. No. 128. Oktâbr 21.

Ширинская, Асан Айвазов, Джафер Сейдаметов, Асан Чергеев, Усеин Тохтаргазы, Джемиль Керменчикли.

Таким образом, в заключение отметим, что А. Одабаш выступает за сохранение связи языка с аутентичной культурой, историей и традициями народа, но также предостерегает от излишней политизации языкового вопроса. Так как политика часто оказывается нестабильной и переменчивой. Здесь, автором подразумевается часть крымскотатарской интеллигенции, находящейся под чрезмерным турецким влиянием¹. Одабаш подчёркивает, что главный правительственный печатный орган – газета «*Millet*» («Нация») – остается привилегией образованных городских слоёв общества. В то время как основной миссией газеты является объединение всей нации. Концепция деятельности писателя представляет собой борьбу за сближение языка письменного с разговорной речью. Его лозунгом можно считать следующее высказывание: «*Tilsiz bir millet – millet düğüldür. Öz-özünü aňlamağan, yarım-yamalaq bir millet, diger qardaş milletlerinden hiç de birleşemez*». В переводе на русский язык настоящая цитата из его статьи «*Qaysı til?*» («Какой язык?»), звучит как: «Нация без языка не может называться нацией. Народу, представители которого не понимают друг друга, не найти общего языка и с другими братскими [тюркскими] народами»². Здесь усматривается определённая полемика с Исмаилом Гаспринским. Просветитель с мировым именем представляется А. Одабашу идеалистом, поскольку все усилия больше направляет на формирование общетюркского языка, нежели собственно крымскотатарского³. На пути к преодолению языкового кризиса Абибулла Одабаш в одноимённой типографии газеты «*Millet*» готовит к печати учебные и художественные книги для детей дошкольного и школьного возраста. Выступает с популярными лекциями

¹ *Çatırtavlı*. Tatar ne için gazet oqumay? // *Millet*. 1918. No. 162. Noyabr 29; No. 163. Noyabr 30; No. 179. Dekabr 22; No. 181. Dekabr 24; No. 182. Dekabr 25; No. 183. Dekabr 26; No. 184. Dekabr 27.

² *Çatırtavlı*. Qaysı til? // *Millet*. 1918. No. 99. Avgust 23; No. 100. Avgust 26.

³ *Çatırtavlı*. Dereköy // *Millet*. 1919. No. 22. Yanvar 27.

по селениям Крыма, разъясняя идеологическую и практическую важность простого народного языка¹. В целом, богатый пласт творческого наследия писателя ожидает более широкого изучения. В перспективе предстоит работа над осмыслением жанрово-стилевых особенностей его публикаций. Особый интерес представляют произведения А. Одабаша, написанные в жанре *ertege* (быль, очерк), *kezinti* (путешествие), *çibirtma* (зарисовка), *tekerleme* (сказ, рассказ).

3.3. Социально-политическая сатира Абдуррахмана Кадризаде: язык, стиль и проблематика

Abdurrakhman Kadrizadeh's Socio-Political Satire: Language, Style, and Thematics

Summary: *Abdurrakhman Kadrizade's literary work has left a significant mark on Crimean Tatar national literature. He is renowned as a talented researcher, poet, publicist, and translator. Possessing exceptional poetic skill, Kadrizade continued the traditions of Crimean Khanate court literature, particularly developing genres such as chronograms and parodies in his creative output. His surviving notebook contains approximately 40 poetic chronograms-elegies dedicated to the memory of relatives, political and public figures, and religious leaders. It also features satirical parodies. For instance, a parody of J. Kermençikli's poem "Tatarım!" ("I am a Tatar!"). This parody was published in the newspaper "Millet" ("Nation") in 1918 under the title "Kermençikliye nazire" ("Parody of Kermençikli"). In it, the author exaggerates Kermençikli's moral values and satirizes his excessive "nationalism."*

Kadrizade's oeuvre also includes satirical sketches and pamphlets. For example, the poetic pamphlet "Soñ ğayret" ("The Last Effort")

---

¹ Til haqqında lektsiya // Millet. 1919. No. 8. Yanvar 9; Керимов И. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с. С. 103.

reflects events in the history of the Crimean Tatar national liberation movement. In this work, the image of national oppressors is conveyed through metaphors of parasitic leeches draining the people's vitality and snakes that, even when defeated, continue to pose a threat. Experimenting with forms of expressing thoughts and emotions, the author employs the sonnet form.

Kadrizade's biting sarcasm, directed against the people's oppressors, alternates with ironic mockery and dark humor. Through the prism of his characters' everyday experiences, he raises crucial social and moral issues, reminding readers of the values that form the foundation of human coexistence: tolerance, equality, honesty, and justice. Kadrizade strikes a balance between the comic and the tragic, creating images that linger in the reader's memory. Utilizing artistic techniques characteristic of fairy tales, fables, and anecdotes (allegory, metaphor, personification, grotesque), the poet creates a series of satirical characters: a fastidious bride, a foolish merchant, a lecherous mullah, an unfortunate sohta, a "just" tyrant, a miserly merchant, a porter, and others.

A fascinating feature emerges from the study of Kadrizade's poetic legacy: the language of his journalistic and poetic materials published in pre-Soviet and Soviet-era publications differs. In his early publications, the writer employed a complex language with Arabic and Persian borrowings, close to the Istanbul dialect. Later, he changed his approach to language, favoring a mixed style that combined elements of the Oghuz and, predominantly, Kipchak dialects of the Crimean Tatar language.

Abdurrakhman Kadrizade's translations of socio-political fables of Ivan Krylov are of particular value. Published in Crimean periodicals between 1917 and 1930, these works are distinguished by their depth of content, richness of language, and expressive imagery. In them, Kadrizade, who dedicated his life to serving his people, masterfully captured the pressing issues of his time: the improvement of traditional education, the fight against social inequality, the need to overcome the influence of pseudo-clergy, and the reform of the old Crimean Tatar

script and language. Reflecting the satirical nature of newspaper polemics, the author often used the pseudonyms "Eski Qırımli" (Old Crimean) and "Çirkiy" ("Mosquito").

Due to insufficient research, some of the author's poetic works were mistakenly attributed to M. Nuzet. In the future, detailed study and deciphering of Abdurrahman Kadrizade's Arabic script manuscripts will significantly expand and deepen our understanding of his creative legacy.

Жанр сатиры (*mizah, misqıl*) в устной и письменной крымскотатарской литературе имеет глубокие корни и традиции. При упоминании этого жанра в памяти читателей и слушателей непременно возникают комические фольклорные персонажи, такие как Ходжа Насреддин и его крымский двойник Ахмет Ахай¹. Несмотря на кажущуюся чужаковатость и непостоянство характеров, эти персонажи пользуются популярностью и уважением в народе. Они выступают главными героями сатирических рассказов и анекдотов (*fiğra, lâtif*), являясь свидетелями реальных исторических событий из жизни простых людей. Ироничные шутки и юродивость этих персонажей не только развлекают, но и побуждают аудиторию задуматься о событиях, происходящих вокруг.

Сатира может быть остроумной, саркастической, гротескной или абсурдной. Но главной её целью является критическое осмысление и оценивание различных социальных явлений. Сатирическое начало присутствует и в региональных частушках (*çıñ, mane*), степных напевах (*noğay peyitleri, cırları*), а также в других жанрах древнего фольклорного наследия крымских татар². Старые сборники крымскотатарских анекдотов, юмористических рассказов, составленные и изданные в период с 1897 по 1940-е годы при участии М. Акчурина, С. Миррера, С. Коцюбинского, Я. Бирзгал, М. Кустовой, Р. Вуля

¹ Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы: Хрестоматия / терт. эт. Бекиров Дж. Ташкент: Укитувчи, 1991. 248 с. С. 162–172.

² *Zsuzsa Kakuk. Kıgım Tatar Şarkıları.* Ankara: TDK Yayınları, 1993. 208 s.; Къырымтатар халкъ йырлары / терт. И. Бахшыш, Э. Налбандов. Акмесджит: Таврия, 1996. 448 с. С. 15–17.

ныне составляют большой интерес для фольклористов, литературоведов и культурологов¹.

В письменной средневековой крымскотатарской дворцовой поэзии жанр сатиры, обозначается термином хиджвие (*hicviye*). Встречаются также комбинированные жанры, такие как сатирические пародии и касыды (*nazire-i hicviye, qaside-i hicviye*)². К примеру, можно вспомнить одного из выдающихся представителей династии крымских ханов-Гераев – Бора Гази Герая II (1554–1607), известного как талантливый полководец, политик, поэт и композитор³. К излюбленным жанрам поэта относятся военно-походная, любовно-философская лирика и, конечно же, сатира. Его сатирическая поэзия направлена против государственных чиновников и духовенства, занимающихся коррупцией, злоупотреблением властью.

Бесконечными политическими интригами, распрями в правящей среде был обеспокоен также хан Крым Герай I (1717–1769). Из записей барона де Тотта известно, что Крым Герай I, будучи ценителем европейского искусства очень интересовался пьесой Мольера «Тартюф» («Обманищик»). Желая видеть на сцене дворцового театра социальную сатиру, направленную против лицемерия подданных, которые прикрывались набожностью, хан в 1760 году поручил организовать перевод этой комедийной пьесы на крымскотатарский язык⁴.

¹ *Aqçurîn M. Nevadir-i nefise. Vağçasaray: «Terciman» gazetası taş ve hurafat basmahanesi, 1897. 22 s. Мисер С. Ахмет Ахай Озенбашский. Первая книга сказок. Москва: Советский писатель, 1940. 292 с.; Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахас / сост. С.Д. Коцюбинский; отв. ред. Я.П. Бирзгал. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1937. 368 с.; Сказки крымских татар в передаче М.Г. Кустовой / под ред. Р. Вуля. Симферополь: Крымгосиздат, 1941. 120 с.*

² *Erşahin İ. Halk Kültürü ve Edebiyatı Sözlüğü. Ankara: Ötüken, 2011. 376 s. S. 174.*

³ Грезы Любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга / сост. Н. Абдульвап, пер. С. Дружинин. Симферополь: Доля, 2003. 72 с. С. 9–23.

⁴ *Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии: монография. Симферополь: Доля, 2002. 192 с. С. 8; Заатов И. Крым Гирей I – родоначальник классического театра в Крыму (к вопросу 257-летия опыта крымских татар первых театральных постановок европейского театра) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 100–135.*

Среди отечественных исследователей, чьи труды посвящены анализу традиций средневекового словесного искусства можно указать Х. Фейзханова, В. Вельяминова-Зернова, А. Крымского, О. Акчокраклы, А. Ильмия, К. Конуратлы, Т. Усеинова, О. Рустемова, Н. Сейтягьяева, Н. Абдульвапова, Р. Абдужемилева. Ими был осуществлён значительный вклад в изучение и популяризацию крымскотатарской художественной и эпистолярной литературы периода крымского ханства XV–XVIII веков¹.

Спустя 100 лет после упадка крымского ханства, то есть после векового периода смуты, сопровождающегося этнокультурными и религиозными притеснениями, перераспределением частных и вакуфных земель российской царской властью, а также массовой эмиграцией мусульманского населения в Османскую империю, 1883 год ознаменовался началом крымскотатарского культурного пробуждения в Крыму. Этот период непосредственно связан с издательско-просветительской деятельностью Исмаила Гаспринского и выходом в свет его либерально-демократической газеты «*Terciman*» («Переводчик»).

На страницах тюрко-татарской газеты особый интерес представляют новеллы, очерки, эссе, фельетоны и памфлеты с социально-политическим контекстом. В них главным образом обсуждались такие важные вопросы, как реформирование всероссийской мусульманской системы образования, единение тюрков-татар вокруг общего языка и идеи европейского прогресса, социальное положение женщин, судьба крестьян и ремесленников, устарев-

¹ Вельяминов-Зернов В. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской академии наук, из Московского главного архива Министерства иностранных дел. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1864. 941 с.; Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. Р. Абдужемилев. Симферополь: ООО «Константа», 2017. 816 с.; *Кримський А.* Студії з Криму, I–IX: Відбитки з «Записок історично-філологічного відділу». Київ: Друкарня Всеукраїнської Академії Наук, 1930. 202 с.; *Halim Giray Sultan.* Gülbün-i hanan, yahud Qırım tarihi / çev. A. Hilmiy; haz.: K. Useyinov. Aqmescit: Dola, 2004. 288 s.; *Усеинов Т.* Размышления о поэзии крымского ханства: сб. статей. Симферополь: Оджак, 2005. 162 с.; *Сейтягьяев Н.* Крымскотатарская историческая проза XV–XVIII вв. Монография. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2009. 204 с.; *Рустемов О.* Язык кадыаскерских книг крымского ханства и ханских ярлыков. Монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 304 с.

шие духовно-нравственные устои магометанского общества¹. Таким образом, сатира в крымскотатарской печати начала обретать национальные черты и стала литературно-публицистическим инструментом в руках писателей, отстаивающих народную справедливость и прогресс.

В 1906 году в качестве приложения к газете «*Terciman*» («Переводчик») И. Гаспринский начал выпускать еженедельный юмористический листок под названием «*Ха-ха-ха*»². В нем публиковались карикатурные зарисовки, короткие сатирические стихи и анекдоты, юмористические рассказы, а также новости с элементами тонкого сарказма на политико-экономические, религиозные и светские темы.

Ранее, в 1901 году, в бахчисарайской типографии «*Terciman*» были изданы на местном наречии известные произведения Мольера и Крылова: комедия в 3-х действиях «*Zoraki tabip*» («Лекарь по неволе»), а также басни И. Крылова в переводе Абдульгаффара Шейхзаде под названием «*Krlovniñ temessülâtından tercimeler*». Здесь же, в 1902 году увидела свет и комедия в трёх актах С.А. Озенбашлы «*Olacağa çare olmaz*» («Чему быть, тому не миновать»). По мнению современных исследователей, это первая национальная пьеса, написанная крымскотатарским автором. Также уроженцем Бахчисарая, издателем и владельцем частной типографии в Санкт-Петербурге Ильясом Бораганским были изданы десять басен Крылова в одной книге «*Krlovdan on qissa*» (1901) и комедия Н. Гоголя «*Женитьба*» («*Evlenme*», 1903»). Переводы принадлежат перу талантливого крымскотатарского писателя, ученого-востоковеда О. Акчокраклы³.

Революционные события в России и Турции (1905, 1908, 1917 гг.), а также последовавшая гражданская война, значитель-

¹ Османов Ю. Просветитель востока Исмаил Гаспринский. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 312 с.

² Керимов И. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Симферополь: Оао «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с. С. 173, 188, 220, 221, 243, 275, 291.

³ Там же. 2009. 324 с. С. 20, 80, 106, 188.

но повлияли на мировоззрение молодого поколения крымскотатарской интеллигенции. Новые писатели, учителя и общественно-политические деятели видели более эффективный путь реализации прогрессивных идей Исмаила Гаспринского в укреплении национального самосознания и возрождении утраченной независимости Крыма. С этой целью они создали органы народного самоуправления и начали выпускать общественно-политические и просветительские издания на крымскотатарском и русском языках. Вот некоторые из них: «*Vetan hadimi*» («Слуга отечества»), «*Qırım ocağı*» («Крымский очаг»), «*Millet*» («Нация»), «*Golos tatar*», «*Крым*», «*Haq ses*» («Голос истины»), «*Yeşil ada*» («Зеленый остров»), «*Qırım mecmuası*» («Крымский сборник»). Среди авторов, объединившихся вокруг этих печатных органов, были такие известные личности, как А. Кадризаде, Р. Медиев, Я. Шакир-Али, О. Акчокраклы, У. Тохтаргазы, А. Одабаш, Н. Челебиджихан, А. Айвазов, Ш. Бекторе, Дж. Сейдамет, С. Озенбашлы, Б. Чобанзаде, У. Ипчи. Некоторые авторы публикаций подписывались псевдонимами, отражающими иронический характер их произведений. Например, это *Alupqaçqan* (удравший); *Qorqaq* (трусишка); *Çotkacı* (щеточник); *Qaratatar* (татарская чернь); *Qulağidelik* (проколотое ухо); *Miq* (гвоздь), *Oq* (стрела); *Çirkiy* (москит) *Sabunaşağan* (мылоед); *Şişman* (толстяк), *Qandalay* (клоп).

Целостному рассмотрению эволюции крымскотатарской периодической печати и литературного процесса в конце XIX – начале XX вв. посвящён ряд монографических исследований А. Крымского, Б. Чобанзаде, А. Лятифзаде, Э. Шемьизаде, И. Керимова, Н. Яблоновской, Ш. Юнусова, Г. Юксель. Их работы способствуют выявлению менее изученных пластов национальной литературы рассматриваемого периода¹.

¹ *Çobanzade B.* Soñ devir qırımtatar edebiyatı. Aqmescit: «İleri» jurnalı idaresi, 1928. 102 s.; *Крымський А.* Студії з Криму, I-IX: відбитки з «Записок історично-філологічного відділу». Київ: Друкарня всеукраїнської академії наук, 1930. 202 с.; *Шемьизаде Э.* Эдебий ве тенкьидий макъалелер / аз. Ш. Селимов. Симферополь: Доля, 2000. 248 с.; *Юнусов Ш.* Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века (Традиционное мировоззрение и меняющийся мир). Симферополь: Доля, 2004. 168 с.; *Лятифзаде А.*

Исследования жанров национальной сатиры как формы публичной реакции на процессы и явления в крымскотатарском обществе периода культурного возрождения остаются недостаточно глубокими. В крымской мусульманской печати наряду с общеизвестными сатирическими жанрами (фельетон, памфлет, пародия) присутствуют и специфические формы. К ним относятся «*Abur-çubur*» (шара-бара), «*Oq*» (стрела; жало), «*Çibirtma*» (бичевание), а также жанры, близкие к басне: «*Qıssa*», «*Temessülât*».

Особое внимание заслуживает творческое наследие крымскотатарских писателей-сатириков, таких как Абдурахман Кадризаде, Мемет Нузет, Якуб Шакир-Али, Джафер Гафар и Мустафа Куртиев. Значительная часть их произведений, в том числе сатирических, написанных арабской и латинской графикой, до сих пор не опубликована и хранится в фондах библиотек Крыма и Турции.

Подробнее остановимся на творчестве крымскотатарского поэта-сатирика А. Кадризаде.

Абдурахман-Рахми Кадризаде¹ (1876–1938) родился в крымской деревне Тавдаир (ныне: с. Лесноселье, Симферопольский р-н) в семье священнослужителя. Получил образование в местной школе и медресе, где впоследствии преподавал. По некоторым данным, продолжал обучение в Турции. Обладал широкими знаниями в области гуманитарных и естественных наук, свободно владел арабским, персидским и русским языками. В 1917 году был избран делегатом Первого Курултая – парламентского съезда крымских татар.

Хаял – омюр / аз. Ш. Юнусов. Акъмесджит: Таврия, 2005, 120 с.; Яблоновська Н. Крымська журналістика: етнічні аспекти. Симферополь: Кримнавчпедвидав, 2008. 289 с.; Millet Cevherleri: N. Çelebicihan, C. Seydahmet, H. Ayvazov, H. Odabaş, O. Murasov, C. Kermençikli, A. Qadrizade: 1917–1920 ss. «Millet» gazetasında basılan edebiy-publitsistik eserler / haz. T. Kirimov. Simferopol: QCI «Qırımdevoquvpedneşir» neşriyatı», 2012. 716 s.; Юксель Г. Крымскотатарская пресса конца 1910-х – начала 1930-х гг: организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты. Монография. Симферополь: «Крымучпедгиз», 2014. 170 с.; Керимов И. Дженктен эввельки кырымтатар магбуаты. Монография. Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. 268 с.

¹ Полное имя писателя. – Т.К.

Творчество А. Кадризаде оставило заметный след в крымскотатарской литературе. Он известен как талантливый исследователь, поэт, публицист и переводчик. В частности, Кадризаде перевел на крымскотатарский язык романы Э. Золя «Деньги» (1930), Р. Джованьоли «Спартак» (1930) и М. Шолохова «Поднятая целина» (1934). Творчество писателя, как отмечают современные исследователи, представлено не только переводами, но и множеством научных статей и поэтических произведений. Большая их часть была опубликована в таких национальных периодических изданиях на крымскотатарском и азербайджанском языках, как: «*Terciman*» («Переводчик»), «*Füyüzat*» («Благо»), «*Millet*» («Нация»), «*Yeñi dünýa*» («Новый мир»), «*İleri*» («Вперёд»), «*Közüydin*» («Благая весть»), «*Oquv işleri*» («Дела просвещения»)¹. Обладая высоким поэтическим мастерством, Абдуррахман Кадризаде продолжал традиции дворцовой литературы крымского ханства, в частности, культивировал в своём творчестве такие жанры, как хронограмма (*tarih*) и пародия (*nazire; taqlid*). В сохранившейся дневниковой тетради автора, содержится около сорока поэтических хронограмм-элегий. Эти элегии посвящены памяти близких родственников, известных политических и общественных деятелей, служителей культа, а также преподавателей медресе². В тетради также пред-

¹ Керимов И.А. Абдуррахман-Рахми Къадризаденинъ белли олмагъан бир ильмий язысы // Ученые Записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2023. № 2. С. 62–65.

² Джавтобели З. Терджимеджи ве эдебиятчы. / Эдебият севдалары (Эдебий макъалелер). Ташкент: «Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты», 1983. 128 с. С. 69–77; Къадризаде Ш. Къадризаде ве онынъ деври // Йылдыз. 1990. № 6. С. 125; Керимов И.А. Абдуррахман-Рахми Къадризаденинъ белли олмагъан бир ильмий язысы // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2023. № 2. С. 62–65; Керимов И.А. Абдуррахман-Рахми Къадризаде (1876–1938). Аяты ве фаалиетининъ эсас чизгилери // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры: сборник научных трудов. 2022. Вып. 14. С. 102–111; Абдульванов Н.Р. Къырымтатар эдебиятында тарих тышюрме санаты // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры: сборник научных трудов. 2016. Вып. 2. С. 61–68; Абдульванов Н.Р. Шейх Мехмед Факърининъ Къарасувбазардаки Текие-Хан-Джамининъ ачылшына тышюрген тарихи // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры: сборник научных трудов. 2016. Вып. 2. С. 75–82.

ставлены сатирические пародии. Например, пародия на пародию Габдуллы Тукая «*Muhammediye*» («Мухаммадия») – «*Bozahane sefası*» («Пивные посиделки»)¹, а также пародия на патриотическое стихотворение его крымскотатарского современника, поэта Джемилия Керменчикли «*Tatarım!*» («Татарин я!»). Это стихотворение было опубликовано в крымскотатарской парламентской газете «*Millet*» («Нация») под заголовком «*Kermençikliye nazire*» («Пародия на Керменчикли»)².

В качестве примера приведём в пример фрагменты стихотворений Дж. Керменчикли и А. Кадризаде:

*«Baş üstümde dolaşıyor bir bulut,
Bana deyur: «tatarlığı sen unut!».
Hayır dostum, sen bu derstden fariğ ol
Şu sözleri hatırıñda eyi tut:
«Sen ne dersen – tatar oğlu tatarım,
Tatarlıqtır mâ-bih-il iftihârım!»*

*Lâtif bahâr rüzgârı küerse,
Dört taraftan accı yeller eserse,
Yerler, kökler, dağlar, taşlar, deñizler
Yüz çevirüp yollarımı keserse,
Yol aramam ortalıqta yatarım,
Ama derim: «tatar oğlu tatarım!».*

*Qorquñç şemşek hiç durmayup çaqarsa,
Her taraflı yıldırımlar yaqarsa,
Biñ yıl yağmur, burçaq, qar, buzlar yağup,
Düşen seller ortalığı yıqarsa,
Yükselirim, alçalırım, batarım,
Yer altına kirsem, yene tatarım...»³.*

¹ *Çirki. Bozahane sefası* (Тоқаяның “Muhammediye”ge naziresine nazire) // Közaydın. 1927. No. 5. S. 4.

² *Eski Qırımli. Kermençikliye nazire* // Millet. 1918. No. 128. Oktâbr 21.

³ *Kermençikli C. Tatarım* // Millet. 1918. No. 124. Oktâbr 16.

(«Над головой моей кружит туча,
Твердит мне: «Забудь про татарство!»
Нет, друг мой, пусть [мысль о том] тебя не заботит,
Запомни лучше вот эти слова:
«Что ни говорил бы ты, татарин, татарина я сын!
Татарство – гордость моя!»).

Если рассердится нежный, весенний зефир,
Со всех сторон задуют жгучие ветры,
Земля, небеса, горы, камни и моря
Отвернутся от меня, встанут на пути моем,
Я не буду искать пути иного, упаду посреди [них],
Но [твердо] скажу: «татарин, татарина я сын!

Если зарницы [по небу разольются] ужасными огнями,
И молнией вокруг все будет сожжено,
Веками будут рушить все –
Дожди, снега и сели...
Я буду падать и вставать, [снова] вязнуть,
Сквозь землю провалюсь, но татарин я вновь останусь!..»)¹.

Дж. Керменчикли в стихотворении «*Tatarım!*» («Татарин я!») с гордостью провозглашает свою принадлежность к татарскому народу, выражая глубокую привязанность к его истории и предкам. Произведение проникнуто торжественным пафосом героизма; яркие образы противопоставляют непоколебимую веру поэта в национальную идентичность стихийным силам природы. Рефрен «*Tatarım*», заключающий строфы, усиливает основную идею стихотворения, придавая каждому эпизоду идеологическое значение. Таким образом, слово «*Tatar*» в произведениях Керменчикли трансформируется в символ народности, становясь средством выражения национального самосознания крымскотатарского народа.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

Контекст стихотворения отражает политическую обстановку революционного времени, характеризующуюся, в частности, дискуссиями крымскотатарской интеллигенции вокруг официального языка печати, а также поисками корней своей идентичности в контексте тюркского мира. Дж. Керменчикли, разделяя идею единства тюркских народов, выбирает путь, основанный на опыте и авторитете газеты «*Terciman*» («Переводчик») и ее издателя И. Гаспринского. Об этом также свидетельствует его стихотворение «*Ben bir türküm!*» («Тюрок я!»). В знак преданности Родине и народу он также подписывается псевдонимом «*Qırımlı*» («Крымский»)¹.

Отрывок из поэтического произведения «*Kermeñikliye nazire*» («Пародия на Керменчикли») представляет собой сатирическую реакцию на стихотворение «*Tatarım!*» («Татарин я!»). В нем автор, Абдуррахман Къадризаде, под псевдонимом «*Eski Qırımlı*» («Старокрымец»), вероятно, чтобы подчеркнуть свои традиционные взгляды, утрирует моральные ценности Дж. Керменчикли и высмеивает его чрезмерный «национализм». Обращаясь к опубликованным в газете «*Millet*» («Нация») вышеупомянутым стихотворениям, он выражает свой скептицизм в отношении патриотизма Дж. Керменчикли, считая его излишне эмоциональным, непоследовательным во взглядах и убеждениях. Сохраняя стиль композиционного построения оригинала стихотворения, А. Кадризаде изображает лирического героя и его идеи сквозь призму гротеска и сарказма.

«...*Cümle alim kelip beni dögseler,
 Dişlerimi birer-birer sökseler,
 Közlerime qara buber ekseler,
 Her yanımı bir tarafa çekseler,
 Yayğara ile her tarafa tutarım,
 Tepinerek bağırırım: «Tatarım!..»*

¹ *Qırımlı*. Ben bir türküm // Millet. 1918. No. 95. Avgust 19.

*İlm ve fenni eki kapıge almam,
İnat edüp ne söylemeler qanmam.
Tatarlığa sarılırım dört elle,
İnatlıqta kimseden kerî qalmam.
Qayalar kibi ant ederim tutarım,
Tatarım ben, tatarım ben, tatarım.*

*Anam, babam cümle benden küsseler;
Sopalarla vücudımı ezsele;
Yene dönmedigim körüb sözümden,
Çeküp dilimi bir qarış kesseler;
Biñ bir türlü işaretler yaparım,
Añlatırım işaretle: «Tatarım!...»¹.*

(«...Если все учёные, собравшись будут колотить меня,
Один за другим будут зубы выбивать,
В очи – чёрный перец сеять,
Швырять тело будут по углам,
Всю округу оглушив великим ором,
В бешенстве яростном буду кричать: «Татарин я!»)

Гроша не стоят наука и искусство,
Не верю я словам, стою на своём
Всем телом укрывши татарство.
В упрямстве нет равных мне,
Я неподвижной скалой стою на своём –
Татарин я, татарин я, татарин!

Если разом мать и отец, обозлившись на меня,
Изнурят дубинами мой стан,
И отчаявшись моим упорством,
Выкрутят и вырежут язык мой,
Я сотни жестов применю,
Я жестами своё «татарство» докажу!...»).

---

¹ *Eski Qurımlı*. Kermençikliye nazire // Millet. 1918. No. 128. Oktâbr 21.

В стихотворении-памфлете А. Кадризаде «*Soñ ğayret*» («Последнее усилие») также освещаются важные события в истории крымскотатарского национально-демократического движения. Поэт упоминает созыв 25 марта 1917 года I Всекрымского мусульманского съезда, на котором был учреждён Крымский Мусульманский Исполнительный Комитет (Мусисполком). Основные задачи Мусисполкома заключались в формировании органов местного самоуправления, проведении реформ в сфере национального образования, реорганизации духовного управления и управления вакуфными землями. Председателем Комитета и муфтием мусульман Крыма был избран Номан Челебиджихан. Это был молодой политик и общественный деятель, сочетавший в себе прогрессивные европейские взгляды и верность традиционным мусульманским ценностям. В своём стихотворении А. Кадризаде критикует действия угнетателей народа – прежних служителей царской власти – консервативного мусульманского духовенства и мурзачества (крымскотатарского дворянства), используя для этого иронические высказывания. Здесь, также упоминается арест Н. Челебиджихана большевистской контрразведкой 23 июля 1917 года. Арест был воспринят крымскотатарским народом как попытка подавления его политического самосознания и вызвал массовые протесты и демонстрации по всему Крыму.

*«Milliy sülukler mart yigirmi beşte ölmüşti,
Kelmüşti tatarıñ o soluq beñzine qanlar.
O müstebdiler zümresi artıq kömülmüşti,
Mesrur ve handan olmuş edi hep müslümanlar.*

*Lâkin yılannıñ, bilmeli, bir adeti vardır,
Başını ezseñ de, yene birden bire ölmez.
Mağlup olursa müstebdi, qabil degil bilmez,
Soñ ğayreti eyler ve der: «Ölmek bize ardır!».*

*İşte, bunuñçüнди keçende müftiye hamle,
Soñ hamlesiydi bunlarıñ şımdı o alçaqlıq,
Çıqtı faqat, bundan tatarıñ yüzüne aqlıq.*

*Ğayriy çekil millet yolundan, ey, deni cümle!
Cığner seni millet, ezer, qalmaz eser senden.
Nefret saña, nefret saña, lânet saña benden»¹.*

(«Народные угнетатели сгнули двадцать пятого марта,
Измученные лица татар вновь засияли пламенем жизни
Племя тиранов погребено навсегда,
Отныне мусульмане ликуют счастью своему;

Однако нрав змеи остаётся коварным и упрямым,
Ей голову раздавишь, но она не умирает мгновенно.
Поверженные тираны также, не спешат сдаваться,
Из последних сил сопротивляются, считая смерть позором;

Оттого произошло посягательство на муфтия,
Этот удар – их последний и крайне низкий,
Из этого случая татары извлекли ценный урок;

Уйдите с пути народа, о, вы презренные!
Народ разнесет, раздавит, и следа не оставит от вас.
Презрение вам, отвращение к вам, проклятие вам от меня!»).

В данном поэтическом произведении Абдуррахмана Кадризаде, образ угнетателей представлен через метафоры паразитических пиявок, истощающих жизненные силы народа, и змей, которые, будучи поверженными, продолжают представлять угрозу. Пиявки символизируют жадность и корыстолюбие, в то время как змеи олицетворяют коварство и скрытую опасность. Автор, используя иронию, сарказм и проклятия в адрес врагов, подчёркивает их бессилие перед силой народа и выражает глубокое презрение к ним. Экспериментируя со способами выражения мыслей и эмоций, автор использует сонетную форму, переосмысливая традиционные каноны и внося в неё свои собственные художественные приёмы.

¹ Qadrizade A. Soñ ğayret // Millet. 1917. İyül 31.

В результате, стихотворение обретает особую эмоциональную силу и динамику, становится не только историческим документом, но и ярким художественным высказыванием, воплощающим дух сопротивления крымскотатарского народа.

Едкий сарказм Абдурахмана Кадризаде, направленный против деспотов народа, сменяется иронической насмешкой и чёрным юмором. В таких поэтических произведениях, как «*Çirq-mırqı, mırq-çirqı?*» («Чирк-мирк или мирк-чирк?»), «*Bühtan belâ*» («Никчемная беда»), «*Mıñıqnın hacılığı*» («Паломничество кота»), «*Taqsim dersi*» («Урок справедливого раздела»), «*Üyleniv*» («Женитьба»), «*Ağırliqtan qurtarılgan*» («Освободился от бремени»), «*Köylü ve ırğat*» («Крестьянин и батрак»), «*Bazırgân ve hammal*» («Купец и носильщик») поэт мастерски описывает жизненные ситуации, полные поучительных моментов, в которых оказывается крымский татарин. Через призму повседневных переживаний своих персонажей он поднимает важнейшие социальные и моральные вопросы, напоминая читателям о ценностях, которые являются основой человеческого сосуществования: толерантности, равенства, честности, а также справедливости. Каждое его произведение является не просто художественным высказыванием, а глубоким философским размышлением, отражающим душу народа. При этом Кадризаде находит баланс между комическим и трагическим, создавая многослойные образы, которые надолго остаются в памяти читателя. Используя художественные приёмы, характерные для сказок, басен и анекдотов (аллегория, иносказание, олицетворение, гротеск, неожиданность), поэт создаёт ряд сатирических типажей: привередливая невеста, глупый торговец, похотливый мулла, горемычный сохта, «справедливый» тиран, скупой купец и носильщик и др.

Рассмотрим яркий пример использования чёрного юмора в анекдотическом стихотворении А. Кадризаде «*Ağırliqtan qurtarılgan*» («Освободился от бремени»). В произведении изображается драматичная борьба человека со стихией на фоне разбушевавшегося моря. Попав в сильный шторм, путники в

парусной шлюпке оказываются на грани гибели. Поэт детально передаёт ужас и отчаяние людей, оказавшихся во власти беспощадных волн: ураган рвёт паруса, гигантские волны, подобные горам, обрушиваются на судно. Шлюпка то вздымается на гребне волны, то скрывается в её глубинах. Путники, охваченные страхом смерти прощаются друг с другом. Однако в этот критический момент капитан сохраняет хладнокровие, так как понимает, что для спасения судна и людей необходимо избавиться от лишнего груза. Путники, осознавая серьёзность ситуации, без колебаний бросают свои вещи в море, жертвуя материальными ценностями ради спасения. В контексте напряжённой драматической ситуации автор, желая «смягчить» мрачные краски, вводит ироничную реплику: «*Balıqlar da quvanşa, körüp bunda yemini*» («Рыба тоже радуется, видя здесь свою добычу»). Этот контрастный элемент поэтического повествования подчёркивает абсурдность ситуации. В заключительной части стихотворения автор полностью раскрывает свой замысел, демонстрируя трагикомизм происходящего.

*«Bir yolcuniñ bar eken, bir caris bir qarısı,
Keçe eken qavğaman ömüriniñ yarısı.
Haman yolcu qarısın belden quçaqlap tuta,
Bir hamlede qaldırıp, tap deñizge fırlata.*

*Her kes qorqup bağıra, kapitan da cekire,
– Ne yaptın sen, şaştıñmı? – dep, yolcuğa ökiire.
Yolcu sıqmay hiç özüñ: – Men sözüñni tuttum... – dey.
Ağırılığım bu edi, qaldırdım da, attım!.. – dey»¹.*

(«Был путник с женой – настоящей мегерой,
С ней половину жизни [он] в ссорах провёл
Он [крепко] схватил её за пояс,
И в море бросил, одним [отчаянным] движением.

¹ Qadrizade A. Ağırılıqtan qurtulğan. Közaydın. 1928. No. 26. S. 6.

Все в ужасе закричали, капитан же, в ярости, воскликнул: «Что ты наделал, безумец?», – срываясь на крик. Путник ответил равнодушно: «Я лишь приказ исполнял, это и есть моя ноша!».

Интерес представляют сатирические стихотворения А. Кадризаде, такие как «*Taqsim dersi*» («Урок справедливого раздела») и «*Qart qızınıñ tüşünceleri*» («Переживания старой девы»). Следует отметить, что в литературном сборнике «*Qırımniñ cöl hayatından*» («Из жизни степного Крыма»), составленном Н. Сейтягьяевым в 2003 году, эти стихотворения были ошибочно приписаны творчеству Мемета Нузета. В ходе изучения рукописей¹ писателя и его публикаций в журнале «*Közüydin*» («Благая весть») за 1928 год были обнаружены указанные поэтические произведения, подписанные псевдонимом «*Çirki*» (москит). Согласно словарю псевдонимов крымскотатарских писателей конца XIX – начала XX веков, составленному И. Керимовым, данный псевдоним принадлежал Кадризаде². Важно подчеркнуть, что М. Нузет и А. Кадризаде были видными авторами упомянутого журнала, чьи произведения часто публиковались в одних и тех же номерах. Таким образом, даже если у современных исследователей возникают сомнения относительно возможного плагиата со стороны А. Кадризаде, можно предположить, что М. Нузет, будучи при жизни, непременно указал бы на это автору лично³.

При изучении поэтического наследия А. Кадризаде выявлена интересная деталь: язык его публицистических и поэтических материалов, опубликованных в газете «*Millet*» («Нация») – печатном органе крымскотатарского национально-демократиче-

¹ Рукопись писателя хранится в фондах Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского (Симферополь, Крым). – Т.К.

² Керимов И. Кырымтатарджа кыйын сёзлер (тахаллюслер лугъаты). Акъмесджит: Таврия, 2006. 176 с. С. 175

³ Мемет Нузет. Кырымнынъ чель аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы / терт. Н. Сейтягьяев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с. С. 128–131; Çirki. Qart qızınıñ tüşünceleri // Közüydin. 1928. No. 7. S. 5; Çirki. Taqsim dersi (balalarğa mahsus) // Közüydin. 1928. No. 27. S. 6.

ского движения в 1917–1920 годах, значительно отличается от языка сатирических произведений, представленных им в крымских периодических изданиях советского периода, например, в молодёжном журнале «*Közaydın*» («Благая весть»). В более ранних публикациях писатель использовал сложный язык с арабскими и персидскими заимствованиями, близкий к стамбульскому наречию. Впоследствии он изменил свой подход к языку, отдавая предпочтение смешанному стилю, сочетавшему элементы южнобережного (огузированной) и, главным образом, степного (кипчакизированной) диалектов крымскотатарского языка. На его лингвистические взгляды, вероятно, повлияло выдвинутое на Всекрымской лингвистической конференции 1928 года решение о создании нового литературного языка на основе среднего диалекта¹.

Например, основой для переложений социально-бытовых басен И. Крылова на крымскотатарский язык, таких как «*Taqsim dersi*» («Урок справедливого раздела»), «*Hayvanlarda qırğın*» («Мор зверей»), «*Qaşqır ve qozu*» («Волк и ягнёнок»), «*Tülkünen qarğa*» («Ворона и лисица»), послужил именно живой, близкий народу язык. Глубокое знание фольклора, языка и культуры крымских татар позволило автору удачно передать в своих переводах не только сатирический заряд басен И.А. Крылова, но и присущую им философскую глубину. Сохраняя яркость и образность языка оригинала, Кадризаде мастерски адаптировал тексты к крымскотатарскому культурному контексту, одновременно сохранив их художественную ценность и этико-дидактическое значение.

В качестве примера можно привести стихотворение-басню «*Taqsim dersi*» («Урок справедливого раздела»). В ней, как и в басне Крылова «Лев на ловле», действуют лев, волк и лиса (за исключением собаки). Истощённые голодом, волк и лиса вынуждены просить льва о приюте и, помогая ему охотиться, довольствуются остатками его обильной трапезы. Некоторое время между зверья-

---

¹ Меметов И. Периодизация истории развития крымскотатарского литературного языка // Культура народов причерноморья. 2000. № 14. С. 106–109.

ми царит идиллия, пока лев не предлагает волку разделить добычу поровну. Глупый волк, восприняв слова льва буквально, мгновенно становится жертвой мощной лапы царя зверей. Наконец, очередь «справедливого» раздела туши буйвола (в оригинале – оленя) переходит к мудрой лисе:

*«...Soñra degen tülküge: «Şindi de sen üleştir!,
Endi qaldıq ekimiz, qaşqır artıq bir leştir!»,
Tülkü bütün kevdeni bergen arslan ağağa,
Tek ayırıp saqanın degen: «Bu bolur mağa!».
Bunday taqsim arslanniñ keyfine pek yarağan,
«Kim öğretti bu işni, tülkü dost?», – dep sorağan.
Tülkü degen: «Sultanım, bilmiy edim men kendim,
Bu aqılını şu qaşqır arqadaştan öğrendim!»¹.*

(«... Тогда он [лев] молвил лисе: «Раздели же [тушу] ты теперь! Остались мы вдвоём, волк погиб, увы, поверь!»).
Лиса всю тушу льву-аге преподнесла,
Потроха оставила себе, ответив: «Мне и этого сполна!»).

Такой раздел льву очень по душе пришёлся,
«Кто научил тебя, лиса?», – спросил он с интересом.
Лиса ответила: «О, султан мой, сама не ведаю,
От волка-друга мудрость эту почерпнула»).

Данный поэтический текст наглядно демонстрирует, как персонажи басен И. Крылова обретают новые черты, характерные для культуры и быта мусульманского Востока. Лиса, следуя традициям тюркских народов, обращается ко льву с уважением, используя почётные обращения «ага» или «султан». Таким образом, перенос русских басен на восточную почву свидетельствует о стремлении А. Кадризаде к глубокому осмыслению универсальных человеческих ценностей в контексте другой культуры. В пла-

¹ *Çirki. Taqsim dersi (balalarğa mahsus) // Közaydın. 1928. No. 27. S. 6.*

не мастерства отображения поэтом-переводчиком тонкой грани между чувственной интимностью и «светской лафонтеповской» изысканностью в диалоге персонажей, более сложным, на наш взгляд, представляется сюжет басни «Ворона и Лисица». С этой задачей наиболее успешно справились упомянутые в начале статьи переводчики басен И.А. Крылова – Абдульгаффар Шейхзаде и Осман Акчокраклы (1901 год). Стремясь передать колорит и возвышенность стиля оригинала, они выбрали для перевода средневековый дворцовый стиль поэтической лексики. Текст изобилует арабскими религиозными и персидскими поэтическими терминами, архаизмами, благодаря которым речь персонажей их произведений становится утончённой и наполненной глубоким смыслом¹. В отличие от них, поэт ориентируется больше на юного советского читателя воспитанного в духе социалистического труда и классовой борьбы.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на сатирическую полемику, развернувшуюся на страницах газеты «Millet» («Нация») между А. Кадризаде и Дж. Керменчикли. Она затрагивала актуальный вопрос о языке, отражая противостояние сторонников татарского национального языка и культуры, а также пантюркистской идеи среди крымскотатарской интеллигенции в революционный период. Ключевыми фигурами, олицетворявшими эти течения, стали редакторы газеты – А. Одабаш и А. Айвазов. Первый из них, А. Одабаш, будучи сторонником пуризма, выступал за использование народного языка, очищенного от иностранных заимствований. Стремясь к созданию единой языковой нормы для письменности и литературы крымскотатарского языка, он стремился к стандартизации литературного языка, опираясь на южнобережный огузированный и степной кипчакизированный диалекты. В отличие от него, А. Айвазов, разделяя взгляды Дж. Керменчикли, был в некоторой степени последователем идеологии сближения тюркских народов, пропагандируемой Исмаилом Гаспринским в газете «Терджиман»

¹ Киримов И. Эволюция крымскотатарского художественного слова в конце XIX и начале XX вв. Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 184 с. С. 61–68.

(1883–1914). Гаспринский, выступая за использование унифицированного языка, близкого к османскому, как средства ментального объединения тюрко-мусульманского мира, стремился преодолеть языковые барьеры между различными тюркскими народами. Эта идея активно обсуждалась в крымскотатарской среде, в том числе и на страницах «Millet». Более подробно об этом мы говорили в предыдущих главах, 3.1 и 3.2.

В заключение отметим, что А. Кадризаде является продолжателем традиций сагиры крымскотатарской литературы. В сохранившейся копии рукописной тетради автора обнаружены неизвестные ранее широкой публике арабографические тексты стихотворений, написанные в средневековой поэтической форме аруз. Среди них – хронограммы, посвящённые кончине известных личностей или знаменательным событиям.

Особую ценность представляют сатирические произведения поэта: пародии, памфлеты, карикатурные зарисовки, а также переложения на крымскотатарский язык социально-политических басен И. Крылова. Опубликованные в крымских периодических изданиях 1917–1930 годов, эти произведения отличаются глубиной содержания, богатством языка и выразительной образностью. В них А. Кадризаде, посвятивший жизнь служению народу, мастерски отобразил актуальные проблемы своего времени: вопросы улучшения традиционного образования, борьбу с социальным неравенством, необходимость преодоления влияния псевдодуховенства, реформирование старой письменности и языка крымских татар. Выражая сатирический характер газетной полемики, автор часто использовал псевдонимы «*Eski Qurumlu*» (Старокрымец) и «*Çirki*» («Москит»).

Из-за недостаточной изученности некоторые поэтические произведения автора были ошибочно атрибутированы творчеству М. Нузета. В перспективе детальное изучение и расшифровка арабографических рукописей А. Кадризаде позволят существенно расширить и углубить наше понимание его творческого наследия.

РАЗДЕЛ IV

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ
И ТРАДИЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
И СУДЬБЫ**

**Spiritual and Educational Values and Traditions:
Historical Sources and Destinies**

4.1. Культурно-просветительская миссия крымскотатарской периодической печати в Крыму (1883–1944)

The Cultural and Educational Mission of the Crimean Tatar Periodical Press in Crimea (1883–1944)

Summary: *Continuing the work of our predecessors in systematizing and studying pre-war archival materials that reflect the specifics of the Crimean Tatar national-democratic movement, we conclude that the national periodical press of the pre-war and wartime periods was not merely a chronological record or an entertainment resource, but a crucial factor in shaping the ethno-pedagogical thought of the Crimean Tatars. Local press, therefore, closely monitored the interests and needs of its readers, raising topical issues aimed at overcoming socio-political and economic illiteracy in society. Specifically, these issues included ideological contradictions between the intelligentsia and clergy, the inequality of spouses within the family, linguistic and graphic rapprochement of Turkic peoples, high-quality development of new branches of civil and military spheres, and the democratization of the education system.*

For example, when examining the role of the printing press and the newspaper “Terciman” (“Translator”) in the development of Turko-Muslim printing, one cannot fail to acknowledge the significant impact of Ismail Gasprinsky’s ideas and those of his followers. When studying the evolution of Crimean Tatar national education in publications from the late 19th to the first half of the 20th century, it is important to objectively assess the situation of that time. The ambiguous political situation on the peninsula, caused by frequent changes in power, inevitably affected the quality of printed materials.

Jadidism (the ideology of Islamic modernism in the Russian Empire of the late 19th – early 20th centuries), originating from the publishing activities of Ismail Gasprinsky, had a decisive influence on the development of the Crimean Tatar press. The socio-political newspaper “Millet” (“Nation”) is of particular interest from the perspective of

educational activities. Abibulla Odabash was one of the prominent and prolific authors of the publication. Later, as an influential employee of the People's Commissariat of Education of the Crimean ASSR, Odabash developed a system of education in the native language for many years and compiled an extensive terminological dictionary for personal use. Through the language of his journalistic and literary works, he sought to simplify communication among compatriots, understanding that with the growth of culture, the nation's needs for mastering new areas of knowledge also increase. The prominent Turkologist B. Chobanzadeh also emphasizes the exceptional importance of developing national terminology. In his opinion, terms perform a dual function: scientific and educational. Without terms, as the researcher notes, it is impossible to conduct scientific research and teach in schools. This problem is acutely felt in modern Crimean Tatar schools, where the native language is primarily used in Crimean Tatar language and literature classes. Other subjects, due to the insufficient development of the terminological base, are taught in Russian. In this context, the newspaper "Azat Qırım" ("Free Crimea") published in Crimea from 1942 to 1944, is a valuable source for scholars. Its pages actively promoted the revival of lost spiritual values, and special attention was paid to the culture of Crimean Tatar speech. Almost every issue featured a Crimean Tatar-Russian military terminological dictionary. To assist teachers and students, materials of educational programs in various disciplines and works by Crimean Tatar cultural figures were printed.

The problem of education, which was the core of the pre-war Crimean Tatar periodicals, remains relevant today. Turning to primary sources allows us to find valuable recommendations for the revival of national science and culture of the Crimean Tatar people in modern conditions. This testifies to the foresight of both individual cultural figures and the entire people, who have influenced the development of Turko-Tatar civilization.

Продолжая работу предшественников над систематизацией и изучением довоенных архивных материалов, отображающих

специфику крымскотатарского национально-демократического движения, мы приходим к выводу, что национальная периодическая печать довоенного и военного времени является не только хронологическим вестником или развлекательным источником, но и главной составляющей формирования мусульманской этнопедагогической мысли в Крыму. Таким способом, местная пресса обстоятельно анализирует интересы и потребности подписчиков. В ней поднимаются важные темы, призванные предупредить и преодолевать социально-политическую и экономическую малограмотность социума. Это, в частности, такие вопросы как идеологические противостояния между интеллигенцией и духовенством; неравноправные взаимоотношения супругов в семье; языковое и графическое сближение тюркских народов; качественное освоение новых отраслей гражданского и военного дела; демократизация образования. Например, говоря о роли типографии и газеты «*Terciman*» («Переводчик») в развитии тюрко-мусульманского печатного дела, мы не можем оставить без внимания внушительную масштабность влияния идеологических воззрений Исмаила Гаспринского и его сподвижников. Начатая им культурно-просветительская миссия, прежде всего, предполагала гуманизацию образования в кругу магометан, проживавших на территории Российской Империи. Вспомним о большой популярности первых в Крыму школ, основанных на новом звуковом методе обучения грамоте «*Усул-и савти*». Посредством печатного органа «*Terciman*» («Переводчик») И. Гаспринский произвёл эффект разорвавшейся бомбы и пошатнул устоявшиеся представления о национальном образовании тюркоязычных народов.

Более того, волна джадидского движения в определённой степени активизировала национально-освободительскую борьбу и других этносов, в частности таджиков. Этническая таджикская интеллигенция в конце 20-х гг. XX века после продолжительной полемики между младобухарцами и младотурками по поводу национального самосознания, территориальной суверенности и угрозы исчезновения родного языка вынуждена была признать пантюркистские концепции джадидизма чуждыми. М. Абдуллаев

в докторской диссертации «Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике» замечает, что жёсткая, непримиримая критика пантюркизма в таджикской публицистике является одной из особенностей формировавшейся тогда новой таджикской идентичности¹.

В процессе исследования эволюции крымскотатарского национального просвещения в довоенных изданиях конца XIX и первой половины XX века необходимо справедливо оценивать ситуацию изучаемого периода. Дело в том, что довольно неоднозначная политическая ситуация на полуострове, обусловленная постоянной сменой власти, отражалась и на качестве печати. С целью осмысления темы, обозначим основные вехи крымскотатарской печати в Крыму додепартационного периода:

1. Периодическая печать времен царской власти: «*Tonğuç*» («Первенец»), «*Terciman*» («Переводчик»), «*Alemi nisvan*» («Женский мир»), «*Alemi sübyan*» («Детский мир»), «*Ha-ha-ha*» и др.;

2. Издания, публикующиеся после октябрьского переворота, начиная с 1917 до начала 1940-х гг.: «*Qırım ocağı*» («Очаг Крыма»), «*Millet*», («Нация»), «*Крым*», «*Haq ses*» («Голос правды»), «*Qırım müsülmanları*» («Мусульмане Крыма»), «*Yeşil ada*» («Зеленый остров»), «*Bilgi*» («Знание»), «*Yeñi dünya*» («Новый мир»), «*İşçi halq*» («Рабочий народ»), «*Al bayraq*» («Красное знамя») и др.;

3. Пресса военного периода начиная с 1942 по 1944 г.: «*Qızıl Qırım*» («Красный Крым»), «*Azat Qırım*» («Освобожденный Крым»), «*Ana yurt*» («Отчизна») и др. По разным подсчетам специалистов за обозначенный период в Крыму было выпущено не менее 100 наименований многотиражных газет и журналов. Они публиковались преимущественно на крымскотатарском языке арабской, латинской и кириллическими шрифтами². Среди них

¹ Абдуллаев М. Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике (конец XIX – первая половина XX веков) // Автореф. дис. ... д. филол. н. Душанбе, 2011.

² Селимова Л. Кырымтатар миллий матбуаты тарихына бир назар. Акъмесджит: Оджакъ, 2008. 121 с.

можно встретить и образцы рукописных студенческих стенных изданий. Например, это сохранившийся до наших дней номер каллиграфически оформленного литературно-просветительского журнала «*Nenkencan*» («Ненкенджан»). Яркий лозунг на фоне одетой по-европейски молодой учительницы с учебниками в руках, гласит следующее: «*Oquyıcılarınıñ faidesini tüşünir, oqumağanlarını da unutmaz ayılıq jurnalıdır*» («Ежемесячный журнал, заботится о пользе читателей и не забывает о тех, кто еще не умеет читать»). Первый номер рукописного журнала датируется 1922 годом.

Джадидское движение, берущее начало с издательской школы И. Гаспринского, оказало основополагающее влияние и на дальнейшее развитие крымскотатарской этнической прессы. Весьма интересной с точки зрения просветительской деятельности является общественно-политическая газета «*Millet*» («Нация»), учреждённая Временным Крымским мусисполкомом в 1917 году. Одним из ярких и плодовитых сотрудников издания является А. Одабаш. В будущем, влиятельный работник Наркомпороса Крымской АССР Абибулла Абдурешитоглу Одабаш на протяжении многих лет разрабатывая систему обучения на родном языке, составил для личного пользования объёмный терминологический словарь¹. Посредством языка публицистических и художественных произведений он стремится облегчить коммуникативные связи соотечественников. Так как хорошо понимает, что с культурным ростом резко возрастают и потребности нации в освоении новых отраслей. Ведь страницы газет того времени пестрят сообщениями об открытии новых учительских школ, профессиональных курсов, пансионов, гимназий, прогимназий, институтов, а также домов-читален. Например, возьмем объявление в газете «*Millet*» («Нация») за 1917 год «*Tatar tayyare mektebi*» («Татарская авиационная школа»), где сообщается об открытии лётных курсов. Но ввиду недостаточной укомплектованности квалифици-

---

¹ Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): Библиографический словарь / сост. Д.П. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. С. 148–151.

рованных кадров организатор в лице директора внешних и военных дел Дж. Сейдамета также объявляет конкурс опытных летчиков¹.

Видный учёный-тюрколог Бекира Чобанзаде подчёркивает исключительное значение формирования национальной терминологии. Термины, по его мнению, имеют двойную направленность. Во-первых, как утверждает языковед, они имеют научное значение, а во-вторых, педагогическое. Без терминов, констатирует исследователь, писать научные книги и преподавать в школах мы не можем². Настоящая проблема остро ощущается в современных крымскотатарских национальных школах, где родной язык звучит лишь на уроках крымскотатарского языка и литературы. Остальные дисциплины ввиду малой разработанности терминологического аппарата читаются на русском языке. В этом плане ценным источником для учёных является и газета «*Azat Qırım*» («Освобождённый Крым»), издающаяся в Крыму с 1942 по 1944 гг. На её страницах ведётся активная пропаганда воссоздания утраченных духовных ценностей. Культуре крымскотатарской речи уделяется особое место. Практически в каждом номере блоками размещается военный крымскотатарско-русский терминологический словарь. В помощь учителям и школьникам публикуются материалы учебных программ по различным дисциплинам, культурологические произведения крымскотатарских деятелей искусства, в частности, таких как М. Куртиев, Н. Сейдаметов, Э. Грабов, М. Севдияр (Решат Мемет), А. Куркчи (А. Зехни) М. Велиджанов, Э. Герайбай, Конакбай и др. В их трудах часто освещаются проблемы пунктуации, орфографии литературного языка и его места в жизни национального сообщества, в деятельности театра, школ, мусульманских религиозных общин на по-

---

¹ Tatar tayare mektebi. İlân // Millet. 1917. No. 131. Dekabr 18.

² Первый всесоюзный тюркологический съезд (26 февраля – 5 марта 1926 г.). Стенографический отчет. Баку: «Бакинский рабочий», 1926. 432 с. С. 191.

луострове¹. Комментируются условия формирования творческих личностей во времена массовых гонений крымскотатарской элиты в 1937–1940-е годы. Примечательной является серия мемуарных статей директора Симферопольского татарского театра Эбадуллы Грабова, где он описывает картину истязаний и пыток заключённых в застенках НКВД². Из-за специфичности материалов до сегодняшнего дня мало кто брал на себя ответственность публично анализировать вышеупомянутое периодическое издание. Из таких можно указать имена следующих авторов: Н. Наумова, В. Гуркович, Н. Кисилева, А. Шемьизаде, Н. Яблоновская.

Например, Н. Яблоновская, исследовательница эволюции крымскотатарской этнической печати, довольно аккуратно и рассудительно подходит к освещению вопроса об идеологической установке журналистов редакции «*Azat Qırım*» («Освобождённый Крым»). В то же время сетует на языковой барьер³. На самом деле, язык указанной газеты по сравнению с другими национальными изданиями достаточно упрощен и больше напоминает современный крымскотатарский литературный язык. Здесь, по возможности меньше используются малопонятные простому читателю арабские и персидские заимствования, но не настолько, как выражается автор статьи «*Bizim tilimiz*» («Наш язык») Конакбай, чтобы вместо них употреблять русскоязычные слова, то есть повторять путь советских СМИ⁴.

¹ *Zehni A. Gazetamıznıñ tili hususunda // Azat Qırım. 1943. No. 17. Fevral 27; Vacip. Edebiy til meselemiz // Azat Qırım. 1943. No. 18. Mart 2; Seydametov N. Tilde, işte, fikirde birlik olmalı! // Azat Qırım. 1942. No. 18. Mart 24; Qırımtatar edebiy tiliniñ imlâ qaideleri // Azat Qırım. 1942. No. 62. Avgust 25, No. 63. Avgust 28; Qırımtatar tiliniñ elifbesi // Azat Qırım. 1942. No. 62 Avgust 25; Kursant. Ana tili ve milliy terbiye unutulmasın // Azat Qırım. 1942. No. 74. Oktâbr 8; Qırımtatar başlanğıç mekteplerinde tatar tili dersleri programması (1942–1943 oquv senesi) // Azat Qırım. 1942. No. 76. Oktâbr 13, No. 77. Oktâbr 16, No. 78. Oktâbr 20, No. 79. Oktâbr 23, No. 80. Oktâbr 27; M.Q. Din ve medeniyet yolunda vazifelerimiz // Azat Qırım. 1942. No. 86. Noyabr 17.*

² *Grabov E. Biñde biri // Azat Qırım. 1942. No. 49. İyül 11.*

³ *Яблоновская Н. Оккупационная газета «Азат Кърым» (1942–1944): национальная пресса в контексте информационных войн. URL: <http://turkolog.narod.ru/info/1456.htm>*

⁴ *Qonaqbay. Bizim tilimiz // Azat Qırım. 1943. No. 20. Mart 9.*

Проблема коммуникативно-информационного барьера, связанная как с национальным языком, так и непосредственно с графикой, сопровождала «*Azat Qırım*» («Освобожденный Крым») в течение всего времени его существования. Известно, что крымскотатарская письменность, начиная с 1928 по 1938 год, неоднократно подвергалась реформе. Естественно, это влияло на уровень как социально-экономической, так и культурно-политической грамотности мусульманского населения Крыма. Причины отказа от арабской письменности, а также историю освоения латинской графики в Крыму можно подробно проследить на полосах печатного Органа ОКВКП(б) Крымского ЦИК и Крымского Профсовета «*Yeñi dünya*» («Новый мир»). Являясь главным популяризатором латинской письменности среди крымских татар, живущих не только на полуострове, но и за рубежом, газета продолжает работу по воспитанию нового европеизированного типа тюрко-мусульманского социума. Приводит весомые аргументы перспективности нового алфавита на пути к прогрессу, сплочению тюрков, и наконец, их самоутверждению в письменности как самостоятельных национальностей. Свидетельством этому служат публикации стенограмм выступлений на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку (1926) таких известных в академических кругах личностей как Б. Чобанзаде, О. Акчокраклы, А. Айвазов, М. Недим, И. Леманов, А. Одабаш¹. Сюда можно отнести информационные заметки, письма, отзывы и объявления с такими красноречивыми заголовками как «*Bağçasarayda latin elifbası*» («Латинский алфавит в Бахчисарае»), «*Bizler de latincilik tarafdarıyız*» («Мы тоже сторонники латиницы»), «*Latin harfleri qabul etmeli, etmemeli?*» («Принимать или отвергать латинский алфавит?»), «*Latincilik etrafında*» («Вокруг латиницы»), «*Yeñi elifba*

---

¹ Qırımdan türkoloji syezdine kettiler // *Yeñi dünya*. 1926. No. 43. Fevral 21; Nedim M. Türkoloji konferentsiyası // *Yeñi dünya*. 1926. No. 53. Mart 5; Birinci türkoloji kongresi // *Yeñi dünya*. 1926. No. 60. Mart 14, No. 61. Mart 16.

ve qarayimler) («Новый алфавит и караимы»), «*Qarayimler ve latin elifbasi*» («Караимы и латинская графика»)¹

Успех развернувшейся масштабной кампании по переходу на латиницу большинством крымскотатарской интеллигенции рассматривался как гарант национального самосохранения в будущем. Настоящая проблема была актуальной и для малочисленного караимского народа. По отдельным статистическим данным в 1943 году численность караимов только в городе Евпатории составляла около 550 человек². Поддерживая демократические позиции Крымского Центрального Комитета относительно нового тюркского алфавита, караимская интеллигенция видела в крымскотатарской печати сильного донора, способного помочь её народу противостоять ассимиляции. В качестве вывода на примере газеты «*Azat Qırım*» («Освобождённый Крым») хочется обратить внимание на то, что здесь практикуется не резкая смена графики, а постепенный переход к новым требованиям. В связи с этим некоторое время в газете одновременно используется три шрифта. Таким способом печатный орган пытался сконцентрировать на себе внимание разновозрастной аудитории, в том числе оказывающейся в результате графических реформ за бортом культурной жизни.

Проблема просвещения, являясь идеологическим стержнем старой крымскотатарской национальной периодики, и по сей день остается актуальной. Вновь поднимая первоисточники, мы находим новые подсказки и рекомендации для продолжения пути возрождения национальной науки и народа в условиях современности. Таким образом подтверждается прозорливость как отдельных подвижников культуры, так и всего крымскотатарского на-

---

¹ *Boyacıyev T.* Bizler de latincilik tarafdarıyız // *Yeñi dünya.* 1926. No. 98. Aprel 30; *Bağçasarayda latin elifbasi* // *Yeñi dünya.* 1927. No. 19. Yanvar 25; *Cevdet A.* Latin harflerini qabul etmeli, etmemeli? // *Yeñi dünya.* 1926. No. 138. İyün 19; *Qarayimler ve latin elifbasi* // *Yeñi dünya.* 1927. No. 16. Yanvar 20; *Musanif Ya.* Latincilik etrafında // *Yeñi dünya.* 1926. No. 268. Noyabr 19; *Haberci.* Yeñi elifba ve qarayimler // *Yeñi dünya.* 1926. No. 289. Dekabr 14.

² *Qırım haberleri: Közlevenin ehalisi* // *Azat Qırım.* 1943. No. 20. Mart 9.

рода, сумевшего повлиять на ход цивилизации тюрко-татарского мира. Важно продолжать дальнейшие исследования развития национальной печати в Крыму, в частности, в период XIX–XX вв.

4.2. Проблемы утверждения принципов
толерантной педагогики в произведениях
Абибуллы Одабаша и Номана Челебиджихана

***Problems of Asserting the Principles of Tolerant Pedagogy in the
Works of Abibulla Odabash and Noman Chelebidzhikhan***

Summary: *From an ethnopedagogical perspective, the creation of a tolerant educational environment is a crucial component of organizing the educational process, influencing the quality, dynamics, and content of education in schools at various levels. Analyzing the specifics of the emergence and development of a culture of non-violent national upbringing among Crimean Tatars primarily involves turning to the oral and written monuments of the people's cultural heritage. In this context, the prospect of identifying and introducing previously little-known archival materials into scholarly circulation opens up.*

The educational ideal of Crimean Tatar writers and educators is based on a system of values that includes both universal and national values. For example, A. Odabash often refers to the pedagogical experience of Western European thinkers such as Jean-Jacques Rousseau, Johann Heinrich Pestalozzi, and Friedrich Frobel. Presenting readers with the creative legacy of these innovative educators, he strives to emphasize the importance of the relationship between teacher, student, and parents. Odabash also seeks to reveal the phenomenon of moral upbringing and education of children as a foundation for building a future society free from evil and violence. In this regard, he cites Switzerland as an example, where, in his opinion, prosperity and peace have been achieved thanks to care for the younger generation. It can be argued that the pursuit of non-

violence unites and brings together progressive authors. Despite the geographical and chronological distance, they unanimously express concern about the complexity of transforming the established authoritarian education system, drawing inspiration, as Froebel notes, from contemplating the first results of years of pedagogical efforts – the blossoming shoots of national and cultural progress.

It is known that with the election of N. Chelebidzhikhan as the head of the Crimean Tatar Muslim Executive Committee in 1917, the issue of education and upbringing acquired the status of state importance. Thus, at the meeting of the 1st National Crimean Tatar Kurultay (Parliament), projects for the creation of educational institutions, as well as healthcare facilities, hotels, and pension funds for teachers and their families were discussed. As reported in one of Chelebidzhikhan's speeches, participants in the fight against violence should include not only teachers but also the entire people, who for many years were deprived of the right to freedom. National schools were closed, and progressive teachers-patriots were subjected to repression.

While studying at one of the Istanbul universities, N. Chelebidzhikhan published his well-known prose work "The Prayer of Swallows" in the youth collection "Young Tatar Writers." In this work, which partly echoes Alphonse Daudet's philosophical work "The Last Class," the author demonstrates scenes that deliberately expose the hidden problems of the outdated school system. He criticizes voluntaristic approaches to teaching methods in private educational institutions. Through the power of literature, Chelebidzhikhan substantiates the idea that violence breeds further violence.

Thus, the analysis of the literary and journalistic legacy of A. Odabash and N. Chelebidzhikhan demonstrates that Crimean Tatar literature during their literary period made a significant contribution to the artistic understanding and development of the theoretical foundations of the pedagogy of non-violence. The critical rethinking of the ideas of non-violent upbringing and education through the prism of the literary and pedagogical concepts of

prominent representatives of Crimean Tatar classical literature of this historical period opens up new perspectives for the study of ethnopedagogy.

С точки зрения этнопедагогики формирование условий толерантной среды является одним из компонентов организации учебного процесса, оказывающего влияние на качество, динамику, сущность образования в школах различных степеней. Анализ специфики зарождения и формирования культуры свободного от насилия национального воспитания крымских татар, прежде всего, подразумевает обращение к устным и письменным памятникам культурного наследия народа. Здесь мы видим перед собой перспективу выявления и введения в научный оборот доселе малоизвестных архивных материалов.

Вопросы толерантной педагогики получили своё теоретическое обоснование, в частности, в трудах В. Маралова, В. Ситарова, А. Козловой¹. Содержание их исследований, сводящееся к разбору основных понятий, ведущих принципов, современных технологий образования, находит продолжение в диссертации Н. Климовой «*Культура ненасилия в истории русской педагогической мысли: 60-е гг. XIX – нач. XX вв.*»². Автор диссертации предлагает рассматривать теорию педагогики ненасилия на уровне генезиса, путем хронологически последовательного изучения соответствующих тенденций от их зарождения и последующего развития до настоящего состояния. Такой метод предполагает комплексное осмысление генеалогического кода этносоциума в условиях динамической трансформации морально-

---

¹ Козлова А. Теоретические основы педагогики ненасилия. Дис. ... к.пед.н. СПб. 1997. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/teoreticheskie-osnovy-pedagogiki-penasilija.html>; Маралов В., Ситаров В. Педагогика и психология ненасилия в образовании: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. 424 с.

² Климова Н. Культура ненасилия в истории русской педагогической мысли: 60-е гг. XIX – нач. XX вв. Дис. ... к. пед. н. Калуга. 2009. URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/tradicija-penasilija-v-istorii-russkoj-pedagogicheskoj-mysli-60-e>

этических ценностей на том или ином историческом отрезке времени.

Обращаясь к вопросу отражения идей ненасилия в литературно-педагогических исканиях деятелей крымскотатарской культуры конца XIX – начала XX вв., мы сближаем границы различных междисциплинарных связей между искусством и литературой, педагогикой и этикой, философией и историей. Эти дисциплины призваны дополнять друг друга, освещать проблему с различных ракурсов. Порой исследователь как историк национальной педагогики сталкивается с интересными биографическими артефактами. Как, например, это произошло в научной практике Д.П. Урсу. Профессор, восполняя пробелы в изучении биографии классика крымскотатарской литературы, авторитетного педагога 1920–1930-х гг. Абдуллы Лятифзаде, неожиданно открывает для себя другую творческую личность, «полного тѣзку» поэта, но уже художника¹. Жизненный путь двойников, продолжает историк, не пересекался, может быть, они и не знали о существовании друг друга. Их судьбы – это, в сущности, судьба всего крымскотатарского народа, пережившего за четверть века столько горя и страданий, сколько другие народы не знали многие столетия. Оба познали ужасы сталинских репрессий. И так, художник был брошен в концлагерь в первую волну террора (1930), поэт же пал под пулями палача в 1938 году².

Обратимся к творческим исканиям талантливого деятеля литературы и просвещения Абибуллы Одабаша, который также не смог миновать расправы красного террора. Он за «антисоветскую» агитацию был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Правда, около года находясь в камере смертников в

---

¹ *Лятиф-заде Абдулла Мурадович* (1888–1955), крымскотатарский художник, педагог. с 1921 по 1924 гг. – смотритель Юсуповского дворца в Коккозе. в 1930 г. арестован за антисоветскую деятельность и осужден на 10 лет лагерей. в последние годы проживал в харьковской области / Абдуллаев И. крымский голодомор: положение Коккозского района катастрофическое. URL: <http://www.goloskrima.com>

² *Лятиф-заде А. Хаял* – Омюр: макъалелер ве шиирлер джыйынтыгы / терт. Ш. Юнусов. Акъмесджит: Таврия, 2005. 120 с.

Бутырке, внезапно был переправлен в Соловецкие лагеря на 10 лет. Борец за национальную свободу призывает молодёжь к культурному возрождению, к единству тюркских народов, доказывает необходимость перенимать знания у Запада¹. Воспитательный идеал крымскотатарских писателей-просветителей состоит из системы ценностей, основывающейся как на общечеловеческих, так и национальных достояниях. Это идеологическая установка на развитие и формирование успешного этноконфессионального социума на территории полуострова. Сюда входит воспитание патриотизма, восстановление суверенного государства, преклонение перед культурным наследием, отстаивание народного права и достоинства, наконец, отказ от насилия. Пропаганда отказа от различных форм принуждения и подавления личности не только ребёнка-ученика, но также и учителя, является главной чертой авторской позиции Одабаша. Посредством путевых записок, дидактических повествований, открытых писем на страницах периодической печати он стремится активизировать безучастную жизнь соплеменников, старается расширить их мировоззренческие взгляды, изменить изжившие себя принципы в системе образования национальной школы. Свидетельством этого может послужить интересный эпизод из путевых записок под названием «Школы Корбекуля». Здесь рассказывается о том, как в одной из деревень под Алуштой молодой, талантливый преподаватель Мемет эфенди помимо гуманитарных и точных наук внедряет уроки физической культуры. Но из-за непонимания местного населения он был вынужден отказаться от нововведений:

«Gimnastikanı bizim köylüler iki yaqtan begenmezler. 1. Körbekül şeriatınca bunuñ haram, günâh olması. 2. Gimnastika yapqan balalarınñ çoq ayaqqarı yıpratmalarıdır. Bunlardan birincisi için benim köydeşlerimniñ qaysı müftiden fetva alğanlarını bir türlü ögrenamadım. Din kitaplarında böyle bir şeyge rastkelmedim. Sorğan

¹ Урсу Д.П. Абибулла Одабаш. URL: http://www.crimea.ru/item_info_big.htm?id=1321

köydeşlerim de maña bu yolda bir kitap kösterip olamadılar. Yalıñız gimnastika yapqanda, balalarınñ ellerini artına-ögüne uzatmaları qazaqlarınıñ çoqunmasına oşay dep, cevap berdiler»¹.

(«Наши крестьяне по двум причинам не воспринимают гимнастику. 1. По поверию Корбекульцев – это грешное и порочное занятие. 2. У большинства детей, делающих гимнастику, быстро изнашивается обувь. Что касается первого пункта, то здесь я так и не смог выяснить, распоряжением какого муфтия они руководствуются. Единственный ответ, который они смогли адекватно сформулировать – это то, что телодвижения их детей во время выполнения гимнастики напоминают обряд крещения»)².

Писатели, освещая проблему образования крымских татар, констатируют факты открытого психологического насилия над учителями сельских школ со стороны клерикально-догматического общества. Например, упомянутый выше педагог, писатель и литературовед А. Лятифзаде в статье «*О новейшем периоде крымскотатарской литературы*», осуществляя анализ произведений деятелей культуры и литературы в 1883–1905 гг., вспоминает случай опасных препирательств между поборниками «старометодного» и «новометодного» образования³. Тогда противники инновационного европейского образования, покушаясь на жизнь Асана-Сабри Айвазова, забрасывали ночью в его окна камни весом в 35 фунтов. Чудом оставшийся в живых преданный сподвижник Исмаила Гаспринского впоследствии, в 1938 году был расстрелян сотрудниками НКВД по стандартному по тем временам обвинению в «национализме».

Абибулла Одабаш часто обращается к педагогическому опыту западноевропейских мыслителей, таких как Жан-Жак Руссо, Иоганн Генрих Песталоцци, Фридрих Вильгельм Фрёбель⁴.

¹ *Çatırtavlı. Yalı boyunda (kezinti): Körbekülñiñ mektepleri // Millet. 1919. No. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18.*

² Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

³ *Лятиф-заде А.* Хаял – Омюр: макъалелер ве шиирлер джыйынтыгы / терт. III. Июсов. Акъмесджит: Таврия, 2005. 120 с. С. 41.

⁴ *Odabaş H.* Jan-Jak Russo // Bilgi. 1921. No. 2. S. 21–26.

Представляя крымским читателям творческое наследие педагогов-экспериментаторов, он старается раскрыть важность взаимоотношений между преподавателем, учеником и родителями. Стремится раскрыть феномен нравственного воспитания и обучения детей как основу социума будущего без зла и насилия. В связи с этим приводит в пример Швейцарию, где неизменно царит благополучие и мир, достигнутый благодаря заботливому отношению к подрастающему поколению.

Можно утверждать, что тяготение к утверждению ненасилия сближает и роднит прогрессивных авторов. Несмотря на географическую и хронологическую отдалённость они созвучно переживают тревоги из-за сложности что-либо изменить в устоявшейся авторитарной системе образования, вдохновляются, как замечает Фрёбель, при созерцании первых плодов многолетних педагогических стараний в саду – цветущих ростков национального и культурного прогресса. Крымский работник образования, расширяя в кругу читателей знания о правах личности, ценности свободы предупреждает вероятность возникновения в мусульманском обществе конфликтных, напряжённых ситуаций¹. Он уповает на терпение и мудрость учителя, утверждает, что воспитанием и образованием больше должна заниматься непосредственно школа, нежели родители, которые руководствуются лишь инстинктивными побуждениями. Педагогические студии А. Одабаша, его насыщенные зарисовки крымской деревенской жизни, в том числе и крестьянских школ, отличаются предельной точностью в передаче реальных явлений и событий. Об этом свидетельствует, например, животрепещущее описание школы в селении Мамбет-Хаджы севастопольского уезда. В этой школе дети, в том числе и из-за беспечности родителей, вынуждены долгие годы проводить в тёмном, мало вентилируемом полупод-

---

¹ *Ермолаева Н.* Аксиологические основания и дидактические условия педагогики ненасилия. Автореф. диссер. ... к. пед. н. Мурманск, 2007. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-aksiologicheskie-osnovaniya-i-didakt...>

вальном помещении. Таким образом, дети сталкиваются не с увлекательным постижением новых знаний, а с реальным насилием, учение оборачивается для них тяжким бременем:

«...Mambet-Hacı vaquf köyü degen köyde, ama hic bir mektebi yoqtır. <...> İçinde qorazlanıp cürgen bayları çoqtır. Lâkin hiç birisiniñ aqlına kelmez köylerinde bir mektep yasatmaq, bir ocaları var, balalarını bir evde oquta. O kiçkene balalarını almay. Balalar anda çarçaqtaki turşuday biri-birine süygenip oturalar. Bir-iki saat oquvdan soñ onuñ içine kirilmez, havası bozulır, oturulmaycaq bir hala kelir. Köylüler de bu evniñ yanından keçkende, «Qarasa, bizim balalarımız oquy», dep köküslerini qabartırlar. Halbu ki bilmezler ki, bu odada o zavallı balaçıqlarnıñ bavurları, cigerleri çürüp, bozulup kite. Molla aqay da bu yolda yolbaşçılıq etmiy»¹.

(«В одной [глухой] деревне Мамбет-Хаджи есть учителя, вынужденные обучать детей в невероятных условиях. Правда, они не принимают в школу ещё совсем маленьких. Дети в тесноте, словно маринованные огурцы в бочке. Через пару часов, из-за удручающего, тяжёлого воздуха в помещении невыносимо более находиться. Местные жители, проходя мимо дома, с гордостью заявляют: «Посмотри-ка, здесь учатся наши дети!»). Если бы они знали, как в одной маленькой комнате истлевают лёгкие, калечится здоровье невинных детей. Печально, что местные власти игнорируют просьбы учителей, а старейшина вовсе не интересуется делом...»).

Посредством воспоминаний об испытанных чувствах при созерцании картины устаревших сельских школ автор призывает магометан Крыма обращать большее внимание не только на методы, но и условия обучения крымскотатарских детей. Напоминает, что девяносто процентов общей части народа составляют сельские жители. А. Одабаш считает, что особые усилия надо направлять на возведение, реконструкцию, усовершенствование деревенских школ, и, конечно же, на решение вопроса о социальной защищенности работников образования².

¹ *Odabaş H. Mambet-Hacı vaquf köyü // Millet. 1919. No. 36.*

² *Odabaş H. Köyler için yazuv // Millet. 1919. No. 36.*

Известно, что с избранием Номана Челебиджихана в 1917 году главой Крымского Мусульманского Исполнительного Комитета, проблеме обучения и воспитания был присвоен статус государственной значимости. Так, на заседании I Национального Крымскотатарского Курултая (Парламента) обсуждались проекты учебных заведений; здравоохранительных, гостиничных комплексов; пенсионных фондов для учителей и их семей¹. Как сообщается в одном из выступлений Челебиджихана, участниками борьбы против насилия должны стать не только учителя, но и весь народ, который на протяжении многих лет был лишён права на свободу. Двери национальных школ заколачивались, а прогрессивных учителей-патриотов бросали в остроги². Тогда выступление народного избранника вызвало большой резонанс в обществе. Это был откровенный вызов приспешникам царской власти, представителям псевдодуховенства и учителям еще сохранившихся старо-методных школ. Будучи студентом одного из университетов Стамбула, Номан Челебиджихан в молодёжном сборнике *«Молодые татарские писатели»*, публикует свое известное прозаическое произведение *«Молитва ласточек»*³. Здесь, в реминисценции на философский труд Альфонса Доде *«Последний класс»* встречаются своеобразные сцены, где автором нарочито обнажаются скрытые «раны» ветхой школьной системы. Порицаются волонтаристские взгляды на методы обучения в застенках частных учебных заведений. Вот, небольшой пример школьного насилия, отражённый в упомянутом рассказе:

*«Ve-s-semai zat el-büruc»ni başlağanda, oca totayım tilimni on beş kapikmen burğandı. Burğanda: «Pismillâ, oqumış ol!» – degendi. Bursa da, qoparsa da, benim tilim kelmedi, kelmeyecekti. Añlamay edim ki...»*⁴.

¹ Çelebicihan N. Lâyihâ // Millet. 1917. No. 49, 54.

² Qırım müftisiniñ nutqu // Millet. 1917. No. 103.

³ *Faydasız. Qarılğaçlar duası: Yaş tatar yazıları. İstanbul: Bab-ı Ali qarşısında “Tevsi-i tabaat” matbaası, 1912. 48 s.*

⁴ *Там же*, 1912. 48 s. S. 21.

(«Учительница выворачивала мне язык монетой и при этом приговаривала: «Боже, надели его разумом!». Но, сколько бы она ни выворачивала, ни вырывала мне язык, я по-прежнему не мог правильно выговорить арабский текст: «Ве-с-семай зат эль-бурдж» («Владыка небесных куполов»). Да ещё при этом хоть бы понимал смысл слов...»).

Автор национальных дидактических былин (*эртеге*) посредством художественного слова аргументирует, что насилие порождает продолжение насилия. Причём, как резонно отмечал Фрейре Пауло, жертва насилия способна к еще более жестокой расправе по отношению к другим. Это подчёркивается в следующем отрывке из цитируемого произведения Н. Челебиджихана:

«Uçqan soñ, – derdik, – istedikleri qadar kezecek, külecek, oynayacaqlar; oynaşa-oynaş, avalana-avalana köklerge, bulutlarğa, ışıqlarğa yükselecekler; olarnı hepimiz kinlerdik, kinledigimizden şindi tutmaq, küçük, ince qanatlarını, tüyelerini yulmaq, küçük sarığağalarını qırmaq isterdik... Bizler dayın olarnı da oynamaq, sevinmekten, sevine-sevine yaşamaq, uçmaq, yükselmekten alıqoymaq arzu iderdik»¹.

(«Представляя момент, когда птенцы ласточек, наконец, вспорхнут и смогут вволю насладиться полетом в небе, облаках, лучах солнца – мы завидовали им и готовы были сейчас же схватить, общипать их маленькие, нежные крылышки, переломать крошечные клювики. Смотря на них, мы мечтали о той беззаботной, полной наслаждений в жизни...»).

Таким образом, анализ художественного и публицистического наследия Абибуллы Одабаша и Номан Челебиджихана свидетельствует, что крымскотатарская литература конца XIX – начала XX веков внесла существенный вклад в художественное постижение, а также в разработку теоретических основ педагогики ненасилия. Критическое переосмысление идей не-

¹ *Faydasız. Qarılğaçlar duası: Yaş tatar yazıları. İstanbul: Bab-ı Ali qarşusunda “Tevsi-i tabaat” matbaası, 1912. 48 s. S. 20.*

насильственного воспитания и обучения сквозь призму литературно-педагогических концепций выдающихся представителей крымскотатарской классической литературы данного исторического отрезка времени раскрывает новые перспективы исследования этнопедагогике. Важно введение в научный оборот мало доступных источников, из которых можно почерпнуть существенные педагогические идеи, принципы, методы воспитания и обучения, созвучные нашему времени. К сожалению, многие из этих источников сегодня практически не изучены, не систематизированы, и, конечно же, мало используются в практике современной национальной школы.

4.3. Историография жизни и творчества подвижника крымскотатарской литературы и просвещения Яхьи Байбуртлы

The Historiography of the Life and Work of Yahya Baiburtly, a Figure in Crimean Tatar Literature and Education

Summary: *Despite his significant achievements in the fields of national education, language, and literature, as well as the high award bestowed upon him by the Imperial Russian Geographical Society in 1913, the life and work of Ya. Baiburtly remain understudied. However, alongside his contemporaries – prominent figures in education such as A. Ayvazov, U. Bodaninsky, O. Akchokrakly, U. Arbatly, J. Meinov, A. Odabash, U. Balich, J. Kermenchikli, and A. Ozenbashly – Baiburtly holds an equally important position in shaping ethnopedagogical and literary traditions in Crimea.*

Ya. Baiburtly was born in 1876 in Bakhchisaray. He received his primary education at a local school and continued his studies in Istanbul and Odessa. From 1902 to 1908, he taught in Alupka. There, according to documentary materials from the newspaper “Terciman” (“Translator”) dated March 6, 1906, he co-founded a new school-studio for Muslim girls together with Crimean Tatar intellectuals A. Ayvazov

and A. Ibrahimov. Later, he moved to Bakhchisaray and continued his pedagogical work at a *zemstvo* school. In 1917, Ya. Baiburtyly was elected a delegate to the 1st Crimean Tatar Kurultai representing the Simferopol community of teachers, women, and artisans.

This educator, possessing a wealth of experience teaching in national schools, nurtured a constellation of talented cultural figures. Among them are the scholar-linguist and educator Usein Kurkchi (1905–1996) and the Crimean Tatar novelist Shamil Alyadin (1912–1996). In addition to his teaching activities, Baiburtyly developed textbooks for the primary grades of Crimean Tatar schools. From 1913 to the 1930s, he published a series of educational materials: “Elifba” (“Primer”: 1913); “Yeñi qıraet” (“New Reading Book”: 1917, 1923); “Tatar sarfi” (“Tatar Grammar”: 1918); “Sarfkıtabı” (“Grammar”: 1919).

Baiburtyly’s high qualifications in Russian philology enabled him to deliver lectures on the Russian language and literature at professional development courses for teachers in rural schools. His profound and insightful scholarly and journalistic articles, such as “Tatarlarda usuli cedid” (“The New Sound Method among the Tatars”), “Mektepler ve halq” (“Nation and Schools”), “Evvelki ve şimdiki gençlik” (“Youth Today and Yesterday”), “Bağçasaray tatar ikinci basamaq mektebi” (“The Bakhchisaray Tatar Secondary School”), as well as his adaptations of classic world literature works tailored to the traditional worldview of Crimean Tatar children, continue to hold scholarly interest. His psychological plays “Zavallı Ayşe” (“Poor Ayşe”) and “Yusufçiq” (“Little Yusuf”) were very successful in Crimean theaters. The first dramatic work, apparently, was an author’s interpretation of the short story “Zavallı qız” (“Poor Girl”), published in 1907 in the Crimean Tatar children’s magazine “Alemlı Nısvan” (“World of Children”).

It is known that in 1925, Ya. Baiburtyly participated in the First All-Union Congress of Teachers in Moscow as part of the Crimean delegation, as evidenced by his article “Birinci Bütünsuralar Birligi Hocalar Syezdi” (“The First All-Union Congress of Teachers”) in the journal “Oquv işleri” (“Educational Affairs”). Like many

representatives of the Crimean Tatar intelligentsia, Ya. Baiburtyly was subjected to political repression in the 1930s. In 1935, he was dismissed from his job after falling under suspicion by the NKVD for allegedly propagating Pan-Turkic ideas. According to D.P. Ursu, Baiburtyly continued teaching at literacy courses in Bakhchisaray. According to the recollections of his contemporaries, he also worked at a women's midwifery technical school located at the foot of Chufut-Kale in the village of "Cevizlik" ("Walnut Grove"). In 1938, he was sentenced to 10 years of imprisonment in an Arkhangelsk correctional labor camp by the Out-of-Court Session of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR, where he died. He was rehabilitated in 1957.

Невзирая на высокие достижения в сфере национального просвещения, языка и литературы; высокую награду, присуждённую Императорским Русским географическим обществом в 1913 г. жизнь и деятельность Яхъйи-Наджи Байбуртлы (полное имя автора) остаются мало изученными. В работах, освещающих культурную жизнь Крыма в конце XIX и начале XX века встречаются лишь фрагментарные данные о подвижнике. Причем наряду с современниками, видными работниками просвещения в лице А. Айвазова, У. Боданинского, О. Акчокраклы, У. Арбатлы, Дж. Меинова, А. Одабаша, У. Балича, Дж. Керменчикли, А. Озенбашлы – Байбуртлы занимает не менее важное место в формировании этнопедагогических и литературных традиций в Крыму. Среди примечательных изданий, где упоминается личность деятеля можно назвать «Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке». Составитель указателя И.А. Керимов знакомит исследователей с перечнем печатных изданий и публикаций на крымскотатарском языке, делает комментарии к творчеству авторов довоенного периода. Здесь мы находим списки литературно-критических трудов и учебников Байбуртлы. Узнаем о переводческой деятельности писателя. Вот, например, некоторые переводы на крымскотатарский язык произведений Перельгина: «*Tavşan*» (Заяц) /1909/;

Б. Житкова: «*Carulğaç*» («Джарылгач»), «*Emceçigim*» («Дяденька») /1929/; С. Дмитриева: «*Hindistannıñ keçilmez ormanlarında*» («В непроходимых джунглях Индии») /1930/; Э. Д'Эрвилли: «*Tarihten evvelki bala*» (Приключения доисторического мальчика) /1930/. Интересным видится биобиблиографический словарь «Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944)» в котором излагаются краткие материалы творческого пути Байбуртлы. К списку упоминаний о деятеле можно отнести газетную статью дочери писателя Нияры Байбуртлы «*Babam haqqında bir qaç söz*» («Несколько слов о моем отце»)¹. С другими, правда, иногда перекликающимися между собой фактографическими данными можно ознакомиться в работах Н. Яблоновской, Р. Аирчинской, Э. Абибуллаевой².

Я.Н. Байбуртлы родился в 1876 году в Бахчисарае. Начальное образование получил в местной школе, затем продолжал образование в Стамбуле и Одессе. В 1902–1908 гг. учительствовал в Алушке. Здесь же, по свидетельству документальных материалов газеты «*Terciman*» («Переводчик») от 6 марта 1906 года, вместе с крымскотатарскими интеллигентами А. Айвазовым, А. Ибраимовым основал новую школу мастерства для мусульманских девочек³. Позже переехал в Бахчисарай и продолжил преподавание в земской школе.

В 1917 г. Байбуртлы от симферопольской общины преподавателей, женщин и ремесленников был избран в делегаты I

¹ *Байбуртлы Н.* Бадам акъкъында бир-къач сёз // Достлукъ. 1990. Март 31; Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. С. 44–45; *Керимов И.* Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я. Васильков, М. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

² *Абибуллаева Э.* Дидактическая система И. Гаспринского / дис. на соискание науч. степени к.п.н. Киев, 2004; *Алядин Ш.* Атаньың риджасы иле... // Яңы донья. 1992. Сентябрь 18; *Юксель Г.* Тематическое своеобразие журнала «Еңи Чолпан» // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52. Т. 1. С. 105–109; *Яблоновська Н.* Кримська журналістика: етнічні аспекти. Симферополь: Кримнавчпеддержвидав, 2008. 290 с.

³ *Керимов И.* Гаспринскийнинъ «Джанлы» тарихи: 1883–1914. Симферополь: Тарпан, 1999. 408 с. С. 142–143.

крымскотатарского Курултая. В числе делегатов от упомянутого общества можно встретить и других известных работников просвещения. Например, Керима Джемаледдинова, представляющего симферопольскую школу (рушдие) и Отдел Образования; директора женской ремесленнической школы Эмине Шабарову; члена крымскотатарского отдела образования земских школ Исмаила Номанова; сотрудника Крымского Центрального Бюро Просвещения Абдуллу Лятифзаде¹.

Осознавая важность образования в жизни нации, Учитель учителей, так Я.Н. Байбуртлы называли в народе, вкладывает в любимое дело сердце и душу. Просветитель, обладая большим опытом преподавания в национальной школе, выпускает плеяду талантливых деятелей культуры. Среди них встречаем учёного-языковеда, педагога Усеина Куркчи (1905–1996), метра крымскотатарской беллетристики, писателя-романиста Алядинова Шамиля² (1912–1996). Байбуртлы вместе с преподавательской деятельностью занимается подготовкой учебников для младших классов крымскотатарских школ. На протяжении с 1913 по 1930-е годы он выпустил серию учебных пособий: «*Elifba*» («Букварь», Бахчисарай, 1913); «*Yeñi qiraet*» («Новая книга для чтения», Симферополь, 1917, 1923); «*Tatar sarfi*» («Татарская грамматика», Бахчисарай, 1918); «*Sarf kitabı*» («Грамматика», Симферополь, 1919»).

Вышеупомянутый «Букварь» («*Elifba*»), переиздавался с дополнениями в 1913, 1916, 1926 и 1927 гг. Таким способом, автор учебного издания, анализируя содержание старых учебников, старался избегать типичных ошибок, допущенных коллегами. Он выстраивал учебный материал, прежде ориентируясь на специфику местных национальных школ. В те времена, азбука Байбуртлы была равноценной учебнику И. Гаспринского «*Hocaı sübyan*» («Учитель детей»). Деятельность педагога была удостоена внимания и со стороны Управления Одесского учебного округа для

¹ Aqmescit qadınlar ve sanatkâr cemiyetleri tarafından Qurultaya kösterilmiş namzetler cedveli No. 4 // Millet. 1917. No. 105. Noyabr 15.

² Литературный псевдоним – Шамиль Алядин. – Т.К.

крымскотатарских начальных училищ. Интерес в этой связи представляет обращение директора народных училищ Таврической губернии С. Маргаритова к Таврическому губернатору от 21 июня 1914 года, в котором говорится о том, что совещание инспекторов народных училищ пришло к решению оставить в составе учебной программы крымскотатарских школ такие предметы, как: «Чтение Корана», «Тесvit»¹, «İlmihal»² и татарская азбука в объеме 1-ой части учебника Гаспринского «*Hocaı sübyan*» или в объеме азбуки Байбуртлы «*Elifba*»³. Таким способом, формирование крымскотатарской европеизированной системы образования, судя по списку дисциплин замедлялось как собственными клерикальными духовными школами, так и политикой власти.

Покрытие расходов на переиздание учебников полностью ложилось на плечи автора. Например, из короткой заметки, опубликованной в правительственной газете «*Millet*» («Нация») за 12 августа 1917 года, известно, что книга для чтения «*Yeñi qıraet*» была выпущена в долг. Об этом сообщается в объявлении «*Yeñi qıraet kitabı*» («Новая книга для чтения»):

*«Muallim Yahya-Naci efendi Bayburtlı tertip ettigi qıraet kitabını bastırmaq için Mahkeme-i şeriyenin Maarif Komissiyasına muracaat iderek, borc olaraq eki biñ beş yüz ruble yardım istedi. Mumaileyh efendiniñ bu ricasınıñ bir qaç şartle isaf idilmesine qarar virildi»*⁴.

(«Преподаватель Яхья-Наджи-эфенди Байбуртлы с целью выпуска составленной им книги для чтения обратился с прошением одолжить две тысячи пятьсот рублей к Государственной комиссии по просвещению. Просьба была удовлетворена при выполнении некоторых условий»)⁵.

¹ Теджвид – руководство правильного чтения и произношения сур из Корана.

² Ильмихал – наука о мусульманском вероучении и нравоучении.

³ Кричинский А. Очерки политики Российского царизма на окраинах (к истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар) Ч. II. Баку: Типолит. Прикаспийского Союза Потреб. Обществ «Кооперация», 1920.

⁴ Yeñi qıraet kitabı // Millet. 1917. No. 37. Avgust 12.

⁵ Здесь и далее перевод наш. – Т.К.

Спустя время в октябре того же года появляются новые объявления, где читатели оповещаются о скорейшем появлении в свет первой части отмеченной книги для чтения, а также «Букваря» с исправлениями. Книгу можно было приобрести лично у составителя¹. До наших дней сохранилось лишь несколько экземпляров «Букваря» 1927 года переиздания. Тонкая обложка книги обрамлена национальными полиграфическими орнаментами и арабской вязью, приспособленной для удобного чтения носителями крымскотатарского языка. На обороте обложки размещается информация о тираже – 8000 экз. и месте издания – типографии художественно-промышленного техникума в Бахчисарае. В предисловии автором излагается следующая концепция учебника:

«Составленный по предложению Крымского комиссариата этот букварь, основан не только на личном опыте, мною было изучено около 20 новых тюрко-татарских и русских азбук из фондов Академического совета Комиссариата по просвещению. В частности, среди букварей различных тюрко-татарских национальных республик, как Крым, Кавказ, Казань, Туркестан и Турция посчастливилось отыскать безупречный с точки зрения методики и близкий нам по духу букварь «Къызыл ёл» («Красный путь»), составленный и выпущенный в Казани «Татарским книжным издательством». Несмотря на то, что татары Поволжья не испытывали особых трудностей при составлении книги, в нашем случае работа в этом плане оказалась довольно сложной. Ограничиваясь использованием простейших форм, они были вынуждены прибегнуть к лишним повторениям слов и предложений. При подготовке азбуки пришлось испытать множество трудностей, прежде связанных с необходимостью использовать каждую букву в двух формах написания. Лишь благодаря содействию комиссии, созданной академическим советом, азбука обрела настоящий вид. Беря во внимание предложения, сделанные в течение прошлого учебного года молодыми и опытными препода-

---

¹ İlan // Millet. 1917. No. 72. Oktâbr 1; No. 82. Oktâbr 16.

давателями, районными педагогическими коллективами мною по возможности внесены исправления и приложения»¹.

Поднимая вопрос об адаптации арабографической письменности к наречиям тюркских народов, следует упомянуть статью-рецензию «Bizde elifbe kitabı» («Наша азбука») известного в Крыму деятеля просвещения Дж. Керменчикли на букварь Я.Н. Байбуртлы. Этот аналитический материал был опубликован в газете «Terciman» («Переводчик») в 1916 году и продолжал полемику, начатую еще Исмаилом Гаспринским в 1894 году на примере статьи «Что такое мектеп и новый метод?»². В ней просветитель рассматривает вопросы, связанные с внедрением звукового метода обучения в крымскотатарские школы, а также учебные заведения тюркско-мусульманских народов Российской империи. Отмечая, что старые школы не соответствуют стандартам образования в европеизированном обществе, Гаспринский раскрывает четыре основных недостатка в их деятельности. Во-первых, схоластический способ ведения занятий в школах, где сторонники традиционного метода обучения применяли так называемую систему слогового преподавания. Когда отдельные буквы сливались в слоги, а последние в слова. Проблема заключалась в том, что арабский алфавит рождал множество орфографических затруднений. Прежде всего, это было связано с тем, что ребёнок не всегда правильно мог определить фонемный ряд, соответствующий специфическим буквам в тюркском слове. Кроме того, в тюркском алфавите ещё существует ряд букв, не имеющих эквивалента в арабском языке, это такие гласные, как: «п», «г», «ж». Во-вторых, в мектебах (духовных школах) обучали лишь механическому чтению арабских религиозных текстов. В-третьих, учеников после элементарного изучения алфавита принуждали читать сложный Коран. И, наконец, полностью отсутствовал контроль над уровнем успеваемости учащихся³. Некоторые из перечисленных за-

¹ *Bayburtlu Y. Elifba*. Ваğсарару: Qırım maarif komissarlığı neşri, 1926. 64 s.

² *Гаспринский И.* Что такое мектеп и новый метод? // Терджиман. 1894. No. 31.

³ *Хайруддинов М.* Становлення і тенденції розвитку етнопедагогіки крымськотатарського народу: дис. на соиск. вч. зв. д.п.н. Киев, 2003. 235 с. С. 83 110.

дач для новометодных мусульманских школ и пытался решить Байбуртлы.

Я.Н. Байбуртлы в предисловии также описывает методику классического распределения материала в учебной книге:

«Практические письменные задания, по обычаю размещаемые в конце книги по совету учителей были в качестве приложения перенесены в конец каждого урока. Учитывая «мизерность» детских иллюстраций, после соответствующих уроков добавил некоторые рисунки. Следуя рекомендациям коллег, обнаруживших недостаточность уроков по арифметике разработал дополнительные приложения. Включил небольшие отрывки из стихотворений, имеющих отношение к урокам и темам. Вместо больших статей о зиме разместил маленькие рассказы, простые стихи, пословицы»¹.

По сведениям газеты «*Terciman*» («Переводчик») за 1913 год, ещё первый выпуск букваря Байбуртлы отличался большой продуманностью и оригинальностью. Учебник состоял из 60 занятий, которые распределялись по принципу от простого к сложному.

Высокая квалификация в области русской филологии позволяла Байбуртлы читать лекции по русскому языку и литературе на курсах подготовки учителей для сел. Его глубокие и содержательные научно-публицистические статьи как, например: «*Tatarlarda usuli cedid*» («Новый звуковой метод у татар») ², «*Mektepler ve halq*» («Нация и школы») ³, «*Evvelki ve şimdiki gençlik*» («Молодёжь сегодня и вчера») ⁴, «*Bağçasaray tatar ekinci basamaq mektebi*» («Бахчисарайская татарская школа второй ступени»), а также адаптированные к традиционному восприятию мира крымскотатарских детей переводы художественных произведений классиков мировой литературы по-прежнему интересны с научной точки зрения. Его психологические пьесы «*Zavallı Auşe*» («Бедная

¹ *Bayburtlı Y. Elifba. Bağçasaray: Qırım maarif komissarlığı neşri, 1926. 64 s.*

² *Bayburtlı Y. Tatarlarda usul-i-cedid // Yañı Çolpan. 1923. No. 2. S. 8–12.*

³ *Bayburtlı Y. Mektepler ve halq // İleri. 1926. No. 1. S. 17–20.*

⁴ *Bayburtlı Y. Evvelki ve şimdiki gençlik // İleri. 1926. No. 2. S. 4–9, No. 3 S. 10–13.*

Айше»), «*Yusufçiq*» («Маленький Юсуф») имели большой успех в театрах Крыма. Первое драматическое произведение, по-видимому, было авторским переосмыслением рассказа «*Zavallı qız*» («Бедная девочка»), опубликованного в 1907 году на страницах первого крымскотатарского детского образовательного журнала «*Alemi nisvan*» («Мир детей»). Примечательна повесть Байбуртлы «*Eski medrese*» («Старое медресе»), где описывается жизнь устаревших духовных учебных заведений.

Известно, что в 1925 году Я.Н. Байбуртлы в составе крымской делегации принимал участие в Первом всесоюзном съезде учителей в Москве, о чем свидетельствует его статья «*Birinci Bütünşuralar Birliği hocalar syezdi*» («Первый всесоюзный съезд учителей») в журнале «*Oquv işleri*» («Дела просвещения»)¹. Как и многие представители крымскотатарской интеллигенции Яхья-Наджи Байбуртлы подвергнут политической репрессии в 1930-х годах. В 1935 году попав под подозрение НКВД за пропаганду пантюркистских идей, был уволен с работы. По сведениям Д.П. Урсу – Байбуртлы продолжал преподавать на курсах ликбеза в Бахчисарае². В воспоминаниях современников, писатель работал и в женском техникуме акушерства, который располагался у подножья Чуфут-Кале в селении «*Cevizlik*» («Орешник»)³. В 1938 году Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР приговорён к 10 годам заключения в архангельском исправительно-трудовом лагере, где и погибает. В 1957 году реабилитирован.

¹ Oquv işleri. 1925. No. 2. S. 62–66.

² Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с. С. 44–45.

³ Алядин Ш. Атанын риджасы иле... // Янъы дюнъя. 1992. Сентябрь 18; Алядин Ш. Ер делиджиер: аят ойле. Ташкент: Гъ. Гъулам адына Эдебият ве санъат нешри, 1991. С. 18–20; Алядин Ш. Кремль къурбанлары: сайлама эсерлер. Симферополь: Доля, 1999. С. 36–58; Алядин Ш. Чорачыкълар: сайлама эсерлер. Ташкент: «Эдебият ве санъат нешри», 1987. С. 415–478; Алядин Ш. Шерефли, дюльбер тилимиз: сайлама эсерлер. Симферополь: Доля, 1999. С. 79.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 1

Поэтический дискурс крымскотатарского национально-демократического движения в газете «Millet» (1917–1920)

Abdülmennanzade Çelebi

Tatar milletine bir hatıra¹

*(Unutulmaz müftimiz Çelebicihan efendiniñ
tevqif ve tahlis hatiresine taqdim)*

Yükseldiñ tatar, atıldıñ çıqtıñ sefaletten,
Bir qaç asırda alabildiñ kendiñi bu dalâletten!
Baq, kör mazini, bir şeyi çıqmışmı saña meskenetten?
Qırdıñ aqibet yed-i qahri, qurtuldıñ esaretten,
Qurtardıñ tatar, kendiñi bunca yıllıq felâketten!

Namlı, şanlısıñ, tatar, mütevatir tevarihten
Qalmış saña qılıç miras, o yüce şan ve şühretten
Eser qalmışsa sende tatar, o muazzam tac ve haşmetten
Müftiliktir, müftidir, şimdi bizi birleştiren,
Qurtardıñ tatar kendiñi, bunca yıllıq müfsitten!

Yücelik bulursañ ancaq tatar, bulursıñ ittifaqтан,
Tecribeñ kösterdi saña çektiğiniñ hep fitne ve nifaqтан.
Baq, kör, sual ile bu haqiqatı cümle mahlûqтан,
Quvvet kelmişmi hiç bir qavma dağınıq ve ayrılıqтан?!.
Azadesiñ, tatar, o menhus mekruhattan.

---

¹ *Abdülmennanzade Ç.* Tatar milletine bir hatıra: unutulmaz müftimiz Çelebicihan efendiniñ tevqif ve tahlis hatiresine taqdim (В память татарскому народу: по случаю ареста и освобождения муфтия Челебиджихана эфенди) // Millet. 1917. Avgust 24.

Qıblegâhıñ neresi, tatar, ey, qahraman oğlu, qahraman?!.
 Mahkeme-i Şeriye ve müfti – bunlarıñ biri qutsi-i maqam,
 digeri aliy-i insan,
 Yüksekliğin artırır biri digeriniñ her zaman.
 Aliy ğayeli, yüksek fikirli ğayr-ı müfti bulursa bu mekân,
 Titretirsıñ hasmiñi tatar, meydan-i qavğada her zaman.

Altuq Fevzi
Celiliñ serguzeşti¹

Közleveden ayırılğanda yeşil çölge baqaraq,
 Sabiyçik de közlerinden sıcaq yaşlar tökerek,
 Parahodıñ körtesinde oturğanda ğaripsep.

Sert qarağan, canlar caqqan bir müstebit heykeli,
 Qılıcını şaltıratıp oğa doğru kelgendi,
 «Ne cılaysıñ tatar bala!», – degen edi külümsep.

Hepsi susqan, men öksüzmen, curtum – bayquş yuvası,
 Kültöpede itler uluy, çıqmay insan sadası!
 «Men cılamay kim cılasın?!», – degen edi kürsünüp.

Onuñ sözün bir haqıqat zann ederek ofiser,
 Degen edi – «Büyük çar var, öksüzleri o besler!
 Cılama, sen kün körürsıñ öz curtuña qavuşup.

Çarğa saldat bolacaqsıñ, düşman senden qorqacaq!
 Busanma sen tatar bala, sağa aq kün doğacaq!
 Dünya cansa, saqın qaçma öz curtuñdan savuşup».

¹ *Altuq F. Celiliñ serguzeşti* (Приключения Джелила) // Millet. 1918. Noyabr 21.

Curegimde qara qanım qaynatmaqta sözleriñ,
Sesi batsun o bayquşuñı, ulumasun itleriñ!
İmanım bar, itler susar, bayquş ölür çekişüp.

Cılayman men, busanaman qara künniñ yadından,
Quvanaman, kün doğacaq qızıl künniñ ardından,
«Qızıl çarğa qul bolalmam!», – degen edi qızışup.

Küçük Celil ofiserge imanını aytqandı,
Zavallıçıq bir qaç cerde istintaqa alındı,
Faqat, pek zor qaçabildi Yeşil curtan savuşup.

Memleketler tolaşaraq imanını yaşattı,
Cılay-cılay öksüzlikni körgenlerge añlattı,
Qızıl künde şehit oldu Qafqasyada çarpışup.

Tatarlarıñ barlığına işanaraq erteden,
Artıq curtqa veda etken parahotta körteden,
Mertçilik adı qaldı tarihlere qarışup.

Amele

Ötmek öpeyim, kerçek!¹

Milliy istatistik – ariza, pul,
Ocaq başında laflar – keçinme zorluğu.
Ya kâr, ya zarar – milliy toylar.
İnternasyonal – tatar muallimi?
Müslüman İşçi Cemiyeti – özü yana, özü söne!
Milliy kassa – sıçanlar toy yasay.
Hatırat – «Yorğanıña köre uzan!»
Kooperativler – bizlerden ıraq!

---

¹*Amele*. Ötmek öpeyim, kerçek! (Клянусь хлебом, правда!) // Millet. 1918. Dekabr 4.

Müstesna – komisyoner-sosyalist.
 Milliy İdarede tensiqat – Polşalılar ocağı.
 Polâk da güdürdiy – soñu istifa
 Tatar da sanat – çüberek, kebab.
 Milliy, ilmiy konferanslar – yanmadan söndü.
 Bir çerik funt qahve – «bolluq»tan başqa her yerde!
 Tarihiy hatırat – Hilmiyniñ istifası.
 Milliy intelligentsiya – soqaqta, qahvede.
 Yolda zurnalar – pamudorcılar zevqı.
 Diniyede heyecan – 18'nci esas madde.
 Prodovolstvenniy uprava – ayrıldıq.
 Milliy maarif – yoldaşlıqqa çıraq!

Balıqçıyev Hafız-Bekir

Kün doğmadan neler doğar?¹

Hüzünlenme tatar qızı. Tökme qanlı yaşıñı,
 Nahaq yerde çektik hasret, qaldır ğamlı başıñı.
 Kün doğmadan neler doğdu, daha neler doğacaq?
 Saña imdat gidiyür, çıq, qarşula qardaşıñı!

Cahil hakim fetvasıyle qapalmıştıñ hapshaneyeye,
 Qafesteki bülbül kibi can atardıñ dünyaya.
 Bütün İslâm dünyasına hayat doğdu, doğacaq,
 «Bir kün hayat kelir», – deye sabır etmiştıñ belâya.

Uyanmıştır tatar genci, uyqu kirmez közüne,
 Her yardıma hazırdır, emniyet et sozüne!
 Üç senedir seniñ için qurban oldu, olacaq,
 Can atıyur her bir yerde bazanaraq özüne.

---

¹ *Balıqçıyev H.B.* Kün doğmadan neler doğar? (Что рождается до восхода солнца?) // Millet. 1917. Avgust 1.

Çıq qafesten, ey, bülbül! İştirak et yardıma,
Hayat seni bekleyur, çıkaracaq qaldırırma!
Tatar yaşını seniñdir, seni hiç unutmayacaq!
Ölüyur, öldürüyur, faqat tanıtacaq kendisini Qırırma!

Tatarlıq¹

Zalımların huzurında durur eken qaltırıp,
Hürriyetin küneşi doğdu birden yaltırıp.
Tatar bunu bekleyurdu, attı ilki adımın,
Ciddiy işler yaptığın zaman veriyur cevap.

Ne söylerse söylesinler tatarlığa bu zaman,
Parlaycaqtır bu millet, şüphesizdir bu iman.
Sevmeyenler – düşmanıñdır, sen onlara yol verme,
Toqtar diller, kelir bir kün, diler onlar senden aman.

Polk – divizya olacağı şimdi oldu aşikâr,
Madam, sende asker, zabit, doktor, paşa, hepsi var,
Azdır bunlar, topçu, flot heman saña pek gerek,
Qırım senden bunu bekler, yap bunları ey, tatar!

Baqın, bugün millet olan ayrıldılar her kesten,
Çünkü onlar bıqmışlardı, cumar devirmez merkezden.
Merkez vermez, millet alur var silâhı, askeri,
İhmal etme sen tatar, al bunları pek tezden.

Yaşar eken cumhuriyet, adaletle her millet,
Yükselirler köklere, batacaqtır bu cehalet.
Damarında Cengiz qanı, Qırım seniñ Vatanıñ,
Qalma kerî, git ileri, ögündedir medeniyet.

---

¹ Balıççıyev H.B. Tatarlıq (Татарство) // Millet. 1917. Noyabr 17.

Baybörü Noman**Açuv¹***(Merhum Çelebicihana)*

Qutlu ruhuñ aveliy pek bilemen,
 Çatırtavniñ seherli bulutlarında,
 Tavaf qılıp melekday aylanadır,
 Hansarayniñ o mutlu curtlarında.

Mına, seniñ tolquna al kölegiñ,
 Yaş tatarniñ qurulğan mihrabında,
 Nur üyünde uyurken bar batırlar,
 Cürecekler ölümniñ tik cabında.

Tözmey gönül, tözalмай, can könalmay,
 Endi bizge yoq qaytuv, açuv almay!

Sünnet²

Sünnet dedik, bizler çıqtıq yurtumuzdan,
 Saldat dedik, tır-mır qaçtıq qorqumuzdan.
 Rahat yüzün hiç körmedik avuşmaqтан,
 Ekide bir «Aq topraqqa» qavuşmaqтан.
 Barğan yerge toy yasadıq toy qonaqman,
 Avla yasap qorçaladıq mirzalıqтан...

---

¹ *Baybörü N. Açuv: merhum Çelebicihana (Ярость: покойному Челебиджихану // Millet. 1918. Sentâbr 4.*

² *Baybörü N. Sünnet (Сунна) // Millet. 1918. Sentâbr 8.*

Bektöre Şevqi

Esirik¹

Abdırığa ayağı, cüralmay,
Bir yıqıla, bir tura tozğa avnay.
Avuz capmay söğüne, din, iman, kitap,
Silekiyi çıbırıp tili aylanmay.

Qan canağı mekiyim? Qıpqızıl közü;
Annaşılmay mırıldap aytqan sözü,
Ne tüs qalğan, ne çıray – ölüday solğan,
Köm-kök bolup kögergen külday yüzü.

Ömrün kömür etse de içken zehri,
Özüne köre bu da zevq, bu da yaşav!
Qabaqlarda qurusa mannay teri,
Besebelli şay tüşüne, şay kele tav!..

İçe-içe qanıqmay, qan qarlığa;
Miy aylana, es kete, aç borlığa.
Bu da insan balası, ne de bolsa,
Sen yarattıñ Tañrım, sen yarlığa.

Hasret türküsü²

(Yurt yolunda)

Kördüğim dumanlı dağlarıñ ardı,
Benim özledigim vatanımmıdır?..
Bir hayal boynuma qolların sardı,
Sıcaşıq qoynunda yatanımmıdır?..

---

¹ Bektöre Ş. Esirik (Опьянение) // Millet. 1919. Fevral 16.

² Bektöre Ş. Hasret türküsü: Yurt yolunda (Ностальгическая песня: в пути на Родину) // Millet. 1918. İyun 25.

Taň yeri ađarup küneş dođarken,
 Ađılda yalıñız qoyun sađarken,
 Ađlayan o melek, adın aňarken,
 Közleri yollara baqanımmıdır?..

Baqtım mavı kökte melül yıldıza,
 Beñziyurdı beñzi soluq bir qıza,
 Saçları tökülmiş sanki omuza,
 Hasreti göñlümi yaqqanımmıdır?..

Qanlı insan¹

(Ötken qış, qanlı sođış vaqtında yazılğan edi)

Barmı bilmem, sendayın belâlı tuvğan,
 Tuva tuvup ey, insan biribirin bođğan?
 «Çıqaman!», – dep yüksekke, atılğan carğa,
 «Keñ yaşayman!», – dep başın qıstağan tarğa?
 Artqaç sayıp, mal-mülkün qıymetli canğa,
 İnsanlıqı boyañan qıp-qızıl qanğa?
 Tırnaqtan, tişten arttırıp, tamağın tıyıp,
 Ne toplasa, ot bergen qoraydan cıyıp.

Yaratqanmı Tañrı senday alim,
 Senday oyçan, bilmeymen senday zalim?
 Biñ devirde qurağan, devletin bozğan,
 Altunnen yazğan tarihin, qaninen sızğan?
 Qılıcına kitabın parçalatqan,
 «Yükselemen!», – dep, özün aşalatqan.
 Milyon zahmet, biñ işnen, mañlay terinen,
 Yasağanın moratıp bir etken yernen.

¹ *Bektöre Ş.* Qanlı insan: ötken qış, qanlı sođış vaqtında yazılğan edi (Окровавленный человек: сочинено прошедшей зимой, во времена кровавых побоев) // Millet. 1918. Noyabr 18.

Mına, üç yıl toqtamay, tınış almay,
Buvuşa, qıra, [içe..ñ] ey, insan, talmay.
Alup birge toplarıñ, ot çaça sözüñ,
Ne aq tanıy, ne qara – qızarğan közüñ.
Apay demey, qız demey, qardaş demey,
Qırıştıñ, qırdıñ ayamay, qart, yaş demey.
Art-betiñ qan, aldıñ qan, ast-üstüñ qan,
Basacaq yer qalmadı mezarıñdan.
Qara toldu, suv toldu, dünyalar toldu,
Kökler bile, ey, insan, mezarıñ boldu!
Yetti endi qınına suvuq qılıcıñ!
Temizle qandan, irinden içiñ, tışıñ!
Aq mañlayğa qan tügül, san yaraşır!
Yazıq, sora, şaña kir araşır?!.

Taqmaqlav¹

Sınıq moyuz eki ögüz, tahtaraba,
Jı-ğıyt, jı-ğıyt dolaştım köp haraba.
Ne çöl qaldı, ne Çoñgar, ne İçki yaq,
Tabalmadım bir uruv, bir tavaba.

Kimi ketken qıblağa, kimi sırtqa,
Ot ocaqqa suv töküp, ot berip curtqa.
Sıyuğup qalğan qıyurda bir avuç halq,
Moyun iygen lâçare kör bahıtqa.

Çağaraqlar tütemey, çardaqlar boş,
Tolğan qalğan alay yaq salt miyav quş.
Mezarlıqlar köyden kop, curtluqlar tavdan,
Cayrap cata alay şey adetten tış.

¹ Bektöre Ş. Taqmaqlav (Причитание) // Millet. 1918. Oktâbr 23.

Medrese, mektep qapavlı, qadersiz canlar,
 Topraqlarğa kömülgen sayuvlı sanlar,
 Göñüllerde gürlük yoq, canlarda qaruv.
 Quvançlıdan ziyade cılağanlar.

Sırqav, soqur, bir kesek ayaqsız, qolsuz,
 Qulan çölde adaşqan, abdıray yolsuz.
 Babalar halı pek pıtken, balalar cayraq,
 Sızlay, cılay anasız, analar ulsuz.

Caş balaları quçaqta kelinçekler,
 Vaqtsiz açup, hor solğan o çeçekler.
 Terk olunğan hor, hakir qorçalanmay,
 Közyaş ile boğulup ölecekler.

Apaqayğa ayanç yoq, anağa hürmet,
 Qısqası, qaçqan her şeyde bet-bereket.
 Beşiknen mezar arasın baylağan bav,
 İbay, çıbay, tüyümçik, duv aleket...

Toz-topraqlı yollarğa atılğan ballar,
 Qatqan qavrap çaşlıqta o canım dallar.
 Cami, mektep, medrese rağbetten tüşken,
 Bulay ketse bilmemki ne bolur hallar?!.

Kimge baqsañ, göñül yoq, başlar dönük,
 İman zayıf, iş tanığı – yürek sönük.
 Bir keçiniş qayğusı oylamay artqaç,
 Sanki tuvğan dünyaya eki künlük.

Alay yaqnı çulğağan fitne, fesat,
 Qardaşqa qardaş tiş qayray tıpqı bir cat.
 Qıbır-cıbır ortalıq o canım halq,
 Biribirinen talaşa, evi qaçqan dat.

Barlılar böten yol tutqan, qıynağan halqı,
Satqan, savurğan o halqta evini-barqını.
Negizi tüpten yıqılğan, ocağı söngen,
Körse bulay kim çıdar ortalıqını.

Hürriyet çıqqan çığırdan, esaret yoldan,
Aqay kete oñ yaqtan, apay soldan.
Sayğı tüşken ayaqqa, süygü yerge,
Acınıqlı hal ama, ne kelir qoldan?..

Divarğa ayt, taşqa ayt, tavğa ökü,
İster bar da, yüzüne şap-şap tükür.
Kim utanır, kim tıñlar, Tañrıdan qorqar,
Küç yumruğı astında ezilse fikir.

Canup-küyüp cürgende ah, men öksüz,
Ögüzime köz tiydi, özüme söz.
Cayav-calpı, calanbaş qaldım yolda,
Ömrüm boldu bahârde, boratqan küz.

Ey, zavallı tatarlıq, ey, öksüz yurt,
Qaçan darqar üstüñden çum-qara bulut.
Dünyada yetmey çekkeniñ mahşerde de,
Ah, körermi davañı Akrujnoy Savet?..

Tüp oy!¹

Oylanaman, qarayman,
Öz özüme sorayman.
Hayallana, tüş köre,
Hayırlarğa corayman.

---

¹ Bektöre Ş. Tüp oy! (Сакральные думы!) // Millet. 1918. Noyabr 14.

Kelip-kelip ene bir suvday,
 Töpemdeki carıq ay.
 Bulutlana, açıla,
 Bir qararda turalmay.

Közüm açıp cumaman,
 Kimer dalıp qalamın.
 «Bu tüş tügül, esim!», – dep,
 Özüm cıyıp alaman.

Aruv künü tuvacaq,
 Zulumlarnı buvacaq.
 İmanım bar, inşallah,
 Tatar qarıp oñacaq.

Bolatukov Hüseyin

Tatar askerine¹

Hiç unutma, tuvğançığım,
 Sen arslansıñ, askersiñ!
 Parmaq qadar olsañ bile,
 Her kesten pek yükseksiñ!

Hiç unutma, tuvğançığım,
 Millet saña quvane.
 Seni anañ doğurmuşır,
 Bunuñ kibi bir küne!

Hiç unutma, tuvğançığım,
 Sensiñ tatar askeri!

---

¹ *Bolatukov H.* Tatar askerine (Татарскому солдагу) // Millet. 1917. Oktâbr 20.

Seniñ borcuñ – qaytarmaqtır,
Anañ-Qırımıñ keri!

Hiç unutma, tuvğançığım,
Sensiñ, yerin arslanı!
İster iseñ, alırsın sen,
Baştan başa dünyayı!..

Onuñ içün ol nizamlı,
Al silâhı eline!
Seni bekley tuvğanlarıñ
Kök bayrağın tübüne!

Cahit Hüseyin

Ana tilim¹

Yurtqa yatlar kirgende,
Yoluma av örgende,
El mañraşup cürgende,
Qarğay cürgen anaylar,
Aytup-aytup cılaylar:
«Oñmağaydı el-qurtı
Tilimzni quruttı!»

Üyde ocaq başında,
Tavda çoqraq başında,
Colda topraq başında,
Dertli qalğan babaylar,
Öpkelep baş sallaylar:
«Men de ana tilimmen,
Ne vaqıt iş körürmen?»

---

¹ *Cahit H.* Ana tilim (Родной язык мой) // Millet. 1918. Avgust 26.

Aqşam küneş batqanda,
 Ertenmen tañ atqanda,
 Men beşikte catqanda,
 Anam meni qorçalay,
 Şunu aytup quçaqlay:
 «Aytçı balam» – anay, dep,
 «Berçi mağa» – mamay, dep.

Avlaqqa yol salğanda,
 Cav aşımını alğanda,
 Men yardımsız qalğanda,
 Añlaşılmay qaytaman,
 Hem muğayup aytaman:
 «Aytsam, sözüm añlamay,
 Onuñ uçün dıñlamay!»

Hıdırlezde, seyranda,
 Qız-kelinçek qalğanda,
 Toy, talaqa bolğanda,
 Caşlar, qızlar çıñlaylar,
 Bir yaqtan da dıñlaylar:
 «Aygidi күнүм horlanmay,
 Tilim sađlam bolğaydı!»

Lâf aytqanda zarlanmay,
 Yurtum şanman tolğaydı.
 Elniñ alçaq balasın,
 Quvar edim avlaqqa.
 Başıma qurğın buvasın,
 Çarpar edim toqmaqqa.
 Ana-tilim yurtumniñ
 Toprađına siñgendir.
 Bu tilimden dertimniñ
 Köp yanıđı söngendir.

Hayrige¹

Şiirim seniñ oyunıñday bolğaydı,
Yazım onday inceligimen tolğaydı.

Sen oynasañ, her şey birden canlana,
Sahnamızniñ körünişi şanlana.

Oynağanda seni arslan sanaman,
Ataylarnıñ çobanlığın añlayman.

Oyun için sende bolğan iqtidar,
Qana, köster, qaysı halqta, kimde bar?..

Körgen, daha körmek istey oynasañ,
Körgenler kün eteler namiñman.

Oğraş, tatar oyunını yüksklet,
Sanat, ısq adımını ilerlet!

Sanatımız ğayretiñmen yükselsün,
Her bir yaqtan bizden örnek istelsün!

Bugün oyna, yarın örnek, nam bolur,
Hızmetleriñ kelecekte duyulur.

Yarın oyunuñ mermer taşqa qazılır,
Tarihlerge altiñ suvman yazılır.

---

¹ Cahit H. Hayrige (Посвящается Хайри (Эмиру) // Millet. 1918. Noyabr 25.

Qırım¹

(Uzaq düşen yavrularına)

Qırımıñ sıması aydın olmalı,
Yurdumıñ toprağı altın olmalı,
Tarlası, yaylası şanle tolmalı.

Yürü, anneñ seni körmek isteyur,
Quçağı açılmış saña «Kel!», – deyur.

Sancağı dalğalı tamğa salacaq,
Ocağı işiñle nefes alacaq,
Quçağı daima açıq qalacaq.

Haydı qozum, seni anneñ çağırdı,
«Keliñ, yavrularım!», – deye bağırdı.

Doğğan yeriñ saña müştəq duruyur,
Qırımı sevenler oña yürüyür,
Uzaq olsañ da, o seni körüyür.

Anneñ, Qırım sensiz qalmış, iñleyur,
Yavrular ah'ını derin dikleyur.

Qırım deyur: «Yavrularım toplansın,
Mahzun yüzüm ziyalarle qaplansın,
Quçağımda cennet ömrü canlansın.

Beni seven, beni hasret yaşatmaz,
Aqan yaşlarımı yere damlatmaz».

---

¹ Cahit H. Qırım: uzaq düşen yavrularına (Крым: сынам чужбины) // Millet. 1918. İyun 13.

Şevqi Bektöreye¹

Şu viranelerde çürüyüp tozan
Benim acıdığım – milletimdir?
Üns arqasında qaradan sızan
Şu nursuz yıldızlar – devletimdir?

Şu bağlar, bağçalar suvsuz qururken,
Qarşımda fidanlar cansız dururken,
Ağaçlar tamırdan solup çürürken,
Qayğusuz yaşamaq – hürmetimdir?

Mahzun melegimiñ alın yazısı,
Yurdumiñ ağlayan taze quzusu,
Derdiniñ vücudı saran sızısı,
Rastkele sarılan – illetimdir?

Onu acıyur dökülen sözler,
Acıyı körüyür arayan közler,
Ten canlanmayınca külermi yüzler,
Yalıñız acımaq – hizmetimdir?

Onuñ tamırına aqacaq qanlar,
Yolunda oğraşup çıqacaq canlar,
Kün kelse, dayanmaz, derdini añlar,
Yanup da küymemek – şevqatımmıdır?

Alınnıñ terleri yere damlayur,
Onu qısqananlar içün ağlayur.
Hainler yoluna bintler bağlayur,
Bağları çözmek – zahmetimdir?

---

¹ Cahit H. Şevqi Bektöreye (Шевкию Бекторе) // Millet. 1918. İyul 21.

Zavallı milletiñ yolunda ölmek,
Onu yaşatup da soñradan külmek,
Yanağına açan yaşları silmek
Eñ istemedigim – zilletimmidir?

Çelebizade Abdürreşit

Fen ve sanat marşı¹

Bizler Vatan yavrusıyız,
Fen ve sanat ordusıyız.
Kitap, qalem, furçe, tezgâh,
Olsun bizim aletimiz.

Yürüelim, arqadaşlar,
İñlesünler dağlar, taşlar.
Fen ve sanat ziyasıyle,
Parlasunlar vatandaşlar.

Haydı, tatar yavruları,
Gidelim biz hep ileri.
Sây ve ğayretle olurız,
Tatarlarıñ sanatkârı.

Yürüñ, yürüñ, arqadaşlar,
İñlesünler dağlar, taşlar.
Fen ve sanat nurlarıyle,
Nurlansunlar milletdaşlar.

Çünkü durmayup çalışmaq
İstemekte şu asrımız

---

¹ Çelebizade A. Fen ve sanat marşı (Марш науки и искусства) // Millet. 1918. Noyabr 19.

Çalışaraq qazanmaqsä,
Olmalı iftiharımız.

Yürüylim, arqadaşlar,
İñlesünler dağlar, taşlar.
Cahil ve sefalete qarşu,
Atılsunlar tomar taşlar.

Şu qıymetli mekteplerde,
Oquv, sanattır kârımız.
Fen ve sanatle, hünerle,
Parlasun istiqbalimiz.

Çalışalım, çalışalım,
Çalışmaqla tanışalım,
Cehaletten, sefaletten
Milleti bir qurtaralım.

Hüner ve sanat mektebine¹

Çoqtan beri tatarlıqnıñ hasret bolğan,
Hüner ve sanat mektebi artıq tuvğan.
Eski tatar hanlığıman şühret alğan,
Sanatkârlar hünerimen dülber bolğan.
Qırımtatar Qurultayınen qurulğan,
Bugün yene bilgi ocağı sayılğan.
O mübarek toprağında nurlar saça.

Hüner ve sanatman yükselsün bayrağın,
Bütün Qırım üzerinde dalğalansın.
Altun telli nur qalıptan püskülleriñ,

---

¹ *Çelebizade A.* Hüner ve sanat mektebine (Школе ремесла и искусства) // Millet. 1918. Dekabr 19.

Tatar milleti üstünde sarqıp tursun.
 Bir millette fen ve sanat yol alırsa,
 O milletiñ açıqtır saadet yolu.
 Eger tatar milleti de şunday bolsa,
 Varlığımman derim: parlar istiqbali!

Bütün tatar allıqqa ketsün sanatiñman,
 Bahtlı bolsun ziyalansun marifetmen.
 Ezilerek, taptalaraq çoq yıllarman,
 Zorluq körgeñ milletiñ, mektebiñmen.
 Taptaluvdan, zorluqlardan sen qurtardıñ,
 Aldındaki bulutlara qaralmadıñ.
 Tatarlıqqa bir küneşday parlap çıqtıñ,
 Bugün tatarı zıyañman yaşatasıñ.

Tatar, artıq yüksel sanat mektebiñmen,
 Bütün millet seni körsün: hüneriñmen,
 Birliğıñmen, ğayretiñmen, şöhretiñmen
 «Yaşa hüner ve sanat mektebi!», – dermen.

Çobanzade Bekir

Ah, tabılsam!..¹

Öksüzge toy bolğanda,
 Qalbi quvañç tołğanda,
 Ah, tabılsam, cırlasam,
 Soñ oylansam, cılasam...

Halqım taşqan, aqqanda,
 Göñlüñ ümüt caqqanda,

---

¹ *Çobanzade B.* Ah, tabılsam!.. (Ah, оказался бы там!..) // Millet. 1918. İyul 7.

Ah, tabılsam, baqırsam,
Cigitlerni çağırsam...

Göñül apaq ekende,
Ballar «Amin!» degende,
Ah, tabılsam, tilekmen,
Qolumda aq çiçekmen...

Dostlar meni aňğanda,
Göñülleri canğanda,
Ah, tabılsam, sarılsam,
Közün öpsem, ayrılısam...

Qızlar «Qoran» tepkende,
Közni közler öpkende,
Ah, tabılsam sırada,
Yar beklesem qorada...

Cigit ölüm tapqanda,
Üstün çiçek capqanda,
Ah, tabılsam, çıñnasam,
Soñ cırını tıñnasam...

Düşmanlarım külgende,
Baştaşımni silkkende,
Ah, tabılsam, atlanup,
Qamçım dörtke qatlanup...

Bahâr cetüp kelgende,
Tav yeşergen, külgende,
Ah, tabılsam, caylavda,
Fındıq, ceviz saylavda...

Molla inkâr etkende,
 Bilgige ters ketkende,
 Ah, tabılsam, bir külsəm,
 Soñ zeherday tökülsem...

Qoñşularım köçkende,
 Soñ qahvesin içkende,
 Ah, tabılsam, «Otur!», dep,
 «Öz curtuñday yoqtur!», dep.

Cigit aziz bolğanda,
 Mezarı nur tolğanda,
 Ah, tabılsam, oylansam,
 Qabrin doquz aylansam...

Tavlar kölge kergende,
 Ay ışığın sergende,
 Ah, tabılsam curtumda,
 Tağarcığım sırtımda.

(Budapeşte).

Anam¹

Aqrın-aqrın kün bata, kök qarara,
 Qızıl, qara bulutlar ötüp bara.
 Penceremden tavlarnı seyretemen,
 Tavlar aş, yurtuma yetişemen.
 Anda, endi bilemen, köpten aqşam,
 «Yatsu qıla», zikrete ğarip anam.
 Secde ete, oquna, Qur'an öbe,
 Qol kötere, yalvara, közyaş töke.

¹ Çobanzade B. Anam (Мама моя) // Millet. 1918. Oktâbr 31.

«Bekirim», dey, «Arslanım, göñlüm, közüm!»
Qaydalarda cüresiñ, masum qozum?
Yoqsam, qaysı bir qalpsiz öltürdimi?
Yaş ömrüñni accı yel kötürdimi?
Menim başım, qaruvım, aqlım, fikrim,
Hepsi sende, közçüğim, Seyd Bekirim!
Kün körmedim, oñmadım, Qadır Mevlâm!
Tek bir qaznam, incim bar: ğarip balam.
Öpüp, sıypap östürdim aynenimen,
Hem yıldızdan saqındım, hem közlerden.
Ana göñlü nedayın nazik bina,
Bek bilesiñ, öz balañ bolmasa da.
Gece türlü tüş köre, ürküp tura,
Eñ soñ aziz körüne, göñlün ala.
Sabaları qoñşunu tez çaqırtup,
Tışın ayta, yorata fal qaratup.
Aqrın-aqrın kün bata, kök qarara,
Türlü oylar göñlümni sara, sara.
Qaranlıqta qorqmayman, yurtqa kete,
Anayçığım quçaman öbe-öbe.
Ayağına tüşemen «Affet!» deymen,
Neçün Tañrı oñğarmay, men bilmeymen?!.
Kop vaqıtlar tüşüme özü kele,
Başım sıypay, közümni öbe-öbe.
Sarılşamız cılaşup, bahtnı qarğay,
Tüşler, oylar, Tañrısın maqtay, maqtay.

(Budapeşte).

Bugün¹

Hava bulut, kök muğayıq, cer tap qara,
Yapraçıklar sübürtilip mezar izley.
Cəl ölü bir köbelekni alup bara,
Uzaq tavlartlarında neler gizley?..

Aqbaş bir qart qarşındaki pencerede,
Tirseğine başın salup, oyğa dalğan.
Hem küle, hem cılamıray bir kerede,
Belki ıraqlı balasını eske alğan.

Soldurmada çeçeklerniñ hepsi solğan,
Sade tütüz bir semiçka inat ete.
Al, yeşil, mor, her tıs çeçek siyah bolğan,
Ölüm seçmey, hep siyarta, alup kete.

Sanki bugün bay üyünde sıy etile,
Her kün colda qol uzatqan çıplaqlarğa.
Soqaqlar boş, tek bir topal süyrenile,
Hem qış kele, hem qarsanba yoqqa, barğa.

Küneş tuva, bulutlarman oynaşmaqçün,
Ay da çıqa, yıldızlarğa cilvelene.
Güller aç, bülbül cırlay öz keyfine,
Bizge eş coq – ne yaz, ne qış – cılaşmaqçün.

---

¹ Çobanzade B. Bugün (Нынче) // Millet. 1918. Oktâbr 28.

Çorabatır¹

Balalığım keçti şay maqtavıñman:
 «Çorabatır dev urğan, cav qaytarğan,
 Gürzü tavday, qılıcı eki yaqlı,
 Ayğırı bar qanatlı, cez tırnaqlı.
 Qarağanda batırlar titrep başlay,
 Bir uruşta ne ayvan, insan taşlay.
 Colları qan, turağı yüksek Çatır;
 Ayağında bunuñçün qızıl qatır.
 Hırsızlardan qopara, halqqa bere,
 Özün aşı: tüy şorba, umaç, kürpe.
 Yahşılarğa – cürek, dost; yamanğa – cav,
 Yaramaz hiç qurtulmay qolundan sav.
 Çin tatarıñ tarsıqa eger başı,
 Çorabatır her yerde baş coldaşı».

«– Yaman bolsañ qulağıñ kesermen!», – dep,
 «Daim anay ögütin cür şay kütep!».
 Gece kelgen yuquma, parmaq sallap,
 Her kölgede sen ediñ calap-culap.
 Kapiklerim tilesem, ya cılasam,
 Biraz anay qaftanın tartqıçlasam,
 Seniñ tezden arağa kelüp kirgen,
 Soñ bütün kün ırjayıp üyde cürgen.
 Kop vaqıtlar gizlice tüşüngemen:
 «Tañrı urup tüşüñni coymazmeken?!..».
 Bazı kere anayım göñlüm alır:
 «– Endi sağa darılmay Çorabatır.
 Endi şaylı cigitsiñ!» – degen edi.
 «Çorabatır Bekirge aqça berdi.
 Muna sağa üç kapik, bar, darılma!..

¹ Çobanzade B. Çorabatır (Чорабатыр) // Millet. 1918. Oktâbr 27.

Kelüp-kelüp babayğa şay sarılma!»
 «– Ne qarışa o benim kapıgime?
 Sanki mağa aqçanı «o»mı bere?
 Toqtañız siz, men aqça toplayım da,
 Soñ özüme bir tayçıq alayım da,
 Çorabatır, tıñnarım men bek sağa,
 Onu tutup asayım qart qavaqqa!...»

Balalıqta, bilesiñ, düşman edik,
 Yıllarğaçek tartışup turğan edik.
 Lâkin neden, bilmiyden, atlanğan soñ,
 Qıbla, sırtını toqtamay aylanğan soñ,
 Seni qalbim sağınup, süyüp başlay,
 «– Afu et!», – diyen, tersligim boldu çaşlay,
 Sen kerekisiñ collarnı qaramağa,
 Köyde, kentte balalar asramağa.
 Sen bolmasañ köp şey de eksik qalır.
 Köp kereler bek osal huylar alır,
 Oqumağa şay qolay ketmez edim,
 Bu sözlerni yazmağa cetmez edim.
 Savbol, batır! Sür sefa Catırtavda,
 Yaramazniñ qulağını tarta-tarta!..
 (Budapeşte).

Ezan sesi¹

Aqşam üstü ezan sesi çañğıra,
 Dertlilerni Haq qatına çağıra!
 Ezan sesi minareden cayıla,
 Kökke çıqa, muñlu, yorğun bayıla.
 Çay qatında aq saqallı qartbabay,
 Titrek qolun salqın suvda uvalay.

¹ Çobanzade B. Ezan sesi (Призывы азана) // Millet. 1918. Sentâbr 3.

Derenlerden «Allah!» sesi hoş kele,
Aq mañnaylar cerge tiye, yüksele.

Men ğaripmen, mescidim yoq kirecek,
Mihrabına muñlu betim süreceк.
Ezan sesi bu yaqlarğa kelâlmay,
Tatlı, tatlı qulağıma tiyalmay...

Aq saqallı qoñşu mazin yaşaymı?
Kene «Allah!», – dep sözüne başlaymı?
«Allah!» dese eşitkenler bolamı?
«Tañırım qurtar!» dep camisi tolamı?
Yoqsam kene birbirinmi qarğaylar?
Birbirini yaqtırmaqçün cılaylar?
Özün taşlap ğarip yurtqa sarılğan,
Barmı «Yurtum!» dep sesçigi qarılğan?
«Haq!» degende ne duyasız yurt için,
Yurt kemirgen birqaç melun qurt için?

Ezan sesi bu yaqlarğa kelâlmay,
Tatlı, tatlı qulağıma tiyalmay.

Hep camiler şay qapanmay bir gece,
Qart mazinler ölmez burun gizlice,
Cıyılıñız ezan sesin qaçırmay,
Günâhıñıznı Salğırdayın taşırмай.
Qol köterip aq yürekmen köklerge,
Başıñıznı yalмай qoyup sert yerge,
Haq qatında yurt savlığın tileñiz,
Özüñizge yahşı ölüm isteñiz!

Ezan sesi bu yaqlarğa kelâlmay,
Tatlı, tatlı yüregime tiyalмай.
(Budapeşte, mayıs 16).

Oy, suvuq şu ğurbet!¹

Oy, suvuq şu ğurbet!.. Ateşsiz, nursız,
Turmuşu bizlerge gönülsiz, cırsız.

Bülbüli cırlasa, muñlarım arta,
Sesçigi azğana «Borlı»ğa tarta...

Tavların qarayman – Çatırğa oşay,
Közlerim çaşara, qalbim cumşay...

Bulutlar, qarara aqrın-aqrın...
Taptayman, yalıñız, tozlu colların...

Tüşkende cavunu şuvuldap, quyup,
Öpkende közümnı sıypalap, süyüp,

Oylayman anamnıñ bol közyaşların,
Köyümniñ uzaqta kömülgen çaşların...

Columda külümsey Qaray qızları...
Közlerde oñğanlıq, süygü izleri...

Oşata olarnı bahtsız «Gülây»ğa,
Qaramay keçemen qayğıra-qayğıra...

Melevşe, qaranfil, sarmaşıq her yer,
Gülleri açılğan, yarpağı qatmer...

Gülleri bek qızıl, ah, nasıl qızıl!..
Qızılını neçün şay süyemen bu yıl?..

---

¹ Çobanzade B. Oy, suvuq şu ğurbet! (Как холодна эта чужбина!) // Millet. 1918. Oktâbr 24.

Qızıl da curtumniñ yaylası, qırı,
Qızıl da bu yılınıñ taşqan Salğırı...

O «Yeşil Ada»nı qızılğa boyaylar..
Qızıl da «Haq!..» degen yüksek mañlaylar..

Süyemen bu renkni «Eren rengi» dep,
Erenler betinde curt örneği, dep.

Menim de qızılğa boyansun mañnayım,
Gizlice kömsünler, körmesün anayım...

Qızarsun qanımdan curtumniñ gülleri,
Qoqlasun bülbüller, tutulsun tilleri.

Bayramda, seyranda tatar qızları,
Kün körüp oñmağan tañ cıldızları.

Qoparup taqsunlar kökrelerine,
Curt aşqı tolar tez cüreklerine.

Ölemiz olarnı oñğarmaq için,
Tatarnı tahtına çığarmaq için.

Ya «Curt»nı qoruy da süremiz ömür,
Ya «Curt»çün cana da bolamız kömür.
(*Budapeşte, nisan 13*).

Özen bolsam¹

Bolsam, diymen, şen yalıñız bir özen,
De yükselip, türkülenip,
De sincirup, köpüklenip,
Aqşam qorquñ qayalıqlar içinden.

---

¹ Çobanzade B. Özen bolsam (Был бы рекой) // Millet. 1918. Oktâbr 28.

Kün körmesem, aqşam-saba bilmesem,
 Tegeneksiz, qızıl güller,
 Kelinçekler, aq sünbüller,
 Sıypap, öpüp yetiştirsem, beslesem.

Küzler kelüp, accı yellər eskende,
 Her birini beşiginden çıxarsam,
 Öbe-öbe keñ deryağa ozğarsam,
 Oynay, gönlüm talğan, bezgende...

Sıyrıçılar cıllı, uzaq diyardan,
 Türlü türkü, tüs ketirse,
 Selâm, savlıq yetiştirse,
 Ğarip yurttan, o süyüklüm Çoңardan...

Özen bolsam, ğarip halqını oylasam,
 Öz yurtumdan ağar edim,
 Hem oñğarır oña edim,
 Bir punarday hiç toqtamay cılasam.

(Budapeşte, 1917, mart 29).

Peçel-Aziz¹

«Peçel» sözü bizniñ yaqta bek avur,
 Topal, soqur qatında cengil qalır.
 Peçelniñ ayaqları qıyış bola,
 Munday kişi ne kün köre, ne oña.

Lâkin peçel bizniñ yaqta bek muqaddes.
 Peçellerni süye, saya bizde her kes.
 Yaman sözge yahşı mana qaydan keldi?
 Bunu aytmaq – bu canıqniñ cürek derdi.

¹ Çobanzade B. Peçel-Aziz (Печель-Азиз) // Millet. 1918. Noyabr 12.

Bizniñ yaqnıñ tatarı eki bölük:
Qara tatar – aq tatar, küçük – büyük.
Tatarnıñ bek bir qara hatunından
Taqrı cerge sekirdi şu peçel Hasan.

Ayaqları şay qıyış, bir qatday,
Birbirine tağıla, qavğa yasay.
Bir adımnı on cılğa atup boldu,
On beşinde cılıştı, çeçek coldu.

Aqşam-saba qartanay cılay, cılay:
– Neden qıttıñ bol bahşıñ bizden, Mevlây?
Qızlar körse: «Viq!», – deyler, ciyreneler.
– «Bayğuş, oñmaz!», – dey toyda çingeneler.

Bazı tısta körünse, cıylışa halq:
– «Tülber!», – diyler. – «selbiday» boyuna baql!..»
Toydan quva, camide itekliyeler,
Keñ dünyada faqrğa coq biraz cer.

Bozup taşlay barlığın bu ayaqlar,
Munday peçel betine – ayt, kim qaray?!
Uzun qısta, toylarda söz turağı –
Tek peçelniñ qanburı, eki ayağı.

Camilerde köbüsiniñ baş duası:
– Tañrım saqlar peçelniñ yüz qarası.

Faqr bala ulup geçe, göñlü taşa,
Cılay-cılay, özünü cañğız tapa.
At körüne bek yüksek, qızlar melek,
Bilmey özü, dünyağa neçün kerek.
Yaz-qış ocaq başında külmen oynay,
Bek az köre peçelni cıldız, kün, ay.

Bir kün külde bir aruv kömür taptı,
 Kesti, condı, ucladı, qalem yaptı.
 Soñ, divarğa boynuzday «Elif» yazup,
 – «Allah!», – dedi, qatına bir «Lâm» qazup.

Az zamanda Hasançıq nam qazandı.
 Molla qara yazısına suqlandı.
 Dua yazdı dertlige, şifa sorap,
 Kitap açtı colcuğa, oğur qarap.

Nefesimen qanlı dert coqlay boldı,
 Bir harfimen cin etnesi bozuldı.
 Kob baylarnıñ ğayıpları tabıldı,
 Kob cürekniñ yaraları cabıldı.

Yazısını kob qaradım, oquyalmay,
 Bir satrında bir doğru harf tabalmay.
 Lâkin köre halqlar munda bek kob mana,
 Oqup, bek kob cılağan molla qara.
 Yalan dügül, Tañrı bir, cigit aqam!
 Bu yazıman kob hasta boldu sağlam.

Türbesi bar mezarlıqniñ qatında,
 Aqşam bolsa, qabrinde nurlar cana.
 Çevresinden caş kelinler eksik bolmay,
 Torunların cetüb kele kob qartanay.

Peçel aziz turağı cennet bolsun!
 Yazısına nur, şifa tolsun, tolsun!
 Bu şi'rime tilerim: Haq nuruman,
 Bir canıqniñ göñlüne bolsun derman!

(Budapeşte, 1917, yanvar 14).

Tuvğan til¹

Seni men Qırımda, Qazanda taptım,
Cüregim qaynağan, taşqanda taptım.
Yat elde muğayup, acınıp cürgende,
Düşmannıñ biñ türlü qayğısın körgende
Boynuña sarıldım dertimni ayıtıp,
Bir güzel sözüñmen özüme qaytıp...
Cırlarıñ bolmasa, maneñ bolmasa,
«Yurt» degen sözüñmen cürek tolmasa,
Ah, nasıl cürermen ğurbet yaqlarda,
Tanıssız, bilişsiz yat soqaqlarda?..
Bilmiymen – türükmi, tatar mı adıñ...
Pek yaman tatlısıñ, Tañrıdan tadıñ,
Türük de, tatar da seniñ sözleriñ,
Ekisi – eki çift munlu közleriñ.
Viyanada ögünde, Qazaq içinde,
Barabar cırladıq Hintlerde, Çinde.
Añlasın bir seni, düşman da süyer,
Bir yanıq sözüñmen cüregi iyer.
İsteymen özüñni her yaqta körmek,
Her yerde inciñden destanlar örmek.
Quşlarğa, qaşqırğa üyretsem seni,
Sen bolsañ öksüzniñ gönülden sevgeni.
Camige, mihrapqa, sarayğa kirseñ,
Deñizler, çölleriñ çetine irseñ,
Seniñmen düşmanğa yarlıqlar yazsam,
Sözüñmen oñmazniñ gönlünü qazsam...
Qabrimde melekler sorğu sorasa,
Azrail tilimni qaç kere torasa,
«Öz tuvğan tilimde ayt mağa!», – dermen,
Öz tuvğan tilimde cırlap ölermen!..

---

¹ Çobanzade B. Tuvğan til (Родной язык) // Millet. 1918. Avgust 29; Oktâbr 31.

Gönlümni qayğılar kemirüp turğanda,
 Halqımnı tınışsız yıldızı urğanda,
 Tuvğan til! Başqası aqlıma kelmey,
 Bir büyük sırsımsıñ – düşmanlar bilmey.
(Budapeşte, haziran 1).

Tuvdım bir üyde...¹

Tuvdum bir üyde, töbesi çamur,
 İçinde kül bolğan nice çaş ömür...

Tüşüнди, oylandı otsuz qoranta,
 – Ölse de şay belâ, ölmey qalsa da...

– Tükkâncı Köstâğa borcumız bek köp,
 Cibergen tünevin balasın, sögüp!..

Şorbacı arttırmay bir kapık bile,
 Tileseñ – baqıra, yalvarsañ – küle...

Kelgen de qış endi, ürküp «Buv!...», – dep,
 Baracaq bir cer yoq, «Bir yutum suv!...», – dep!..

– Aytmaçı bolmaycaq şeylerni, aqay,
 Kimseniñ qısmetin qıtmağan Huday!

Azğana esimni cıyğan soñ tursam,
 Azğana yip tapup keryamni qursam...

Balağa, özüme Tañrım berir,
 Elbette çaşaycaq, bir col kösterir!..

---

¹ Çobanzade B. Tuvdım bir üyde... (Родился в доме одном...) // Millet. 1918. Oktâbr 29.

Qarasa, sabiyniñ ne güzel közü!..
Bir avuç nur sanki başçıǵı, özü!..

Toqta sen, babası, bir cigit bolayım,
Atlanup bahıtniñ saçını colayım...

Közçügi bar da, başçıǵı bar,
Qalemmen sızǵanday qaşçıǵı bar!..

Aylansun anası başından, Allam!
Közünden, saçından, qaşından, Allam!

– Bayramǵa Bekirim qaloşsız qalmasun!..
Bay halqnıñ balası mısqılǵa almasun!..

Qoñşuda bir colcu keten soray, dey,
Qarayım, belki oǵa satarman bir şey!..

Sen otur, cılama, oqu, dua et!
Hecele «Amme»ni, oqu ber «Tebbet».

Belimde al quşaq, saçaǵı oynay,
Başımda çal qalpaq, terisi buzday!..

Mısqılcı bay, faqır – begene her kim,
Çobanǵa bu qadar yaraşsun kiyim!..

Babayman ketemiz camige saba,
Mahfilde qart mazin qatına ala!..

Oquyman cürekten Tañrı sözlerin,
Üstümde köremen melek közlerin!..

«Amin!» degende Tañrım köre,
Köñlümde ne tilek, duyǵular cüre!..

Anayğa kelemen çaşlı közlermen,
Moynuna sarıla, quça, süyemen...

«Qa, endi al abdest, oqu bir «Yasin»,
Ölüler süyünüp, külüp uyansın!..»

Tuvdım bir üyde, ocağı sönük,
Halqınıñ cüregi, bavurı küyük...

Qoñşumuz Artinler, Kostâlar edi,
Her biri şişken bay, hep miras yedi!..

Üyleri her zaman künniy capqanın,
Unutmam itlerin neler yapqanın.

Olarda toy bolsa, yoq bizge yuqu,
Ölseler, bar oğa, taqmaqlar oqu.

Artinniñ babamı tazirlegenin,
«Zavallı, budala, tatar...» degenin.

Unutmam, yat elde ğarip bolsam da,
Biñ türlü qayğıman sararup solsam da...

Peşiman tügülmen şay tuvğanıma,
Bahtımda, ömrümde soy quvğanıma...

Anamdan üyrendim yanmasın, küymesin,
Öz püsür balamday qayğını süymesin!..

Taşlañız meni siz, baylar, tülberler,
Keteyim, çobanlar meni beklerler!..

Öleyim curtumrı saray etem, dep,
Anamrı, babamrı bar, bay etem, dep!

Qurayım medrese çaş sohtalarğa,
Kitaplar açılsun her yoqqa, barğa!

Tapsınlar Quranda süygüge ayet,
Süymegen kâfir, dep, üstüne lânet!

Ne vaqıt bir faqır qolun köterse,
Sağına, soluna selâmlar berse...

Mollası, şakirdi «Amin!» desinler,
Oqunsun ruhuna «Amme»ler, «Yasin»ler.

Bundan soñ camide bolmasun dua,
Faqırçün bolacaq duadan başqa!..

Baylarğa dua etüp tonağan mollalar,
Faqırğa dua etsün her kim bay bolar.
(Budapeşte, iyül 9).

Ulu Tañırım¹

Ölüm otu çaş közlerde canğan vaqıt,
Ğarip çürek öz curtunı aňğan vaqıt;

Ulu Tañırım, tek Sen barsıñ,
Yetişirsıñ, qol tutarsıñ.

Küçük köyde büyük işler bolğan vaqıt,
Her bir yaqqa onuñ namı tolğan vaqıt;

---

¹ Çobanzade B. Ulu Tañırım (Всевышний) // Millet. 1918. Oktâbr 24.

Hep tillerde Seniñ zikriñ,
Hep başlarda Seniñ fikriñ.

Qarañğıda, yat ellerde adaşğanda,
Ucsuz çölde col tabalmay cılaşqanda;

Ulu Tañrım ıñıq berir,
Curtqa taba col kösterir.

Bir öksüzcik yıpranğanda, horlanğanda,
«Anayım», – dep qalpcigi muñlanğanda;

Ulu Tañrım köñlün alur,
Onuñ atın eren salur.

Faqır kişi qarlı tavda, buzlu suvda,
Bir keseçik qara ötmek qıdırğanda;

Ulu Tañrım yardım eter,
Qar üstünde ötmek biter.

Faqır bala bilgi istese, haq tilese,
«Men de büyük insanlarday bilem», – dese;

Ulu Tañrım tez emr ete,
Oğa melek ders üyrete.

Qadır künü kök qapusı açılğanda,
Köñüllerge Seniñ nuruñ saçıılğanda;

«Tañrı bir!», – dey, barışalar,
Süyüşeler, sarılşalar.

Cigit atlı ańsız qalup urulğanda,
Yaşav yolu sert mezargā burulğanda;

«Haqqıñ emri!», – dey, quvana,
Ne cılana, ne muñlana...

Men her zaman qulluğınñı etalmayman,
Her zaman şay huzurıña cetalmayman;

Bunda o bir qullar suçlu,
Men küçsüzmen, yaşav küçlü.

Salğır taşa, ucsuz tavlar ot fişqıra,
Çetsiz çöller dalğalana, cel sızğıra;

Alayına tez yetesiñ,
Günâhlarını affetesiñ.

Tilim, köñlüm duyğan vaqıt, aytqan vaqıt,
Hepsinden bek huzurıña qaytqan vaqıt;

Seni aytsın, Seni duysun,
Seni tapsın, özün coysun...

Çoñgarlı Ebubekir

Birlik¹

Birlik her millette, her işte büyük saadettir,
Yoqsa çekecegi malüm – ğayriye-i esarettir.
Birliği kendisiçün her halda selâmettir,
Birleşmeyen bir milletiñ soñ halı vehamettir.

Birleşmekle qaldırdılar o menfur istipdadı
Her milletiñ bugün ğayreti kendi istıqlâli.

---

¹ Çoñgarlı E. Birlik (Единство) // Millet. 1917. Avgust 13.

Birleşmeye yeter bize milletin istimdadı
 Birleşmeden qavmiz bizleri silâh istimalı

Hep birleştikçe yükselür her milletin de halı
 Birleşmekle vücut bulur ne ise idealı.
 Birleşmek için degilmi mazlumlariñ ihtilâli?
 Çünkü birleşen milletin parlaqtır istiqlâli.

Birlik bir quvvettir ki, meydandadır hep asârı
 Birlikle yıqıldı Rusiyeniñ zalım çarı.
 Birlik pek çoqtur ki, bize bilmez esrarı
 Birleşen bir millet qul eder kendine ağyarı.

Birleşen millet daima mesut-ul-hal yaşar,
 Taş, deryayı set bilmez, dağı quş kibi aşar.
 Degil ki, bir güruh zalımlariñ zulmünden qaçar,
 Qurşun bile olsa, kelen köksüni qarşu açar.

«Birlik hem dirilik», – derler, ne hakimâne bir sözdür?!
 Tatar, kel birleş, diril, dirilmeyi köze kestir!
 Birlige sevq edecek bizleri hep milliy hisstir
 Dirilmek dilerseñ, bu haşı kel aleme sezdir.

Birlige qarşu kelürmi ki, hükümet zindanı,
 Birlikle varan bir millet yıqar başına anı.
 Bir kez horlandımı bir milletin namusı-şanı,
 Artıq feda etmeli cümlesi birlikle canı.

Fevzi Ümer

Tatarğa¹

(Bölşevik zamanında söylenmiştir)

Tur, asabay, qıbirdañ!
Qanatıñmı qırılğan?
Ana, qazaq aldıñda,
Sen süründiñ artında.

Artta qalğan hor bolur,
Rahat ömür zor bolur.
Baldırlarıñ buva güre,
Arğımağın quva güre!

Orğa-qırğa oñalma,
Saqın, artqa conalma!
Col almağa con bolur,
Çetalmasañ moñ bolur.

Bir atılup abındıñ,
Bilmem nege qabındıñ?
Cav artından ketmediñ,
Cavman tabun etmediñ?

Can istegen cav salar,
Cavcı salğan col salar.
Bir çıqqanda süründiñ,
Bilmem nege urundiñ?

Bir de olmaz, eki de,
Cengil keldiñ çekide.
Cengil kelgen cekilir,
Çalış, sağa kün kelir!..

---

¹ *Fevzi Ü. Tatarğa: bölşevik zamanında söylenmiştir (Татарину, зачитывалось во времена большевизма) // Millet. 1918. Oktâbr 30.*

*Hafiz Osman-Nuri***Mektep¹**

Mekteptedir saadet,
 Allaha hem ibadet,
 Pederlere itaat,
 Mekteptedir, mektepte.

Mektep benim mekânım,
 Ben kendim müslümanım.
 İtiqadım, imanım
 Mekteptedir, mektepte.

Mekteptir bize rehber,
 Dünya aqibeden haber.
 İlim, maarifet, hüner,
 Mekteptedir, mektepte.

Dünyamızıñ hayatı
 Zevqı ve saltanatı,
 Dünya-i aqibe necatı,
 Mekteptedir, mektepte.

Ben mektebi severim,
 Orda oqur-yazarım,
 Cümle ah'ım ve zarım
 Mekteptedir, mektepte.

---

¹ Hafiz Osman-Nuri. Mektep (Школа) // Millet. 1917. Dekabr 14.

İpçi Ümer

İster edim¹

İster edim: emen, çamlı ormanlarda,
Qaya, uçurım, qar, ayazlı zamanlarda,
Yeşil çöllər, eñ dalğalı deryalarda,
Tatar yır, tatar çıñı yırlansun!
Tatar tuğu – kök bayraq dalğalansun!

İster edim: Cengiz künü artqa qaytsun,
Yasasını, turasını calğa salsun,
Yüreklerde, yer-köklerde nam bergen,
Tatar yır, tatar çıñı yırlansun!
Tatar tuğu – kök bayraq dalğalansun!

İster edim: tatar qızı azat olsun,
Yıldız kibi parıldasun, ağartılsun,
Basqan yeri, tuvğan ili Qırımında,
Tatar yır, tatar çıñı yırlansun!
Tatar tuğu – kök bayraq dalğalansun!

İster edim: mahşer künü eñ ögde,
Kök kefinli tatar halqı yer alsun,
Cennet yolu, Sırat köprün keçkende,
Tatar yır, tatar çıñı yırlansun!
Tatar tuğu – kök bayraq dalğalansun!

İster edim: sırat köprün keçken soñ,
Havz-ı kevserden şerbetler içken soñ,
Eñ töründe, cennet-i alâ, firdevste,
Tatar yır, tatar çıñı yırlansun!
Tatar tuğu – kök bayraq dalğalansun!

---

¹ *İpçi Ü.* İster edim (Желал бы) // Millet. 1918. Noyabr 24.

Kimden yardım?¹

Tatar qızı qart ömürin quçağında ezilirken,
Aydın yolu, qalın, qara perdelerle kesilirken,
Kün körmeden, zevq sürmeden, dört divarın arasında
Azap çeküp, horluq körüp, yaş ömürü eşilirken,
Yoqmu bir el, qalın, qara perdeleri qoparacaq?
Yoqmu bir er, tatar qızın azaplardan qurtaracaq?

Taň vaqtında güzel sesli bülbülçikler çınlaşırken,
«Ah, bahıtsız tatar qızı!» türküsini yırlaşırken,
Bu çınları, bu yırları o bahıtsız diñleyerek,
Saç-baş yulqup, közyaş töküp için-için ağlaşırken,
Yoqmu bir el, zavallının köz yaşlarını silecek?
Yoqmu bir er, yüreginden o yangını söndürecek?

Öz qardaşı begenmeyüp, onu çetine atar eken,
«Menfursın!», – dep yanığına daha yanık qatar eken,
Pudrasız yüz, modasız üst, melek kibi saf qızcağız
Nefretlere qoşularaq kederlerle yaşar eken,
Yoqmu bir el, qardaşları muhabbetle birleştirsın?
Yoqmu bir er, tatar qızın müjdelerle sevindirsin?

Tatar qızı qaranlıqlar içersinde çırpırırken,
Haqsız nefret, taqdirlere dayanmayüp tepinirken,
Kederinden, hasretinden inci kibi yaşlar töküp,
Erkeklerle yalvararaq: «Kel qurtarın, imdat!», derken,
Yoq bir el ki, o zavallıyı qaranlıqdan qurtarsın!
Yoq bir er ki, qızcağızın imdadına qoşup varsın!

Tatar qızı, diñle biraz, artıq yeter, sen iñleme,
Erkeklerden yardım, imdat artıq, sen hiç de bekleme,

¹ *İpçi Ü.* Kimden yardım? (Кто поможет?) // Millet. 1918. Avgust 29.

Özün için özün çalış, acılara ker köksüni,
Tahqirlere, nefretlere, zülmetlere boyun egme,
Ker köksüni, atıl ögge, azatlıq kendiñ bulursıñ!
Azap, horluq, qart ömürden anca böyle qurtulırsıñ!

Kerimzade Halil

Ne ola?

(Bir talebeniñ aǵzından)¹

Ne ola Rabbim, benim qalbime ateşler salmasañ,
Bütün cehennemlerin topla, tar kökregimde yaqmasañ?!

Bu benim masum yüregimni nasıldır hallar ile
Qozǵatup, dertlendirüp, beni erte-keç muǵaytmasañ?!

Aq gögercin tüslü, aq kögem quşun esir edüp,
Arttırup zindana aq yoldan beni toqtatmasañ?!

Can satup, vicdan satup yüren hudasızlara sen,
Saf halımnı verüp, aq nurlarım horlatmasañ?!

Bu hayırsızlar dünyası aldında aliy canını sen,
Ne ola Rabbim, böyle horlandırup aǵlatmasañ?!

---

¹ *Kerimzade H.* Ne ola? Bir talebeniñ aǵzından (Что случится? Из уст одного студента) // Millet. 1918. Noyabr 21.

Kermençikli Cemil**Ben bir türküm!¹**

Ekseriyet türklüğe atar can,
 Qardaşlılar tatar ve türk birdir qan.
 Bugün onuñ ayağında yoq arqan.
 Ben bir türküm, türklüğe qurbanım,
 Meslegimden vazgeçersem üryanım!

Ben bir türküm, añlaşılır sözümden,
 Türklüğün qanı fırlar yüzümden,
 Hasret yaşı aqıp turar közümden,
 Ben bir türküm, ğayıp etmem lisanı,
 Çatırtavlı, sıqma böyle insanı.

Kerek degil dilimizi bölmeye,
 «Türk», deyerek halqımızı külmeye.
 O, hazırdır bu maqsatta ölmeye,
 Ben bir türküm, pek severim bu dili,
 Añlar bunu Qırım, Qafqas, Rum ili.

Büyük bayram şerefine²

Tatar oğlu! Baq şu harap mezarlığa bir düşün!
 Diñle ecdadınıñ saña yağırdığı qarğışın.
 O ecdat ki: yüz elli yıl evvel bu taht üstüne,
 Oturır ve düşünirdi bütün tatar yarmışın.

¹ *Kermençikli C.* Ben bir türküm! (Я тюрк!) // Millet. 1918. Avgust 19.

² *Kermençikli C.* Büyük bayram şerefine (В честь великого праздника) // Millet, 1917, Noyabr 3.

O ecdat ki: ata binse dağ-taş demez aşardı,
Attan eñse, miskinligine her millet şaşardı.
Keçiniş meydan – çölde mal asramaq, dolaşmaq,
Şeher qurmaz, köyde durmaz, kiyiz evde yaşardı.

O ecdat ki: sevdiği şey – temiz yürek, doğru söz,
Ne dostundan yüz çevirir, ne düşmana verir yüz.
Hiç kimseye boyun egmez, yaltaqlanmaz, yalvarmaz,
Ölse ölür, yine düşman hilesine aldanmaz,

O ecdat ki: cavurı keñ, boynu qısa ve qalın,
Yaltıravuş közlerinden saçılır ateş, yalın.
Yaşlığında yigit kibi qılınç, qama quşanır,
Yayan yürür, öler qalır, binmez atı osalın.

O ecdat ki: bütün milletlere boyun egdirdi,
Eñ keçilmez qal'alara kök sancağı dikdirdi.
Quru, bazı quvvetiyle bu kök sancaq dibinde,
Eñ büyük padişahlara ögüne diz çöktürdi!

O ecdat ki: qılınç tutmaq, diz çöktürmek, öldürmek,
Devrinde hep yükselirdi, hiç bilmezdi egilmek!
Şanlı mazi, qanlı tarih, hepsi buna şahittir,
Baqıñız, bu harabeler hep o devre aittir!

O ecdat ki: o yañıldı, bazandı quvvetine,
Boyun egmek istemedi Ğarp medeniyetine!
O zann etti qıyamete qadar qılınç hükm eder,
Hiç demeden qalem kelir, qılınçñ hükmü biter!

Tatar oğlu! Sende ise ne qılıç var, ne qalem!
Yüz elli yıl Qırım içün çekmediñ keder, elem.

Bu mezarlıq, bu harabe, bu tatarlıq, bu Qırım,
Artıq senden bekleyür kendi için qan, can, ölüm!

Nerde büyük, ulu, ölmez, namlı, şanlı o hanlar?
Nerde «Qırım, Qırım» – deye şehit olan insanlar?
Sevastopol, Tuna, Japon, Cihan cenki yetişti,
Artıq Qırım için vermek gerek beş on qurbanlar!

Tatar oğlu! Büyüklerden saqın, imdat bekleme,
Hani, Qırımı himayesine alan sultanlar?
Elindeki «Qırıq qalem» ile ben gidiyorum,
Kelsün birlikte Qırım, deye titreyen vicdanlar!

Büyük yangın¹

Biñ senelik bir varlığı yaşatan,
Yer yüzünüñ yarısını quşatan,
Diğer yarısına dahi köz atan,
Büyük rusaq, qoca Rusiye yanıyur!

Baş mayası, vatandan qoğulan,
Mahküm millet qanı ile yoğurılan,
Zavallılar celkesine qurulan,
Üç yüz yıllıq hakimiyet yanıyur!

Ğururından arslan kibi hırlayan,
Közleri ta İstanbula fırlayan,
Aya-Sofya camini horlayan,
Merhametsizler tutaştı, yanıyur!

---

¹ *Kermençikli C.* Büyük yangın (Великий пожар) // Millet. 1918. İyul 31.

Buhara-i şerif, İnan, Astırhan,
Qazan, Qırım, Qasım, Qafqas, Noğay-han
Bu yüzden olmuştu yer ile yeksan.
Bugün kendi viran oldu yanıyur!

Yukseliyur köklere siyah duman,
Dört taraftan çağrılıyur el-aman.
Lâkin Ğarptan yel esiyur pek yaman,
Qoca bina beş senedir yanıyur!

Mağzende bir gaz fıçısı patlıyur,
Yangın büyük adımlarla atlıyur.
Qundaqçılar da vira qundaqlıyur,
Her kün yeñi bir mahalle yanıyur!

Hasıl kelâm, ev durmadan yanıyur,
Ev sahibi bunu ruya sanıyur.
Zavallı, kim ne derse inanıyur,
Sen boğazı unut! Evin yanıyur!

Cenk meydanı¹

Yüksek orman eteginde yorğun asker uyuyur,
Azrail baş ucunda elde qilıcı duruyur.
Hava bulut, gece qaranlıq olsa da, uzaqтан,
Dağ başındaki düşmanniñ yarığı körüniyur.

Qaranlıq eksilüp başlay, tañ yeri ağarıyur,
Daha küneş doğmadan her tarafı sis sarıyur.
Çoqтан beri, uyqu yüzü körmeyen qarağul da,
Silâhına tayanup, tatlı uyquya varıyur.

---

¹ *Kermençikli C. Cenk meydanı (Поле боя) // Millet. 1917. İyül 6.*

Zavallıçıq! Rüyasında anasını körüyür,
 Babasını, ağasını, qardaşını soruyur.
 Taacüple beşikdə yatan çocuğı kösterüp,
 «Bu kimin çocuğı, kaç yaşında, adı ne?», – deyür.

Asker qattı uyquda eken, qopuyur qıyamet,
 Top, tüfenk, bomba, şrapnel, karteç, qurşun, pulemöt.
 Bir taraftan atlı asker, bir taraftan piyade.
 Hücümün şiddeti artıyur gittikçe ziyade.

Baş üstündə qarğa kibi uçuşuyur gülleler,
 Her daqıqa kesiliyür biñer-biñer kelleler.
 Bu gürülti, bu qıyamete alışan askerler,
 Fırsat bulsa, yene aşay, içe, oynay, küleler.

Aş-suv unutulı, uruş daha şiddetlenince,
 Her kes Allağa yalvara, dua ete dinince.
 El-ayaq kökte uça, başlar sürüklene yerde,
 Yeşil otlar üzerine, serile bir al perde.

Her taraf qıp-qırmızı qan, üstü-üstüne lâşeler,
 Yürümeniñ çaresi yoq, ayağa ilişeler.
 Ya eli, ya ayağından yaralı zavallılar,
 Qalqmaya istey, mecalı yoq, yüzü üstüne tüşeler.

Yaqınlaşa eki taraf, top ateşi kesile,
 Közüne qan düşen asker, süngü-süngüye kele.
 İşte, nerde qorquñç hal. İşte, nerde qıyamet...
 Bunu kören Azrail de can almaqtan irkile...

Eki taraf vahşiy kibi, saldıra biribirine,
 Biri ölürse, digeri keçe onuñ yerine.
 Büyük bir şevq ile saplay, zehirli qılıcını,
 Kendi kibi bir insanıñ gül kibi, yüregine.

Qorquñç «Urta» sadası ta köklere yüksele,
Bu yetişmey, arqadan qopa büyük bir velvele.
Eyi ki, tam bu arada bellisiz bir el ile,
Eki taraftan da teslim bayraqları çekile.

Söyle qardaş! Ne qazandıñ öldürmekten bir insan?
Yoqsa onu senmi yarattıñ, oña senmi verdiñ can?
Ne için öldüriyursıñ, kim için ölüyursıñ?
Vatan içinmi? Yoq, bunu hiç qabul etmez Vatan!

«Her kesi yaşasun», – deye yaratmıştır Yaradan,
Can almaqla qazanılmaz hiç vaqıt şühret-şan.
Aqlıñdamı, evvelden verilen gerbler, nişanlar?
Aqlıñda ise, susama qazanmaya çoq nişan.

Köz kezdirüp baq hele bir etrafa, ne körürsiñ?
Havada qan, deryada qan, qarada qan, qan hep qan...
Artıña da aylanup baq, her evde üç-beş yetim.
Artıq Allahtan qorqmazsañ, taştan, topraqtan utan!

Esami cedveli yerine şiir¹

Babay kibi yükselsem bulutlara,
Yaqınlaşsam mavı, güzel köklere.
Usandım bu şefqatsız insanlardan,
Bir kerre yoldaş olsam meleklerle.

Nurlu küneş babam olsa, ay – anam,
Parlaq yıldızlar da olsalar ağam.
Melekler olsalar qardaşım, tatam,
Onlarle birlikte külsem, oynasam.

---

¹ *Kermençikli C.* Esami cedveli yerine şiir (Стих вместо поименного списка) // Millet. 1917. Sentâbr 11.

Yoq, bu az... çıqsam yedinci qat kökke,
 Küneş, ay, yıldızları çeke-çeke,
 Ta oraya kötürsem de çevrilüp,
 Közümi bir aylandırısam felekke!

Tursam orada, biraz rahatlansam,
 Yavaş-yavaş quş kibi qanatlısam.
 Uçsam, yükselsəm ta arş-i alâya,
 Yaqınlaşsam Gasprinskiy babaya.

Dertleşsem onuñ ile baştan ayaq,
 Alsam tatar tarihine bir siyaq.
 «Biz tatarmıyız, türkmüyüz?» – bu haqta
 Cebrailden de alsam üç beş sebaq.

Ensem oradan cennet meaviya,
 Begenmesem, çıqsam cennet-i alâya.
 Ruhset alsam qartbabamız Ademden
 Varsam, ulaşsam hazret-i Havvaya.

Birlikte cenneti bir baş dolaşsam,
 Hüriler, ğılmanlar ile tanışsam,
 Altun köşkler içine oturup,
 Serbest-serbest, toya-toya qonuşsam.

Yalan dünyaya bir daha dönmezdım,
 Onuñ acılarına hiç könmezdım,
 Babay kibi yalancı milletçileriñ,
 Yalan vadelerine ben qanmazdım.

Öz dilimiz¹

Üç-beş yıldan beri mende,
«Qırıq qalem»çigim elde.
Azaplanam, azam-tozam,
Kimerde bir şeyler yazam.

Bularnı men yazğan sayın,
Yerden taş çıxarğandayın.
Zahmet çekem, yanam-pişem,
Soñ şöyle bir oyğa tüşem:

Olsa bizim öz dilimiz,
Elge qalmasa künümüz,
Qolay, qolay yazar edik
Biraz aldğa ozar edik.

«Öz dilimiz», – deyim, baqıñ!
Başqaları kibi saqın,
Siz de inkâr etip turmañ
Erniñ tilge olğan haqqın.

Şükür, bu künni men kördim,
Artıq muradıma erdim.
Endi biraz aldğa varam,
Başqa bir şeyge yalvaram:

Bu dil ile hikâyeler,
Gazet, jurnal, risaleler
Yazmaq için başta bize
Kerek temelli qaideler.

---

¹ *Kermençikli C. Öz dilimiz (Наш язык) // Millet. 1918. Noyabr 20.*

Bundan soñ tatar sarfları,
 Türlü mektep kitapları
 Hele küçük balalara
 Bala edebiyatları.

Kerek olsun hep bu dilde,
 Başqa dil olmasun ilde!
 Rastkelen de yañı bir dil
 Çıqarup turmasın yılda.

Bu dil kirsün aramıza,
 Merhem olsun yaramıza.
 Söylemek farz aynı olsun
 [...] qaramıza.

Sen ölme, doğ!¹

Ey, genç tatar!
 Baq küneşe – sabah doğar, aqşam batar.
 Sen doğmuştıñ,
 Birde battıñ. Bir daha doğsañ, ne var?

Doğmaq, ölmek,
 Yene doğmaq, yene ölmek bittekrar.
 Bu bir qanun!
 Bu qanundan boyun çekmege ne var?

Sen ölmekle
 Zann etme ki, sanki qıyamet qopar.
 Hayır... Faqat...
 Yaşav mümkün eken, ölmek de ne var?

¹ *Kermençikli C.* Sen ölme, doğ! (Не умирай, возродись!) // Millet, 1917, Oktâbr 3.

Doğmaq, ölmek
Yene doğmaq, yene ölmek bittekrar.
«Bu bir qanun!»,
Dedik, evet bu qanun Qur'anda var.

Soñ söz¹

Ben tatarım eñ küçük bir şeye ben köz yummam,
Küçük bile olsa, yardımı düşmanımdan ummam.
Doğrulığa, yahşılığa her vaqıt boyun egerim,
Lâkin haqsızlığa asla, asla, asla boysunmam.

Ecdadımın kesik sözü qılıçtan keskin edi,
Haqiqata qarşı bir qozudan miskin edi.
O, bir haqsızlığa qızsa, açuvlansa, köpürse,
Onu durdurmaqçün ancaq haqiqat dizgin edi.

Onuñ ötkün davuşından titrerdi bütün cihan,
Atı kişnerse, qopardı sanki qıyamet, tufan.
O, bir kerre askerine «Qon!» buyruğını verse,
Qarşısına çıqan düşman savrulırdı toz-duman.

Dünyanıñ her köşesinde vardı üç-beş ülkesi,
Hiç birinde yoqtu hatta haqsızlığın kölgesi.
Mahküm milletleriñ haqqına da hürmet ederdı,
Onuñ paytahtı degildi mahküm millet celkesi.

Ben o tatarın oğluyım, kerı almazdı sözüni,
Haqiqata qarşı bir kerre çevirse yüzüni,
Ben isterim damarında tatar qanı dolaşan,
Yigit varsa, söylesün doğru, yummasın közüni.

---

¹ *Kermençikli C.* Soñ söz (Последнее слово) // Millet. 1917. İyun 27.

Ey, tatarı seven, acıyan vicdanlar qorqmayıñ,
 Qırza zebirlere baqıp çalışmaqтан bıqmayıñ!
 Büyük tatarlığa verdigiñiz büyük antları,
 Namusıñız üzere verdigiñizi unutmayıñ!

Böyle iftira-bühtanlar yalıñız degilsiz,
 Size, bize, dinimize hem milletimize.
 Böyle emiş-demişçilere qara yüzlü derler,
 Söyleyecek çıqsun meydana, söylesün köz-köze!

Tatar, neçün baş üstüñde dalğalanmay kök sancaq?
 Neçün üç-beş haine sen oluyursıñ oyuncaq?
 Yoqsa halâ kerametmi bekluyursıñ onlardan?
 Yoqsa halâ kemigiñe dayanmadımı pıçaq?

Tatar! Ur, yıq, urul, yıqıl, devir, devril, yine qalq,
 Yaşa, yaşat, öl, öldür ne ister, söylesün halq.
 Yükselmek degilmi arzuñ? Ya neçün yükselmiyursıñ?
 Eger yükselmek isterseñ, yere degil, kökke baq!

Ben soñ sözümi söyleyim, darılacaq darılsun,
 Haqiqata qarşı bir degil, biñ hatır qırılson.
 Qanı bozuq, qalbi çürük, yüzü qara babam olsa,
 Çıqsun tatar dünyasından, cehenneme yıqılson!

Şairiñ göñlü¹

Eser bir süyrü yel şarqtan,
 Töker yaprağı ağaçtan.
 Körer bunu ğarip şair,
 Kesilir uyqudan, aştan.

¹ *Kermençikli C. Şairiñ göñlü (Душа поэта) // Millet. 1917. Dekabr 21.*

Altı ay qış üşür, buzlar,
Faqır, yetim, odunsızlar.
Çıplaqları körer şair,
Yüregi qaltırar, sızlar.

Ğarip yetim el uzatır,
Bir kapige yüz qarartır.
Bu halı körmeden her kün,
Şairin göñlü bizardır.

Hatta o körse yılanı,
Ki, insanıñ eñ düşmanı.
Yene öldürmeye razı,
Olmaz şairin vicdanı.

O her kesi sever, acır,
Demez faqır, zengin, tacir.
Cümle insan – Tañrı qulu –
Mümin, kâfir, fasıq, facir.

Tatarım¹

Baş üstümde dolaşyur bir bulut,
Bana deyr: «Tatarlığy sen unut!»
Hayır dostum, sen bu dertten fariğ ol
Şu sözleri hatırıñda eyi tut:
Sen ne derseñ – tatar oğlu tatarım,
Tatarlıqtır ma-bih-il-iftiharım!

Lâtif bahar rüzgârı küerse,
Dört taraftan accı yeller eserse,

¹ *Kermençikli C. Tatarım (Татария я!) // Millet. 1918. Avgust 2; Oktâbr 16.*

Yerler, kökler, dağlar, daşlar, deňizler
 Yüz çevirüp yollarımı keserse,
 Yol aramam ortalıqta yatarım,
 Amma derim: tatar oğlu tatarım!

Qorqunç şemşek hiç durmayup çaqarsa,
 Her tarafı yıldırımlar yaqarsa,
 Biň yıl yağmur, burçaq, qar, buzlar yağup,
 Düşen seller ortalığı yıqarsa,
 Yükselirim, alçalırım, batarım,
 Yer altına kirsem, yine tatarım!

Dünya batsa, derya taşsa, çağlasa,
 Ay, küneş de qorqup qaçsa, ağlasa,
 Yedi qat yer, yedi qat kök birleşüp,
 Tatarlığı inkâr etse, saqlasa,
 Yeri, kökü birbirine qatarım,
 İnkâr etmem yine tatar, tatarım!

Cebrail saña şahitlik ederse,
 Mikail de qısmetimi keserse,
 Azrailin elinde qılınç kelüp,
 İsrail de soň surını üflerse,
 Haqqıñ huzurında biň yıl yatarım,
 Red ederse, zorle derim: tatarım!

Arş-ı alâ ahirete enerse,
 Levh-i mahfuz köz ögüme kelirse,
 Yedi cehennem, sekiz cennet, bir sırat
 Havz-ı kevser tatar degilsin derse –
 Cümlesini bir tarafa atarım!
 Cehenneme ketsem, yine tatarım!

Ğilmanlar da senden taraf olursa,
Cennet hürilerinden sorulırsa,
Her millete cennetten yer verilüp,
Tatar olan cennetten qoğulırsa,
Ebediyen cehennemde yanarım,
Lâkin yene tatar, tatar, tatarım!

Uçurumıñ başındayız¹

Ey, tatar bahtsız qadın-qızları!
Sizi neçün kimseler begenmiyur?
Ey, istiqbaliñ ümüt yıldızları!
Neçün siziñ qadriñiz bilinmiyur?

Bir vaqıtlar seniñ içün çalışan
Tuvğanlarıñ saña kefin piçiyur.
Seni yaşamaya lâyıq körmeyüp,
Yan köz ile mısqıl edüp keçiyur.

Neçün saña beceriksiz deyurlar?
Tezgâh buldıñ da, bez toqumadıñmı?
Yoqsa seniñ içün mektep açtılar,
Oquttılar da, sen oqumadıñmı?

Bir vaqıtlar birlikte cenkke kettiñ,
Zevciñ ile yan-yanaşa cenk ettiñ.
Ne vaqıt ki, seni esir ettiler –
Cenkçiligi erkeklere terk ettiñ.

Bundan soñra kündüzleri çift sürdüñ,
Aqşam olsa, ev hızmetleri kördüñ.

---

¹ *Kermençikli* C. Uçurumıñ başındayız (На краю обрыва мы) // Millet. 1918. Avgust 8.

Gece-kündüz esir kibi durmayup –
Aş pişirdiñ, tiktıñ, yamadıñ, ördüñ.

Saña reva körülmeyup esaret,
Açıq olmuş olsa, mektep qapusı,
İlim, irfan, medeniyet, nezaket –
Sende toplanmış olurdı hepisı.

Seni «cahil», – deye mısqıl edeniñ
Bildigi baq nedir, Ğarplıya köre:
«Çatra-potra, babam tavşan ketire,
Bize qalmay, anam aşay bitire».

Saña hayat yabancısı deyenler
Kendileri acep nerde buyumış?
Babasından qalan eski evçikte,
Sor, baq kimiñ quçağında uyumış?

Asırlarle saqladığın safiyet,
Qıyamete qadar seni añdırır.
Ğarptan kelen boyalı insanıyet,
Onları baq nasıl tez usandırır.

Seni tahqir etmek, külmek, horlamaq,
Tatarlığı tahqir etmek demektir.
Seniñ azat nefsiñ ile oynamaq,
Tatar namusını lekelemektir!

Arqadaşlar! «Tarih, lisan, añane» –
Deye zıplıyurız her kün bir yana.
Bu şeyleri kim öğretir, kim saqlar?
Şübhesiz ana! Ana, ancaq ana!

Asırlarle esarete dayanan,
Analarımız bu horluğa dayanır...

Lâkin bir kün kelir, onuñ qalbinde
Bizim kibi yañlış fikir uyanır.

İşte, o kün ğayıp olur millet,
Milliy duyġu öler, mahv olur millet.
Tarih, ecdat, ahfat bize yaġdırır,
Qıyamete qadar nefret ve lânet!

Vatan hainlerine qarġışlarım!¹

Lânet size ey, zeherli yılanlar,
Yüregiñizi biylesün çayanlar.
Tamırınıza kükürt soyu yürüsün,
Ağızınızdан taşsun qara qanlar.

Yer yüzünden silsün sizi tufanlar,
Közünüzi tutsun temiz vicdanlar.
Bilmem daha ne istersiz milletten,
Yetişmedimi verdigi qurbanlar?

Yetişir bu milletiñ sayesinde
Taqındıġınız çeşit-çeşit unvanlar.
Def ol gidiñ bu milletiñ başından,
Yeriñiz olsun qaranlıq zindanlar.

Nedir bu zavallı milletiñ suçu?
Size yetişmezmi belleysiz küçü?
Tutsa eger yaqañızdan, bir yere,
Qıyamete qadar kelmez eki ucu!

---

¹ *Kermençikli C. Vatan hainlerine qarġışlarım! (Мои проклятия изменникам Родины!)* // Millet, 1917, Sentâbr 1.

Vatanımdan çıq!¹

Bu ne güzel bir sabah!
 Asırlarla esarete mahbus qalan bülbüller,
 Göñüllere intibah
 Veren tatlı sedasıle durmayup ötüyurlar.

Bu ne güzel seyir-gâh!
 Etrafında dolaşıyur hep günâhsız melekler,
 Göñüllere secde-gâh
 Bu yer olsun! Bu bağçada istenilsün dilekler.

Bu ne berraq, saf deñiz,
 Kündüz kümüş, gece altın ayna kibi parılday
 Sanki akis egiz,
 Qazlar kibi uçuşuyur parlaq küneş, nurlu ay.

Qanat kerme ey, qartal,
 Seniñ ağır uçuşından usandı saf göñüller.
 Seni qaldırmaz bu dal,
 Bu dal meşe dalı degil, baq üzerinde güller.

Baq şu harabelere!
 Oğursız ayağın bastığı yerlerde ot bitmez
 Sozul viranelere!
 Gül dalında seni köre turup da bülbül ötmez.

Ey zeherli mikroblar!
 Qalbiñizde yılan yatar, melek kibi turursız.
 Güllerimizi qoqlar,
 Sizden soñra qoqlayanı zeherler, öldürirsiz.

¹ *Kermençikli C. Vatanımdan çıq!* (Прочь из Родины моей!) // Millet. 1918. İyül 28.

Qadrizade Abdurrahman

Doktor Riza Tevfîq beke nazire¹

Kezdim cihan cenki olan yerleri,
Her yer viran olmuş, umran qalmamış.
Qanlı felâketler sarmış her yeri,
Hastalar halını soran qalmamış!

Boyunlar bükülmüş, külmeyur yüzler,
Beyinler uyuşmuş, körmeyur közler.
Qararmış göñüleri, keçmeyur sözler,
Dostlar yarasını saran qalmamış!

Haneler yıqılmış, ocaqlar sönmüş,
Qadın-erkek, cümle yasa bürünmüş.
Müzeyyen saraylar, ahire dönmiş,
Körülmedik, hiç bir ziyan qalmamış!

Tatarlar bozmuş derin handaqlar,
Yerinden uyanmış taşlar, topraqlar.
Ağaçlar qırılmış, qopmuş budaqlar,
Harap olmadıq, bir orman qalmamış!

Bağçalar qurumuş top ateşinden,
Bu mebâde yetişmiş bunlar peşinden.
Dereler keçilmez insan leşinden,
Çöllerinde bile hayvan qalmamış!

Köyleri doldurmuş közsüz, qulaqsız,
Bundan da ziyade elsiz, ayaqsız.

---

¹ *Qadrizade A. Doktor Riza Tevfîq beke nazire* (Подражание доктору Ризе Тевфик беку) // Millet. 1917. Oktâbr 10.

Kimniñ dişi yoq, kimi qulaqsız,
Kimniñ beñzinde hiç qan qalmamış!

Ticaret durulmuş, yollar qapanmış,
Bitaraflar bile cenkten usanmış.
Kimi körsek, belli – hep canı yanmış,
Söylemeye lâkin lisan qalmamış!

Mamur memleketler hep viran olmuş,
Yıqılmış şeerler toz-duman olmuş.
Hükümetler batmış, binişan olmuş,
Hükümdarlarında ünvan qalmamış!

O güzel Belçiqa yandı, kül oldu,
Sırbiye, Qaradağ hep süpürildi.
Romanyadan da bir kölge qaldı,
Yunanı hesaba alan qalmamış!

Vahşet qanadını kermiş dünya,
Merhamet qalqmış, kin kirmiş araya.
Adalet çekilmiş guya semaya,
Mantıq ğayıp olmuş, bir han qalmamış!

Rahmi, ne dehşetli zamana erdiñ?
Seri añlaşılmaz devrane erdiñ.
Her kün sulh-ı ümüdiñ, hüsrana erdiñ,
Sulhıñ meclisini quran qalmamış!

Kermençikliye nazire¹

Cümle alim kelüp beni dögseler,
Dişlerimi birer-birer sökseler,
Közlerime qara buber ekseler,
Her yanımı bir tarafa çekseler,
Yayğara ile her tarafı tutarım,
Tepinerek bağırırım: tatarım!

İlm ve fenni eki kapige almam,
İnat edüp, ne söyleseler qanmam.
Tatarlığa sarılırım dört elle,
İnatlıqta kimseden kerî qalmam.
Qayalar kibi ant ettim, tutarım,
Tatarım ben, tatarım ben, tatarım.

Anam, babam cümle benden küsseler,
Sopalarle vücudımı ezseler,
Yene dönmedigim körüp sözümden,
Çeküp dilimi bir qarış kesseler,
Biñ bir türlü işaretler yaparım,
Añlatırım işaretle: tatarım!

Haftalarca beni aç biraqsalar,
Suvsuzlıqle cigerimi yaqsalar,
Varımı-yoğumu ğâret eyleyüp,
Cümlesini ateşlere yaqsalar,
Kömlegimi, iç tonumu satarım,
Sözümden dönmezim, derim – tatarım!

Bence tatarlıqtan yoq hüner,
Tatarlıqtır cümlesinden müteber.

¹ *Qadrizade A.* Kermençikliye nazire (Подражание Керменчикли) // Millet. 1918. Oktâbr 21.

Bundan ğayrı hiç bir sözü diñlemem,
 Zira, tat erişse, çarığını yer,
 Çarığımı, çalğavımı yutarım,
 Yene derim hep: tatarım, tatarım!

Bu oğurda baş-köz yarılrsa,
 Kelen-keçen boğazıma sarılrsa,
 Üç yüz yıllıq mezarından çıqıp da,
 Ahmet ağa kendi kelüp darılrsa,
 Onuñ da ben saqalından tutarım,
 Hayqırırım yüzüne: ben tatarım!

Köz ögünde mezarımı qazsalar,
 Köksüme «İdama mahküm» yazsalar,
 Tatarlığı unut, deyup döğerek,
 Ağzımı yumruqla urup bozsalar,
 Bağırırım, boğazımı yırtarım,
 Tatar, tatar, tatar, tatar, tatarım!

Münker, Nenkir kelüp, sual sorsalar,
 «Rabbiñ, Peyğamberiñ kimdir?», – derseler,
 «Tatarskiymi, müsülmanskiymi?», – deyup,
 Ateş, toqmaq ile başım yarsalar,
 Kefenimi pare pare yırtarım,
 İnadıma derim yene – tatarım!

Qurultayın açılması için tarih¹

İşte, parladı tatarıñ necm-i ikbali bugün,
 İşte, doğdu ufuq-ı hüriyette şems şevketi!
 Mujdeler, açıldı himmetle Qurultay meclisi,
 Tazelendi şimdi tatarıñ da eski satveti.

¹ *Qadrizade A.* Qurultayın açılması için tarih (Хронограмма в честь открытия Курултая) // Millet. 1917. Dekabr 3.

Qahramanlar diktiler ahır-ı zafer bayrağını,
Dalğalandı Hansarayı üzre tatar rayeti.
Fart-ı memnüniyetimden n'ola töksem köz yaşı?
Çoq zamandır körmemiştik çünki böyle nimeti.

Çatlasun düşmanların kin ve hasetten yüregi.
Körsün erbabı-ı haset bizlerde olan ğayreti.
Şimdi tatar kendi qanunlarını kendi tüzer,
Yar ve ağyara olur yasası varlıq hücceti.

İlim ve irfanıyle umran-ı bilâde sây edüp
Bu Yeşil adada artıq biz qurarız cenneti.
Cümle milletlerle qardaşlıq esası üzredir,
Hür tatarıñ itiqadınca siyaset hikmeti.

Yaşasın Qırım Qurultayı! Yaşasın hür tatar!
Yaşasın bunları yükselten o gençlik himmeti,
Rahmiye düştü nerana cevher-i tarihimiz,
Tüzdi Qırımда Qurultayını tatar milleti!

Soñ ğayret¹

Milliy sülukler mart yigirmi beşte ölmüşti,
Kelmişti tatarıñ o soluq beñzine qanlar.
O müstebdiler zümresi artıq kömülmişti,
Mesrur-u handan olmuş edi hep müslümanlar.

Lâkin yılannıñ, bilmeli, bir adeti vardır,
Başını ezseñ de, yene birden bire ölmez.
Mağlup olursa müstebdi, qabil degil bilmez,
Soñ ğayreti eyler ve der: «Ölmek bize ardır!»

---

¹ Qadrizade A. Soñ ğayret (Последние усилия) // Millet. 1917. İyül 31.

İşte, bunuñçüdi keçende müftiye hamle,
Soñ hamlesiydi bunlarıñ şımdı o alçaqlıq
Çıqtı faqat, bundan tatarıñ yüzüne aqlıq.

Ğayriy çekil millet yolundan, ey, deni cümle!
Ciğner seni millet, ezer, qalmaz eser senden.
Nefret saña, nefret saña, lânet saña benden!

Qurtiyev Mustafa

Şiir¹

(Rusçadan tercime)

Eşitesizmi, çingenelerniñ cırını?
Köresizmi, küneşiñ doğduğını?
Köresizmi ateş ile alıñan,
Kökniñ kenarını?

Ayağa qalq, cümle alem, vaqıt degil yatmaya,
Aç közüñni, nazar eyle küneşiñ tacına.
Köz qapamaq, yürek qırmaq degil bizim halımız,
Asırlarman pek baylatqan qoluñdaki buğavını qır!

Lütfi Abdulâtif

Milliy Qurultay açılacağı münasebetiyle²

Cemiyetimiz hami-i milliyetimizdir,
Milletimiz kâfil-i hürriyetimizdir.

¹ *Qurtiyev M.* Şiir: rusçadan tercime (Стих: перевод с русского) // Millet. 1917. İyul 27.

² *Lütfi A.* Milliy Qurultay açılacağı münasebetiyle (По случаю открытия народного Курултая) // Millet. 1917. Noyabr 12.

Ciddiyet ile başlayalım her işe zira,
Ciddiyetimiz hadim-i cemiyetimizdir.

Vazgeçmeliyiz tefriqadan çünkü bu halet
Bir maniadır mücip-i raqitimizdir.

Doğruluqтан sebat eyleyelim hep
Doğruluq lâyıq haysiyetimizdir.

Emniyete teşviq ideriz nasıy yoluyle
Kördüğimiz işler mücip-i emniyetimizdir.

Evet, millet nazırıdır, onuñ hikmeti mutlaq
Tasdiq ve tasvirdeki qutsiyetimizdir.

Din ve milliyeti himaye lâzim
Hamimiz esas cemiyetimizdir.

Kim muteriz olsa şeref dine diliyle
Kesmek dilini mutlaq hassiyetimizdir.

Hürriyet-i adil ve müsavat-ı uhuvvet
İnsaf ve edep lâzim mahiyetimizdir.

Meñliğağayev B.

Tuvğanlarıma!¹

Sağa deymen, tuvğanım etmeyñ şay,
Bir sene mollaya mırza demeyñ bay.

---

¹ *Meñliğağayev B. Tuvğanlarıma! (Родным моим!) // Millet. 1918. Noyabr 18.*

Bizni Ah yaratqan ayırmay, bölmey,
Darmadağın cürmeyin birligini bilmey.

Şu cürüşini qarıq bir oylanup,
Cürmeyin – biz qağayıp bilemen sanıp.

Tutayıq biz tiyaran babay sözün,
Ödeyik biz hepimiz Haq borcun.

Cibereberdik, qalmaq dinge hürmet,
Ne oqudana maida bar, bereket.

Sarılayıq hem bizler kerçek işke,
Asmayıq biz hiç qulaq hayalğa-tüşke.

Köründimiz körüdi – cav almaymız,
Ortalıqta bir qarar tapalmaymız.

İndemezden bey-töre çatlar işin,
Biringiler aňlata, kene tüşün.

Eki yıldır pitmedi şu tasavvur,
Köçemiz biz her işte, yaman avur.

Çağırırımız bir çıqsa endi coldan,
Keter barlıq, hem baylıq hepsi qoldan.

Eger bizler bolmasaq kene de bav,
Avdarılır mol caylav, hem Çatırtav.

Meñliğazı Şeyhmehmet

Şiir¹

Mahşer vaqtı baş köterir mahlüqatday,
Açtı közün bugün canlı cenazemiz.
Zalım, mazlum, haqlı-haqsız ayırılıp,
Çekti közün körülgen terazemiz.

Sarı altun doğdu acı sabırlardan
Ölgen gönül baş köterdi qabirlerden.
Hayırlı olsun dostlar milliy bayram,
Vicdanımız azat oldu cebirlerden.

Muallim

Sevgili Qırım için²

(Qırımın asıl fedakâr evlâtlarına)

Üst üste yıqılıp qalan asırlar,
Ah, bilseñ qalbime neler fısıldar?
Añarken zaferle keçen künleri,
Zehirden bir qatre içime damlar.

Bir zaman iqbaliñ küneş olmuştu,
Parlardı alnında zafer tacları.
Nihayet, felâket seni bulmuştu
Qırıştı tacını rus qırbaçları.

---

¹ *Meñliğazı Ş. Şiir* (Стих) // Millet. 1917. Avgust 3.

² *Muallim. Sevgili Qırım için: Qırımın asıl fedakâr evlâtlarına* (Любимому Крыму: истинным патриотам Отчизны) // Millet. 1918. Oktâbr 18.

Söylese, inleyen mazlum mezarlar,
 O qanlı tarihte neler-neler var...
 Her yandan közyaş çağlar, aqardı,
 O seller dünyayı boğar, yıqardı.

Ah, unut o qanlı maceraları,
 Saadet küneşi artıq doğuyur..
 Baq, şimdi düşmanı o qan boğuyur,
 Sen tüşün yarınki itilâları

Yadıyle bizleri ağlatan Qırım,
 İsterim, o neşen qalmasın yarım!..

Muqabil İhsan

Şehitleri añarken!¹

Qalbimiñ qanayan her yarasında,
 Hatta şu sislenen ufqun yasında,
 Siziñ yadıñızıñ bir hissesi var,
 Ey, qara topraqta öksüz yatanlar!

Kimsesiz yuvañız matemle tolu,
 Çiçekler şimdi hep zeher qoqulu.
 Bu külüyur bir çocuq kibi nağmesi,
 Açılan dudaqlar añarken sizi!

İçinde tikli accı bir sızı,
 Tul qalan kölge mezarıñızı,
 Perişan hisslerle bari ararmı?
 Ziyaretleriñiz yuqa rüzgârmı?..

---

¹ *Muqabil İ.* Şehitleri añarken! (Вспоминая павших героев!) // Millet. 1918. Oktâbr 20.

Vataniñ öğrunda ölen qahraman,
Bir türbe yapardım köz yaşlarımdan.
Dügümlü hissemle ağlayabilsem,
Başımı qabriniñ taşına silsem!

Ruhumuz bizim qanayan sızı,
Yad ider ağlarınız hatireñizi.
Qalbimiz size bir ebediy mezar,
Ey, qara topraqta öksüz qalanlar!..

Niyaziy Mehmet

Dobrucadan sizge selâm ketirdim¹

Bizge Qırım bir çağırım bolsa da,
Kop vaqıtlar bir haber alalmadıq.
Hasretlikten közlerge qan tolsa da,
Yeşil Curtqa doğru col tabalmadıq.

Soñra tuydıq: qaranlıqlar açılğan,
Güzel Qırım yeşillengen, şeñlegen.
Çatırtavdan küneş nuru saçılğan,
Millet curtta bayram yasap eglengen.

Mında tuvğan qartlarımız canlandı,
«Barlıq» tuyup süyüngenden ağlaştı.
Curt qayğusın çekken canlar atlandı,
Caş cigitler, cetken qızlar oynaştı.

Bir qaç yüz yıl tusnaq qalğan «Tatarlıq»,
Sarıp cıyğan «Kök bayraq»nı köklerde

---

¹ Niyaziy M. Dobrucadan sizge selâm ketirdim (Я приехал с благословением из Добруджи) // Millet. 1918. Oktâbr 18.

Sallandırğan... Oh, ne aruv şu barlıq:
Artsın şanı deñizlerde, her yerde!

Biz de Qırım balaları, halqımız!..
Bek az evvel ayrılğanımız Qırımdan.
Tozalmaymız, qaytacaqmız, artıq biz,
Qurtarıñız, añlaşılısın bir Vatan
Qardaşları bolğanımız kerçekten
Birleşeyik, biz ölsek de ölmesin
«Tatar» namı, eşitilsin yüksekten,
Saqın, bizni artıq düşman bölmesin!

Tatarlıqını yaşatacaq yaşlarğa
Dobrucadan biñ ihtiram ketirdim.
Curt qayğusın çekken qızlar, caşlarğa,
Aq yürekten taşqan selâm ketirdim.

**«İsmail bek darümuallimatı»nıñ
resmiy küşadı münasebetiyle¹
(Bir bala ağızından)**

Bugün bizge bir tarihtir, artsun bunday adımlar,
Sav boluñız, cıyın yapqan efendiler, hanımlar.
Bu mekteptir curtumızınñ bir tek ana ocağı,
Qız balağa doğru, açıq pek şefqatlı qucağı.
Bu mekteptir, öğretecek bizge ilmi, edebi,
Tatarlıqını köterecek «İsmail bek mektebi».
İsmail bek kimdir? Aytsın, barmı onu bilmegen?
O tügülmi bizniñ içün közyaşların silmegen?
Hep cılağan, hep acınğan, alay ömrün sarf etken,

¹ *Niyaziy M.* İsmail bek darümuallimatı»nıñ resmiy küşadı münasebetile: bir bala ağızından (По случаю открытия женского педчилища им. Исмаила бека Гаспринского: из уст одного ребенка) // Millet. 1918. Noyabr 3.

Tatarlıqını yükseltecek ğayretlermen tüketken!
O tuvulmı qartnı, caşnı gece-kündüz oqutqan?!
Tüşüp ketken tatarlıqınıñ qollarından pek tutqan?!
O, degendir: «Qorqma, bir kün kelir, barlı bolursıñ,
Doğrul biraz, cür aldıña, tatar kârlı bolursıñ!».
Her kes bilir onuñ üyken maqsatların, emelin,
Belki onuñ soyu qurdu bu mektepniñ temelini!
Bir küneştir nurun saçqan Yeşil Curtnıñ üstünde,
Ösecekmiz o nurlarman biz yarın da, bugün de!
Mektebimiz yaşadıqça, büyük namı yükselsün,
Ayday parlaq fikirlerden, dirilikler tez kelsün!
Bizge bugün bir tarihtir, artsun bunday adımlar,
Sav boluñız, cıyın yapqan efendiler, hanımlar!

Yolculuq hatıralarından¹

(Çatırtavlığa)

Tuna sahilinde on kün beklev.
Tuna aqar... hiç toktamay, eglenmiy,
Asırlarınıñ derdin taşır deñizge.
İñley osal insanlıqını begenmiy,
Ah, bu bizge –

Eglencedir belki, onuñ qalbinde
Qaç soğuşınıñ açuvları kömülgen.
Kim bile, kaç kişi onuñ túbünde
Batup ölgen?!

Celler ese, toqtamay... tereklerge
Çarpa, sarargan yapraklar qopara.
Yapraqlarman toz canğız ereklerge
Kök qarara.

---

¹ Niyaziy M. Yolculuq hatıralarından: Çatırtavlığa (Из путевых воспоминаний: Чатыртвацү). // Millet. 1918. Oktâbr 28.

Tuna aqa... hiç eglenmiy, toqtamay,
 Biz toqtaldıq.
 Celler ese, yapraqlarğa qaramay,
 Biz keç qaldıq!

Biz keç qaldıq... oñmay bizniñ columız,
 Neçün Yeşil Curtqa erte cetmiyiz?..
 Baylı tuvul ayağımız, qolumız
 Tez ketmiyiz!..

Nüzhet Mehmet

Ağladım!..¹

Alem-i islâmi baştan başa seyran ederken,
 Ey-vah! Sürü-sürü mazlumları körüp ağladım!
 Saireler marifette cıhanı hayran ederken,
 Közleri bağı müslümanları körüp ağladım.

Emlâki ğasp edilmiş, huquqı payimal olmuş,
 Haqsız çignenmiş masum canları körüp ağladım!
 Mesut aileler şerr adüvve duçar olup,
 Suv kibi tökülmiş al qanları körüp ağladım!

Vücutlar berbat olmuş, qalmamış hayattan eser,
 Çehreleri solmuş insanları körüp ağladım!
 Nedir dostluq, nedir düşmanlıq bilen pek az qalmış,
 Kör nefesine qurban olanları körüp ağladım!

Qardaşınıñ müthiş derdine dermanlar arayup,
 Hücumlara maruz qalanları körüp ağladım!
 Bu hal-ı felâket iştimalden ibret almayan,
 İnsan şeklindeki hayvanları körüp ağladım!

---

¹ *Nüzhet M. Ağladım!.. (Расплакался!..) // Millet. 1917. Sentâbr 4.*

Bir sarhuşıñ ağzından¹

Şu qaranğı gecede, qattı qıştı,
Sarhuşlanıp, yıqılup qaldım tıştı.
Ayaz yaman! Soqaqta bekçi de yoq,
Bir quvuşqa yaşanğan, o bayğuş da!

Capalaqlap qar tüşe ara-sıra...
Suvuq da pek şiddetli, yürekke ura.
Üstümde bir halat var, o da cartı,
Ayaqqabım qırq camav, pek avara.

Qaftanımnıñ tüymesı tüşüp bitken,
Kir biylegen, kölegini de çürütken.
Uçqur – yıpten, quşağım – bez parçası,
Yoq cebimde bir cavluq murun sürtken.

Başımdaki qalpağım on senelik,
Ne içinde astar var, ne töpelik.
Halqlar biraz kiygen soñ, atup taşlay,
Haygidi, sen, oñmağır, taltinkelik!

Qollarımnı toqtamay oqalayman,
Toñğanına dayanamay cılayman!
Tabandan kirgen soğuş başqa çığa,
Şaşqanmdan qulaqı qorçalayman!

Belde, tizde taqat yoq kop cürmege,
Teran cürsem, başlayman cütürmege.
Cürmez edim, lâçare, qatecekmen,
Cılınğanday bir yerim yoq kirmege!

---

¹ Nüzhet M. Bir sarhuşıñ ağzından (Из уст пьянчуги) // Millet. 1917. Noyabr 17.

Halqlar zevqta, sefada, sıcaq üyde,
 Qatar-qatar tonları tura çüyde.
 Aşhanası aş tolu, cebleri – aqça,
 Men, ğaripte, çıplaqta, yoq bir şey de!

Üyge barsam, tazirleycek apaqay,
 Deycek: «Bu ne masqaralıqtır, aqay?!»
 Barıñ-yoğuñ añlamaz sabiyçikler...
 Olar da der: «Qa, babam, bizge qaqay?...»

Apaqay da keyfini hiç tüzetmiy,
 Üç senedir «el üstü», taşlap ketmiy.
 Kop oqutıp baqtırdım, faydası yoq,
 Neday keyfsizlik, bilmem, aqlım cetmiy!

Taliyime çekilgen qara perde,
 Hissiyetim qalmadı hiç bir yerde.
 Bir ağaçtan farqı yoq bir insanman,
 Ne oquvda işim var, ne hünerde.

Şu bahtsız başını bir taşqa salsam,
 Şatır-matır buzlasam, qatup qalsam!..
 Belki ibret alğan bir can bulunır,
 Cavğan qarğa kömülip, batup qalsam.

Bir tatarın fığanı¹

Men barlıqtan yoq boldum, bek zor halım!
 Üyde şeyim qalmadı, tıšta malım!
 Körünmeye servet yoq, yekmeye at,
 Ayaq alup cürmeye yoq mecalım.

¹ *Nüzhet M.* Bir tatarın fığanı (Стенания одного татарина) // Millet. 1917. Avgust 1.

Aqşam yatsam yuqu yoq, oylanaman,
Sabahace töşekte aylanaman!
Yazlığımda cürgenim eske tüşse,
Qan terime bataman, hem canaman...

Qayda qaldı köy-köyden toylağanım,
Meydanlarda küreşçi saylağanım!
Al toru atım qoşun aldtan kelüp,
Qulağına poşular baylağanım...

Toyğa barsam, halq keyfim arar edi,
Kirsem, çıqsam ayaqqa turar edi.
Qonaqbaylar qarşumda temennaman,
Hatırımni, gönlümni sorar edi!..

Şimdi bağçam qurudı, gülüm soldu,
Harap qalğan curtuma miyav quşu toldu.
Elde hüküm qalmadı, tende quvvet,
Gece-kündüz zenatım qarğış boldu.

Köyde qoram talandı, çölde yerim,
Bütün ketti töktüğim manay terim.
Oquv desem – mende yoq, cahil qaldım,
Çalışırman der edim, yoq hünerim.

Faqırlandım, hor oldum, hırpalandım,
Barğan yerde köpekke men talandım.
Qurtarmağa cuvurğan hiç bolmadı!
Öz başıma çekiştim, çabalandım.

Sırım halqqa aytmadım, özüm bildim,
Tenha yerde közümniñ caşını sildim.
Şükür Tañrım, bu künni kösterdiñ,
«Hürriyet» bayramında men de küldim.

Çoranıñ peşmanlığı¹

Bir gece kök qararup, ay gizlengen,
Qar kop cavup, yer yüzüne tegizlengen.
Saroş üyge qaytqanda qaranlıqta,
Cıǵılǵaman, üst-başım temizlengen.

Candan süyer bir dostum meni körgen,
Leşday süyrep, üyüne alup kirgen.
Üstüm-başım pisligin cuvǵandan soñ,
Acıǵandan sıcaq bir yerge sergen.

Biraz vaqıt catqan soñ, suvsap yandım,
Alay mücem ezilgen, zor aylandım.
Başta qalpaq qalmağan, arqada çekmen,
Qayda ekenim bilalmay, kop oylandım.

Ne bolacaq? Cüremen her kün saroş,
Bir kapigim qalmağan, cebler de boş.
Başım, közüm teşilgen, qolum sınǵan,
Çataşqaman bir devge, ah, men, bayǵuş.

Aman, ya Rab! ne müşkül benim halım,
Ne bazartesim belli, ne de salım.
Gece-kündüz saroşlıq, oyuncılıq,
İçüp-oynap bitirdim olǵan malım.

Üyde bike süzekley, ballar da aç!
Eşik-tör qasvet tolu, yoq bir quvanç.
Aşamağa, içmege, caqmağa yoq,
Üst-başları ter-temiz, çir-calanǵaç!

---

¹ *Nüzhet M.* Çoranıñ peşmanlığı (Раскаяние крестьянина) // Millet. 1919. Yanvar 31.

Qaç kün evvel kene bunday bir gece,
Aqlım-miyim aylanğan içe-içe.
Üyge kelüp ballarnı qıynağaman,
Bir qızıma silgemen, tap ölgence.

O zavallı cılağan, men urğaman,
Üstün-başın al qanğa toldurğaman.
Qardaşları qorquşup, calbarşqanlar,
Oları da töbeleп taldırğaman.

Tövbe bolsun, vazgeçtim, artıq yeter,
Bu dünyada bir şey yoq bundan beter,
Apaqaynıñ ciyezın de coq etkemen,
O ballarnıñ köz yaşı meni qater?

Tañrı bizge emir etken, içmeñiz dep,
Kösterdigim sınırı keçmeñiz dep,
Bilmeseñiz sorañız bilgenlerden
Özüñizce ölçeme, biçmeñiz dep.

Oyun, içki haram, dey Qur'an bizge,
Ne raqığa ad salğan, ne de düzge.
Şu emirden oylanup ğayret alsaq,
Artıq daha ne kerek bundan özge!

Ökünç¹

Mezarday şu küflü üyde töşeme yoq, tam taqır!
Balaban bir horantaman çekişemen ben faqır.
Bike hasta, tüs-çıray yoq ballarnı sardı cütel,
Ah, Mevlâm! Barmeken menday ğarip, menday haqır?

¹ *Nüzhet M. Ökünç (Раскаяние) // Millet. 1918. Yanvar 10.*

Evimde ne unum var, ne may, ne bir asım etim,
 Tilenmek, deseñ, çaşlıqtan berli degil adetim.
 Aç, calanğaç, aşsız, suvsuz çaşamaq küç-dert eken,
 Birev körse qaltıray cüregim, qızara betim!

Qabahat mende, çaşlıqta kürsünmez dembel edim,
 Eşimni-dostumni: «Çalışmañız», – dep tenbeledim.
 Mektepkе verseler de, ben ara tapqanda qaçtım,
 Oylanmadım, ömrüm boyu hep şay keter belledim.

Turğan sayın belâ eñseden bastı, qasevet arttı.
 Qambur etti arqamni, başımniñ saçın ağarttı.
 Qayda barsam, peşimden ayrılmadı – quvdı, cürdi,
 Men qurtulmaq istesem de, o, hep özüne tarttı.

Belde qıyan, tizde sızı – qartlıq bastı özümni,
 Çer biyledi cüregimni, al qan bastı közümni.
 Men de arqadaşlarımday arüv oquğan bolsam,
 Sayar edi halq meni, keçirir edim sözümnı.

Ömrümniñ ahırında quvanmadım, hiç külmedim,
 Halqlarday beter zevqlar etüp, oynap-külüp cürmedim.
 Başı töben, moynu qısıq, közü baylı bir qulman,
 Oqumadım, yazıq ettim, mektep zevqı körmedim.

Başqalar bayram etkende, men qarağa büründim,
 Haqırlanup, azaplanup, qapularda süründim.
 Ne bir qardaş, ne bir yoldaş, can acırım qalması,
 Barğan yerde her keske men maymun bolup köründim.

Yüz sürdügim qapularğa «Kirmek yasaq!» yazıldı,
 Cürgen collarıma deren-deren hendek qazıldı.
 Şeherde, köyde, tavda, çölde hiç rahatlıq tabalmay,
 Cartı cürek parçalandı, tamırda qan bozuldı.

Türlü zahmetler içinde çekişüp ölecekmen,
Elden cıyılğan sadaqalarman kömülecekmen.
Üçüm, yedim, otuz yedim, müçelim berilmeyecek,
Bek oñmağır qul edı, bayğuş, dep sögülecekmen.

Bari tez ölgeydim, kop qıynalмай, qolğa qaramay,
Şay da benim hatırımını kimse kelüp soramay.
Milletime vasiyetim: «Balalarımını oqutsın!»,
Cahillikniñ soñu yaramay eken, hiç yaramay!

Pek bildim, qatıyım, keçti fırsat qolumdan,
Adaştırdı bu cahillik meni doğru columdan.
Eki közüm sav bolsa da, bir soqurdan betermen,
Qartaydım, haberim bolmadı oñumdan-solumdan.

Yeter artıq!¹

Etrafi sarmış zehirli ateşler alevlenirken,
Mamur, abadan yurtlar harabelere çevrilirken,
Eflâke sed çekmiş, saraylar dibinden devrilirken,
Utan, qardaş! Yeter artıq, ibret al bu felâketten!

Perişan olmuş aileler yollarda sürünirken,
Aciz qalmış yetimlerin qol-qanatı qırılırken,
Ağañ, evlâdın, hemşireñ digerlere hor olurken,
Uyan, qardaş, çalış, onları qurtar bu rezaletten!

Aqan suvlar, topraqlara insan qanı qatılırken,
Milletiçün fedaiyeler meydanlara atılırken,
Bazı alçaq, vicdansızlar ğayrılara satılırken,
Körüp, ibet al! Zira, faide kelmez melâletten.

---

¹⁰ Nüzhet M. Yeter artıq! (Довольно!) // Millet. 1917. İyül 20.

Nice yüz yıldan beri namusıñ tahqir edilirken,
 Daha doğrusı, varlığıñ her yerde inkâr edilirken,
 Haqlı, yerli talaplarıña hep qarşı gidilirken,
 Silkin artıq! Bilsinler, tatar qurtulmuş esaretten!

Odabaş Habibulla

Ana¹

Bir kiçkene balaçıqtım,
 Bir şey bilmez, añlamazdım.
 El-ayaqta yoqtu küçüm,
 Yürüp olmaz, atlamazdım...

Ağlasam da aç olğanda,
 Bir yerçigim ağırsa da.
 Ağızımda yoqtu tilim,
 Dertçiklerim aytamazdım.

Bir parçaçıq rüzgâr olsa,
 Suvuqlansam, beñzim solsa.
 Yaşnen tolsa közçüklerim,
 Köz yaşlarım silamazdım.

Sendiñ meni tuvğan anam,
 Bu vaqtımdan qorçalağan!..
 Baş ucumda, sabah-aqşam,
 Geceleri yuqlamağan!..

«Oğ-ğu, oğ-ğu!», dep ohşağan,
 Külsem – külgen, candan süygen.

---

¹ *Odabaş H. Ana (Мама) // Millet. 1918. Noyabr 25.*

Caşlansam – yanıp küygen,
Közlerine işanmağan!..

Anam, anam, tuvğan anam,
Seni candan süyüp sayam.
Lâkin süygü-sayğılarım,
Hiç bir türlü aytamayım!..

Qurultay qurulsın!¹

Aytuvlı han Aqsaq Timur otra altın tahtında,
Baş aşığı, qaşlar çatıq, dalğan deren oylarğa.
Oñ bey, sol bey, qart askerler, savcı başlar qatında,
Hepisinde başlar sarqıq, oylanalar onlar da...

Şanlı adı keñ köklerni yaşındayın çinlatqan,
Qart dünyanıñ tik başına buyruğını tinnatqan.
Tañrıdan başqa hiç bir küçnü bir çöpke de saymağan,
Bu küçlü han neçün şindi er başını şay asqan?..

Nedir onu tüşündirgen, nedir onu muğaytqan,
Qaysı qara bulut onuñ qızıl kökün qarartqan?
Qaysı çelik qılıç yarğan onuñ bulat kökregini,
Qaysı kör oq zehirlegen onuñ arslan yüregini?..

Yoqsa o bir yıldırımdan qorqulu haber aldımı?
Düşmanları ülkesine çetsiz asker saldımı?
Yoqsam onuñ elindeki qudret qamçısı sındımı?
Tav devirgen tunç askeri yerge batıp tındımı?

---

¹ *Odabaş H.* Qurultay qurulsın! (Пусть будет созван Курултай!) // Millet. 1918. Dekabr 8.

Yoq, yoq, bunlar tügül tüşündürgen Timurnı,
 Bundan tügül onda yanqar, çezilmez qayğı tüyümi.
 O bunlarğa tarsıqmaqnı özüne büyük kir saya,
 Tarqay bunday qayğıcıqlar o tek qolun sallasa!..

Qaruvlı han Aqsaq Timur tüşüne de, tüşüne,
 Onuñ büyük qafasından neler keçe, kim bile?!..
 Çevresinde oturğanlar ne aytmasın tapmaylar,
 Hepsi susqan, o ne deycek, qulaq salğan tinnaylar..

Yaş yürekli qart askerler şanlı cenkler oylaylar,
 Quş biyleri memleketçün yañı yollar yasaylar,
 Avcılarğa yıldıruvuq han avları körüne,
 Han oylana, onlar belley, o bunları tüşüne...

Lâkin yerni köçerinden sallandırğan bu hannıñ
 Bunlar tügül, bir dervişi iyken büyük qafasın!..
 Bir kün saba namazından çıqqandan soñ ulu han,
 Oña bir hatt uzatqandı derviş titrek qoluman.

O buna şay biysinmeyip töpeden bir köz attı,
 Oqudı bu sarı hatta yazılğan şu yazını:
 «Ulu hanım, unutma, ki sen de Tañrı qulusıñ,
 Haq Tañrınıñ buyruğını tutmağa sen borclusıñ!»

«Ve şavere dey oña: «Neçün halqnı cıymaysıñ?»
 Neçün yapqan işleriñde halqnıñ fikrin sormaysıñ?..
 Unuttıñmı atalarıñ qurultaylar qurardı,
 Özü yapqan işleriçün halq fikrini sorardı!»

Han bunlarnı oquğan soñ, çevre yaqa baqındı,
 Lâkin derviş bir sır bolğan, yerge siñip ketkendi.
 İşte, bugün divanında han bu hattı tüşüne,
 Çingizlerniñ qurultayı kele közü ögüne!..

Han salmaqnen kötere başın, etrafına köz taşlay,
Qart dervişiñiñ hattın oquy, soñ qol sallap ayta şay:
«Bu kiçkene sarı kâğıt ayta künday bir kerçek,
Tarhanlarım, bizge buña kerek mutlaq baş iymek!..»

«Berin davuş ortalıqqa, davullar urulsın,
Her bir yaqтан halq cıyılsın, qurultay qurulsın!..».

Recep-Hayri

Asker qardaş!¹

Bugün artıq üç kün oldu, uyqusızlıqtan öldük,
Yetmedimi bu askerlik? Artıq bezdik, töküldük.
Asker qardaş, neçün böyle nahaq yere laqırdı
Ediyursın? Bilmeyursıñ, bu ettiğini patırdı,
Bu milleti, bu tatarı yine mahküm edecek.
Aziz vatan, kim bilür kimlere qurban ketecek.
Tüşün qardaş, ecdadıñı, Cengiz, Timur, Batı han
Hür öldüler. Saña esir olmaq түşmez, ey, arslan!
Ölmek, demek ne demek ki, sen ölümden qaçasıñ,
Zalımlara, hainlere varup kökü açasıñ.
Qulaq asma, digerleri varsun bugün dağılsun,
Varsun her kes öz yurduna, salasına qavuşsun.
Balañ seniñ ağlar ise, «– Baba, turma, kel!», – derse,
Zevceñ dahi her kün seni «kelür», – deye beklerse,
Sabırı hiç elden bıraqlama, etme bugün acele,
Ketme eve, lâzim kelse, qar üstünde gecele.
Ölüm kelüp, saña qardaşım qapını qaqarsa,
Azrail de her kün pencereñden baqarsa,
Yene Tañrıñı deñiştirme, düşmanları quturtma,

---

¹ Recep-Hayri. Asker qardaş! (Товарищ солдат) // Millet. 1917. Dekabr 21.

Bugünecek çektigiñni hiç bir vaqıt unutma!
 Sen tüşüñ ki, bir tatar milletiçün, yurduçun
 Ölmek icap etse, qaçsun, havf eylesün o neçün?
 Ölmek, demek bir şereftir faqat, bilüp ölene
 Ayıp degilmi, ki tatar ecnebiyden dilene?
 Ne sebepten yoqsullıqlar, faqırlıqlar, mirzalar
 Yalnız bizde bulunsun, sefil olsun tatarlar?
 Şanlı tatar mezarında rahat yatsun ecdadıñ,
 Dünyada şan versün o kelecek ahfadıñ!
 İşte, bunları tüşüñ de, parlat silâhını, sil,
 Askerligi şeref tañı, tatarlığı aziz bil!

Şakiraliyev Yaqup

Qavğa sahnası¹

Her yerleri sarar ateş, qaplar sema-i duman!
 Çarpışırsa eki taraf, ne din baqar, ne iman!

Kiyik kibi can atarlar ölmeye, öldürmeye,
 Top, tüfek ateşini mümkün degil söndürmeye!

Şaqırdar qılıçlar, kesilir başlar, titrer cihan!
 Merhamet qalqar ortalıqtan, hep qan, hep qan, hep qan.

Qatliamlar, yağmalar toqtamaz, eder devam,
 Ölmeyi, öldürmeyi şan bilir kendine avam.

Bu qarğışlıq, bu afat beñzer mahşer kününe,
 Böyle şanı hiç qazanma, lânet oqu önüne!

¹ *Şakiraliyev Ya. Qavğa sahnası (Искусство боя) // Millet. 1917. İyül 14.*

Akoplarda soğuqlardan millionlarle can buzlar!
Sefaletten bunalırlar artta qalan qadın-qızlar!

Bu afat'a hayırı yoq ne duanıñ, ne senanıñ,
Evlâdıçün baĝrı yanar her bir baba ve ananıñ.

Yaĝmur kibi yaĝar qurşun, çare yoqtur gazlara,
Zelil asker batar, çomar belinece sazlara!

Qopsa «Urра!» sadaları – başlar büyük bir qırĝın,
Qan içinde sozulırlar cesetler yığın-yığın.

Devirmeden, devrilmeden çizilmez ömür yolu,
Hiç bir ferdiñ canın alma, hepsi Allahıñ qulu!

Şerefeddin Ğaffar

Göñülsizge!¹

Ay, göñülsiz, göñülsiz,
Sizler cansız tügülsiz.
Yeşil ĝonce içinde,
Açayatqan bir gülsiz!..

Tek tünevin quşaқта,
Ornattılar aşıñı.
Bugün boyuñ köralmay,
Töben alma başını!..

Erte ösken – tez solar,
Tübü yapraqqa tolar.
Bir de baqsañ körersiñ,
Uçup toz-topraq olar!..

---

¹ *Şerefeddin Ğ. Göñülsizge!* (Бездушному!) // Millet. 1918. Noyabr 12.

Tuvğan yeriñ öz topraq,
 Çevre-çeti suv, çoqraq.
 Küneş qızğın, cellerin kop,
 Yaşap bolurmı quraq?!

Şay bolğanda aşıqmay,
 Adımıñı avır al,
 Bir kün çıqar qarşıña,
 Qızıl güllü uzun dal!..

Qanma odur-budurğa,
 Boş sözlerden qaç erek.
 Bugün fidan bolsañ da,
 Yarın bulursıñ terek!..

Ara-sıra cel eser
 Furtuna seni sallar.
 Yelke üzüp de qaçar,
 Başsız ösken cat ballar!..

Lâkin tamrıñ ölmez,
 Otqa da canıp sönmez.
 Üstüne ot tüşse de,
 Tutqan yolundan dönmez!..

Öser-öser yükselir,
 Topraqnı-taşnı delir,
 Sabırlı bol, göñülsiz,
 O qıymetli kün kelir!..

İnanmasañ, baq kökke,
 Künni kör de fikir et.
 Cañğızman, dep tüşünme,
 Tañrım bar, dep şükür et!..

Baylan imanıñ ile,
Sağlam, qaviy imütke,
Qulaq asma, taş atma,
Kenarda örgen itke!..

Öz-özünü suvutıp,
Boşluq berme sözüñe.
Dünya batsa, batmam, dep,
Bas qalpaqını közüne!..

Şeyhzade İbrahim

Darulmuallimatqa¹

Süyünemen körüp tatar qızlarınıñ kelgenin,
Tatarlıqını çaşatmaqçün mekteplerge kirgenin,
Top-top çıqıp körseteler bir emelçün cürgenin,
Endi körmez bu tatarlıq bundan aldın körgenin.

Bu tatarın her ümüdi ancaq sizde, biliñiz!
Bunu bilüp demeñiz siz: «Tutqan coldan qaytaman».
Men bir tatar balasıman, tatar bolup aytaman,
Lânet tügül, şeref ile añsun sizni nesliñiz!

Bilirsiz! Qızlar için ilk adımını kim atqan,
İsmail bek bunuñ için babalığını qazanğan.
Haqqınıznıñ taptalğanıñ hiç istemey çalışqan,
Çelebicihan bunuñ için Qurultayda bağırğan!

Namı, şanı yazılğandır dahileriñ tarihte,
Altun suvlu yazılarle körülecek orada.

---

¹ *Şeyhzade İ. Darulmuallimatqa (Женской учительской гимназии) // Millet. 1918. Noyabr 23.*

Bunu bilin, qızlarımız daim olsun fikrinde,
Tatar için canın, malın feda etsün cerinde!

Süyemen men tatarlıqniñ bar bolğaniñ dünyada,
Caşay keldi, caşaycaqtır, köremen muni tatarda.
Süyemen men de aldğa taba talpunğaniñ körgende,
Temel taşlap işke kirdi, qaytmaz turar sözünde.

Zekki Osman

Seniñ için!..²

(Bir gencin ağzından)

Dünyada biñ türlü eziyetler kördüm, biñ türlü işkencelere oğradım. Çenklere kirdim, baş-köz ezik çıktım. Aç-çıplaq azdım bittim. Soğuqlarda dirildedim, sıcaqlarda qavruldım. Essiz yabaniy çöllerde “Mecnun”lar kibi dolandım. Taqatsız, yorğun qaldım. Lâkin yine benliğimi satmadım. Bunlar, bu kördüklerim, bilirmisiñ kimin içüندی?

Seniñ için!

Ölüm halında hastayım, rahatlığa muhtacım [...ine] yine vazgeçmeyurım. Safhavada şairane birtarzda cennet kibi ormanlıqlar, bağ-bağçalar içinde yaşamaq, tabiat musiqisini dinlemek, arğın-talğın ruhu ohşamaq, ezgin-bitkin vücudı dinlendirmek mümkün eken, ben bunların hepsinden vazgeçerek, kelegecimden de biraz kemirerek küçlükler, ağırlıqlar içine soquluyurım. Bütün küçümle çırpınıyur, çalışıyurım. Kimin için bilirmisiñ?

Tek seniñ için!

Ölüm bağlarında yetişen dünya dülberlerini gönül quşların versinler, bunları degil, cennet horların bağışlasınlar. “Qarun”

¹ *Zekki O.* Seniñ için: bir gencin ağzından (Ради тебя: из уст одного юноши) // Millet. 1917. İyün 27.

hazinelерiniñ de anahtarlarını qoluma tuttursunlar, bunlardan vazgeçer, lâkin seneden, qabil degil, keçemem!

Şu parlaq küneş qararsın, şu nurlu ay bunarlansın, şu yaltıravuq yıldız közün qımsın, şu maiy kök öz-özün yere ursun, şu maiy, dipsiz deñiz taşsın! Ölürim, yene qorqmam, tutqan yoluma ben degil, ruhum tüşer. O tırmalanır, o qoşar, kimiñ için? – yene seniñ için!..

Baht ve saadet eklilleri ile donatılmış açıq qapular isterim, gülleri solmaz fidanlar feryatları kesilmez bülbüller ile tolu saadet gülistanları isterim. Mahsulları tükenmez bağçalar, şuvultuları kesilmez nehirlerle tolu cennetler isterim. Altun köşkler, Turan tahtları, kök taclar, kök bayraqlar isterim...

Bunları da seniñ için!..

Seniñ için çektigim pek horluq, biñ azap, kördüğim ölgünlükler, talğınlıqlar, körmeceğim ölümler, çekişmeler hepsi, hepsi bir hiç.

“Neçün”mi deyürsün?

– Ben, sen, sen, ben olduğımız için.

Seni pek eñ yüksek, eñ temiz bir sevgile seviyorum. Seni yaşatmaq, seni yükseltmek, seni sen etmek için ben, ölümi bile hor körürim. Yaşayışım ancaq seniñ içündür. Yalınız seniñ için!..

ПРИЛОЖЕНИЕ: 2

Глоссарии

- Ağyar** – чужак
Asâr – старинный
Aşikâr – известный
Aşmaq – перейти; перескочить
Avelemek – лететь, порхать
Avır – диал. грузный
Avnamaq – валяться
Bitmek – диал. расти
Bizardmaq – диал. утомляться
Bızlamaq – диал. мёрзнуть
Busanmaq – диал. отчаиваться
Çağaraqlar – диал. трубы
Sayraq – диал. разрозненный
Con – диал. направление
Cumar – диал. непоколебимый
Cütel – коклюш
Cütkürmek – диал. кашлять
Deni – низкий, подлый
Dınlamaq – диал. внимать
Eflâk – небеса; судьба
Emlâki ğasp edilmîş – имущество разграблено
Emniyet – безопасность
Erek – дальний
Esirik – диал. опьянение
Esrar – тайны, секреты
Fariğ olmaq – отказаться
Fart – избыток
Fasiq, facir – порочный
Ĝâret – разграбление
Hami – покровитель
Handan – радостный
Handaq – диал. канава; окоп
Haqir – ничтожный; немощный
Haş – шум, гам; ссора;
Hasım – враг, противник
Haşmet – величественный
Hatt – письмо, ярлык; указ
Haysiyet – почёт, уважение
Hile – хитрость, уловка
Huquqi payımal olmuş – уничтоженное право
Hüsran – горечь утраты; урон
Hüzünlenmek – печалиться
İbret almaq – брать в пример
İdama mahkûm – приговорённый к смерти
İhmal etmek – отказаться
İhtilâl – восстание
İmdat – помощь; поддержка
İntibah – оживление
İqbal – сатье, удача; звезда
İrkilmek – вздрагивать
İstimal – употребление, применение
İstimdat – зов о помощи
İstintaq – допрос, дознание
İstiqlal – свобода; будущее
İtilâ – возвышение
İtiqad – вера, верование
İttifaq – единство
İymek – диал. склонить
Kâfil – взявший на себя
Kökrek – диал. грудь
Kölek, kömlek – диал. рубаха
Kürsünmek – диал. вздыхать
Kürzü – палица, булава
Leş – мертвечина
Mahzun – печальный
Mamur – счастливый; весёлый
Mannay – диал. лоб
Mekruhât – омерзительный
Melâlet – скука; печаль
Menfur – отвратительный

- Menhus** – злосчастный
Mesrur – радостный
Mesut-ul-hal yaşamaq – жить в счастье
Miskin – беззащитный
Muazzam – громадный
Mücip-i raqit – причина бездействия
Müfsit – портящий, смутьян
Munday – диал. такой, столь
Müni – диал. все, весь
Muñlanmaq – диал. грустить
Murun – диал. нос
Müştaq – тоскующий
Muteriz – протестующий
Mütevâtir – слухи, молва
Müzeyyen – украшенный
Nıfaq – раздор, распря
Öremek – диал. лаять
Osal – худший
Ot – поэт. пламя
Ou – диал. думы (грустные)
Özlemek – стосковаться
Pitken – заморившийся
Qabaq – рус. кабак, трактир
Qaldırmaq – поднять
Qanıqmaq – убедиться
Qatre – поэт. капля
Qırbaç – плеть
Qıyur – диал. край, грань
Qudsiy – священный
Qutlu – радостный
Resmiy küşadı – церемония открытия
Sala – село, деревня
Salt – только лишь
Sancaq – знамя
Say – работа, труд
Sebaq – урок, наставление
Secde-gâh – место поклонения
Serguzeşt – приключение
Set bilmez – не знающий преград
Sevqetmek – направлять
Sevir-gâh – прекрасный
Sırqav – диал. болезненный
Soğuş – диал. война; борьба
Süymek – диал. любить
Süyüküm – диал. возлюбленная
Süzeklemek – заболеть (чахоткой)
Tacir – купец
Tağarçiq – диал. кожаный мешочек
Tatarlıqtır ma-bih-il-iftiharım – татарство гордость моя
Tefriqa – раскол, раздор
Tegeneksiz – диал. без шипов
Tensiqat – реформа
Tevarih – хроники
Tinnamaq – диал. слушать
Titiz – диал. тонкий, нежный
Tözmek – диал. переносить
Tuğ – знамя
Tügül – диал. не
Tura – диал. традиции
Tusnaq – диал. неволя, рабство
Uhuvvet – братство
Ulsuz – диал. без сыновей
Umran-ı bilâde – богатые государства
Uruv – диал. близкие, родня
Vehamet – опасный; тяжёлый
Velvele – шум, гам
Yad – воспоминания
Yarmış – будущее
Yasa – военный устав
Yasamaq – диал. сделать
Yoratmaq – диал. гадать, толковать
Zillet – приниженность; стыд

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. *Алиев Ю.* Четэль кырым миллий эдебиятына бир назар. Симферополь: Кырымдевокьювпеднешир, 2007. 54 с.
2. Алядин Шамиль. Сайлама эсерлер / терт. А. Сеногул. Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. 640 с.
3. Амди Гирайбай. Джигитке. Шиирлер топламы / терт. И. Керимов. Симферополь: Тарпан, 2009. 112 с.
4. Амди Гирайбай. Шиирлер топламы / терт. У. Эдемова. Симферополь: Таврия, 1997. 144 с.
5. Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахае / сост. С.Д. Коцюбинский; отв. ред. Я.П. Бирзгал. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1937. 368 с.
6. *Бабаев А.* Бекир Чобанзаде: монография. Баку: Шарк-Гарб, 1998. 312 с.
7. Бекир Чобан-заде (1893–1973): биобиблиографический указатель / КРУ «Крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского» / сост. З. Ислямова. Симферополь: Доля, 2013. 240 с.
8. Бекир Чобанзаде: Жизнь. Судьба. Эпоха / сост. Д. Урсу. Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. 276 с.
9. *Бекиров Дж.* Несиллерден несиллерге мирас. Акъмесджит: Лемешко К.А., 2012. 160 с.
10. *Бельгисиз.* Эшит, мевта не севлеюр! Поэма. Джанкой: Тип. М.А. Абкина, 1909. 12 с.
11. Грезы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга / сост. Н. Абдульвап, пер. С. Дружинин. Симферополь: Доля, 2003. 72 с.
12. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с.
13. *Джавтобели З.* Эдебият севдалары: эдебий макъалелер. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1983. 128 с.
14. *Кангиева Э.* Крымоведение на страницах тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры / под ред. А. Непомнящего. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2007. 416 с.
15. *Керимов И.* Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.
16. *Керимов И.* Гаспринскийнинъ «Джанлы» тарихи: 1883–1914. Симферополь: Тарпан, 1999. 408 с.
17. *Керимов И.* Гъарбий Европанынъ архив ве кутюпханелеринде кырымтатар мевзуаты. Белгород: Константа, 2017. 176 с.

18. *Киримов И.* Къырымтатар эдебиятынынъ инкишаф ёллары (1850–1917). Белгород: Константа, 2018. 312 с.

19. *Киримов И.* Къырымтатарджа къыйын сёзлер (тахаллюслер лугъаты). Акъмесджит: Таврия, 2006. 176 с.

20. *Киримов И.* Медений эснас. Къырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги (1920–1938). Акъмесджит: Таврия, 1997. 496 с.

21. *Киримов И.* Теренлик: Умер Ипчининъ эдебий омюри. Ташкент: Ѓъафур Ѓъулам адына эдебият ве санат нешрияты, 1988. 144 с.

22. *Киримов И.* XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 1998. 184 с.

23. *Киримов И.* Художественные искания в крымскотатарской литературе 1850–1917 гг. Белгород: Константа, 2018. 312 с.

24. *Киримов И.* Эки асыр арасында XIX–XX – На стыке веков. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 1997.

25. *Киримова С.* Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии: Симферополь: Доля, 2002. 192 с.

26. *Керменчикли Дж.* Ма-бих-иль ифтихарым – къырымлыкътыр меним ѓурурым / аз. Т. Киримов. Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. 136 с.

27. *Киримов Т.* Творческое наследие Дж. Керменчикли. Симферополь: Оджакъ, 2007. 164 с.

28. *Киримов Т.* Традиции крымскотатарской литературы и печати (период I Крымскотатарского Курултая). Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 180 с.

29. *Кримський А.* Література кримських татар / упоряд. О.І. Губар. Симферополь: Доля, 2003. 200 с.

30. *Кримський А.* Студії з Криму. I–IX: відбитки з «Записок Історично-Філологічного Відділу» / ред. А.Е. Кримський. Київ, 1930. 212 с.

31. Крымскотатарская энциклопедия / сост. Р. Музафаров. В двух томах. Т. II. Акъмесджит: Ватан, 1991. 835 с.

32. *Къандым Ю.* Куреш мейданыны от басмаз. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2002. 256 с.

33. *Къандым Ю.* Юкъу ёкътыр козьлерде. Симферополь: Тарпан, 2009. 192 с.

34. Къырымтатар халкъ йырлары / терт. И. Бахшыш, Э. Налбандов. Акъмесджит: Таврия, 1996. 448 с.

35. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) /

сост. Я. Васильков, М. Сорокина. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2003.

36. *Лятиф-заде А.* Хаял – Омюр: макъалелер ве шиирлер джыйынтыгы / терт. Ш. Юнусов. Акъмесджит: Таврия, 2005. 120 с.

37. Мемет Нузет. Къырымнынъ чель аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.

38. *Мирер С.* Ахмет Ахай Озенбашский. Первая книга сказок. М.: Советский писатель, 1940. 292 с.

39. *Нагаев С.* Иште санъа, чобан огълу! Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2007. 196 с.

40. *Османов Ю.* Крым – Родина моя. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. 220 с. С. 94.

41. *Османов Ю.* Просветитель Востока Исмаил Гаспринский. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 312 с.

42. Очерки истории и культуры крымских татар / ред. Э. Чубаров. Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. 208 с.

43. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. 718 с.

44. Полный русско-татарский словарь / сост. О. Заатов. Симферополь: Типография Бр. Нутис, 1906. 118 с.

45. *Радлов В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен: наречия крымского полуострова. Ч. VII. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1896. 408 с.

46. Саадет ичюн. У. Токътаргъазы ве диг. Шиирлер, поэмалар, пьеса / аз. А. Алтанлы ве диг. Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1976. 138 с.

47. *Самойлович А.* Избранные труды о Крыме / ред. Э. Эмирова. Симферополь: Доля, 2000. 296 с.

48. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / сост. Н. Абдульвап. Белгород: Константа, 2018. 392 с.

49. Сейдамет Джафер. Публицистика: малоизвестные статьи / сост. Т. Куршутов. Симферополь: Крымучпедгиз, 2012. 128 с.

50. *Селимова Л.* Къырымтатар миллий матбуаты тарихына бир назар. Акъмесджит: Оджакъ, 2008. 121 с.

51. Сказки крымских татар в передаче М.Г. Кустовой / под ред. Р. Вуля. Симферополь: Крымгосиздат, 1941. 120 с.

52. *Урсу Д.* Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941) / ред. А.Р. Эмиров. Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. 144 с.

53. *Хайрединова Н.* Бабачыгъымны хатырлап / аз. Къ. Салядинов. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2015. 120 с.

54. *Чергеев А.* Айванлар не айталар. Про що розмовляють тварини. О чем говорят звери. Поэзия / аз. А. Чергеев; тердж. А. Канкин. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2005. 20 с.

55. *Чобан-заде Б.* Бир сарай къураджакъман. Шиирлер / аз. Н. Сейтъягъя. Симферополь: Сонат, 2001. 192 с.

56. *Чобан-заде Б.* Булутлар – Облака: стихи / пер. С. Дружинина. Симферополь: Доля, 2003. 68 с.

57. *Шеми-заде Э.* Эдебий ве тенкъидий макъалелер. Симферополь: Доля, 2000. 248 с.

58. *Юнусов Ш.* Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века: традиционное мировоззрение и меняющийся мир. Симферополь: Доля, 2004. 168 с.

59. *Юнусова Л.* Крымскотатарская литература: сб. произведений фольклора и литературы VIII–XX вв. Симферополь: Доля, 2000. 350 с.

60. *Яблоновська Н.* Кримська журналістика: етнічні аспекти. Сімф.: Кримнавчпеддержвидав, 2008. 290 с.

61. *Acar K.* Kırmılı Bekir Sıdkı Çobanzade: Dilciliği ve Edebiyat Araştırmacılığı. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2001. 518 s.

62. *Aqçurin M.* Nevadir-i nefise. Bağçasaray: «Terciman» Gazetası Taş ve Hurafat Basmahanesi, 1897. 22 s.

63. *Allahmanlı M.* Kırimtatar Edebiyyatı (Problemler, Mülahizeler). ADPU'nun Neşriyatı, Bakı, 2007. 146 s.

64. *Arbatlı Ü.* Çocuqlara Arqadaş. Qıraet. Petrograd: M. Maqsudov Matbahanesi, 1914. 87 s.

65. *Ayvazov H.* Neden Bu Hala Qaldıq? Baku: «Füyüzat» ve «Kaspiy» Matbaasında Tab Olunmıştır. 1907. 78 s.

66. *Bayburthl Y.* Elifba. Bağçasaray: Qırım Maarif Komissarlığı Neşri, 1926. 64 s.

67. *Bekir Çobanzade.* Menim Yazılarım. Şiirler ve Hikayeler. Aqmescit: Tarpan, 2009. 252 s.

68. Bekir Sıdkı Çobanzade / haz. A. Buran. Kurşunlanan Türkoloji. Elazığ: Manas Yayıncılık, 2007. 396 s.

69. *Bivalov Y.* Reci. Hikâye / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı. 1929. 32 s.

70. *Çehov A.* Agafya / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı. 1929. 20 s.

71. *Çobanzade B.* Boran. Şiirler. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı, 1928. 56 s.

72. *Çobanzade B.* Qırım tatar Edebiyatında Qurultaycılıq ve Milletçilik. Bakı: Azərbaycan İلمي Tedkik İnstitutu Neşriyatı, 1929. 38 s.

73. *Çobanzade B.* Soñ Devir Qırımtatar Edebiyatı. Tenqit Tecribeleri. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı, 1928. 102 s.
74. *Giraybay H.* Yaş Tatarlarğa. Manzumeler / haz. L. Azim. Bukureşti: Şansa, 1994. 136 s.
75. İnqılâbîy Şiirler Mecmuası: Yaş Qırım Şairleriniñ Eserleri. Aqmescit: Qırım Hükümet Neşriyatı, 1925. 102 s.
76. *Jitkov B.* Dülger / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı. 1930. 32 s.
77. *Kenan A.* Kırimlı Bekir Sıdkı Çobanzade: Dilciliği ve Edebiyat Araştırmacılığı. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2001. 518 s.
78. *Kence C.* Bala Şiirleri. Aqmescit: Qırım Merkeziy Yeñi Elifbe Komitesi Neşri, 1927. 33 s.
79. *Kırım C.* Nurlu Kabirler. İstanbul, 1991. 111 s.
80. *Kırım H.* Kırim Tatarlarında Milli Kimlik ve Milli Hareketler (1905–1916). Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1996. 296 s. S. 187–190.
81. Kök Kitap: Eserler Toplamı. İstanbul: Tatar Cemiyet-i Hayriyesi Neşri, 1920. 160 s.
82. *Qasimov C.* Bekir Çobanzade. Bakı: H Aliyev Adına Akademiasının Neşriyat-Poligrafiya Merkezi, 2018, 328 s.
83. Qırım şiirleri. Qırımın Tanılmış Şairleriniñ Seçilmiş Şiirleri / haz. C. Seydahmet Köstence: Emel Matbaası, 1935. 96 s.
84. *Quliyev V.* Füyuzatın İki Yazarı. Bakı: Elm ve Tahsil, 2017. 224 s. S. 19.
85. *Lâtifzade A.* Yañı Saz. Şiirler Toplamı. Aqmescit: Qırım Merkeziy Yeñi Elifbe Komitesi Neşri, 1928. 54 s.
86. *Mahmut N.* Ölümünüñ 75'nci Senesinde Mehmet Niyazi. Köstence: Newline, 2006. 194 s.
87. *Mehmet Niyazi.* İthafat Şiirler Toplamı. İstanbul: Kader Matbaası, 1912. 96 s.
88. Mehmet Niyazi. İthafat. Şiirler Toplamı / haz. E. Ülgen. İstanbul: Beşir Kitabevi, 2012, 147 s.
89. Mehmet Niyazi. Ölümsüz şiirler / haz. G. Akmolla. Constanta: Newline, 2007. 110 s.
90. Mehmet Niyazi. Sağış. Şiirler toplamı / haz. S. Karahan. Köstence: Europolis, 2003. 88 s.
91. Mehmet Niyazi. Sağış. Şiirler toplamı. Pazarçıq: Emel matbaası, 1931. 44 s.
92. Mektep ve Aile Mecmuası (1915–1916) / haz. E. Ülgen, A. Aksu. Constanta: Newline, 2003. 208 s.
93. Millet Cevherleri: N. Çelebicihan, C. Seydahmet, H. Ayvazov, H. Odabaş, O. Murasov, C. Kermençikli, A. Qadrizade: 1917–1920 ss.

«Millet» gazetasında basılğan edebiy-publitsistik eserler / haz. T.N. Kirimov. Aqmescit: QCI «Qırımdevoquvpedneşir» neşriyatı», 2012. 716 s.

94. *Mirskaya A.* Cesaretle Qız / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı. 1930. 22 s.

95. *Odabaş H., Hacı-Hasan U.* Türk-Tatar Tili: Birinci Basamaq Mekteplerin Dörtüncü ve Beşinci Sınıfları İçün Qıraet Kitabı. Aqmescit: Birinci Hükümet Neşri, 1923. 98 s.

96. *Odabaş H., Hacı-Hasan U.* Türk-Tatar Tili: Birinci Basamaq Tatar Mekteplerin Üçüncü Gruppalarında Oquv Kitabı. Kitap II. Aqmescit: Qırım Maarif halq Komissarlığı Neşri, 1926. 261 s.

97. *Odabaş H., Hacı-Hasan U.* Türk-Tatar Tili: Birinci Basamaq Tatar Mekteplerinde Elifbeden Soñ Oquv Kitabı. Kitap I. Aqmescit: Qırım Hükümeti Neşri 1927. 103 s.

98. *Odabaş H., Hacı-Hasan U.* Türk-Tatar Tili: Elifbeden Soñ Oquv Kitabı. Kitap I. Aqmescit: Qırım Hükümeti Neşri, 1925. 240 s.

99. Osman Kemal Hatif. Gökbayrak Altında Milli Faaliyet (1917 Kırım Tatar Milli İstiklâl Hareketin Hikâyesi) / haz. H. Kırmımlı. Ankara: Şafak Matbaacılık San. Tic. Ltd. Şti, 1998. 128 s.

100. *Otar İ.* Kırmımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları, 1999. 288 s.

101. Romanya Türk-Tatar Edebiyatı. 3 cıltta / haz. N. Mahmut. Constanta: Editura Europolis. 2000; Editura Newline. 2009.

102. *Seidamet Dj.* La Crimee. Passe – Present Revendications des Tatars de Crimee. Lausanne: Imprimerie G. Vaney-Burnier, 1921. 118 p.

103. *Stefanik V.* Yaquıcılar / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı. 1929. 40 s.

104. *Şafakçı İ.* Kırım Tatar Aydınlarından Hasan Sabri Ayvazov (1878–1938): Hayatı, Fikirleri ve Eserleri. Yüksek Lisans Tezi. T.C. Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, Türk Tarihi Anabilim Dalı, Genel Türk Tarihi Bilim Dalı. İstanbul, 2015, 142 s.

105. *Tohtarğazı H.* Naleyı Qırım. Şiirler Toplamı. Qarasubazar: Z.O. Ruşannıñ Matbaası, 1910. 18 s.

106. *Ülküsal M.* Kırım Türk-Tatarları: Dünü. Bugünü. Yarını. İstanbul: Baha Matbaası, 1980. 366 s.

107. *Vaşentsev S.* Bütürnusiye İmperatriçesi / terc. M. Nüzhet. Aqmescit: Qırım Devlet Neşriyatı. 1929. 32 s.

108. Yaş Tatar Yazılıları / haz. Yaş Tatar Yazğıçları Cıyını. İstanbul: Bab-ı alı Qarşusunda Tavsi-i Tabaat Matbaası, 1912. 50 s.

109. *Yüksel Z.* Kırım Tatar Şairi Hamdi Giraybay. Şiirler Toplamı. Ankara, 2012. 256 s.

Научное издание

Киримов Таир Нуридинович

**Генезис и идейно-художественные традиции
крымскотатарской литературы в контексте
национально-демократического движения в Крыму
(1917–1920)**

**The Genesis, Ideology and Artistic Traditions
of Crimean Tatar Literature Through the Context
of the Crimean National and Democratic Movement
(1917–1920)**

МОНОГРАФИЯ

Книга I

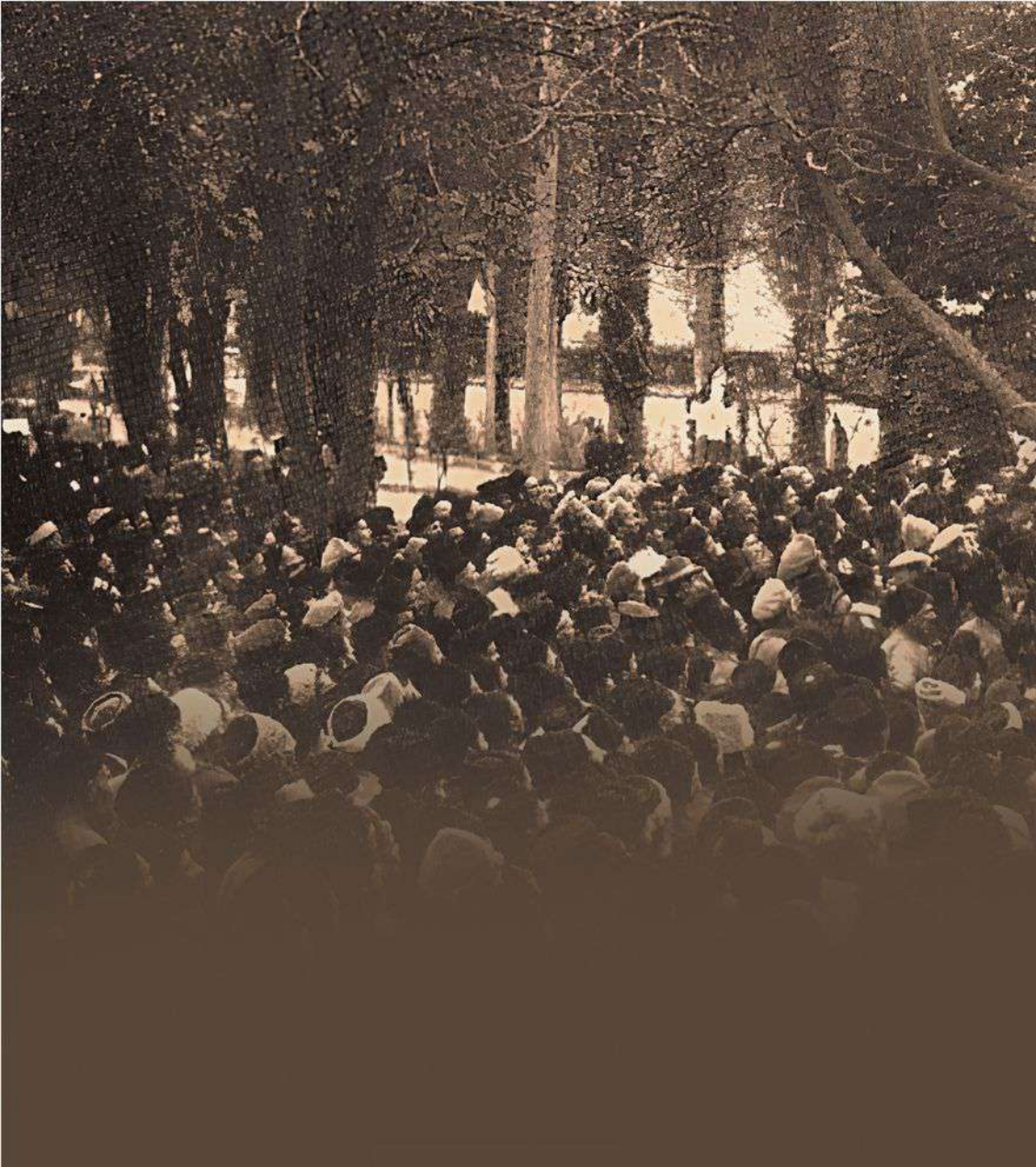
ISBN 978-5-00207-762-5

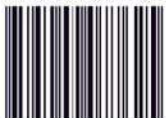
9 785002 077625 >

Подписано в печать 14.02.2025 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times Nev Roman. Усл. печ. л. 18,4. Объем 19,5 печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 720-25.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
Сайт: www.amirit.ru

ISBN 978-5-00207-762-5

9 785002 077625 >